

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 5

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2010

ББК 63.211
И 91

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы:

Д.Н.Маслюженко (разд. 1, гл. 1), *Я.Г.Солодкин* (разд. 1, гл. 2, 3),
И.А.Силаева (разд. 1, гл. 4), *В.В.Митрофанов* (разд. 1, гл. 5),
О.П.Цысь (разд. 1, гл. 6), *О.П.Еланцева* (разд. 1, гл. 7),
А.Б.Храмцов (разд. 1, гл. 8), *В.В.Мошкин* (разд. 1, гл. 9),
В.В.Фарносова (разд. 1, гл. 10), *С.Н.Решетникова* (разд. 2, гл. 1),
Н.Н.Симачкова (разд. 2, гл. 2), *В.В.Борисова* (разд. 2, гл. 3),
Л.В.Алексеева (разд. 2, гл. 4)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г.Нижевартовске) *В.В.Митрофанов*;

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая
кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Западно-Сибирского института финансов и права *Л.В.Мокина*

И 91 **Источниковедческие и историографические аспекты си-
бирской истории:** Коллективная монография. Ч. 5 / Под общ. ред.
Я.Г.Солодкина. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит.
ун-та, 2010. — 258 с.

ISBN 978–5–89988–762–8

В пятой части коллективной монографии очерчен широкий
круг проблем источниковедения и историографии истории Сиби-
ри XVII—XX вв., как правило, спорных либо малоизученных, что
открывает дополнительные возможности для осмысления путей
и форм развития Азиатской России рассматриваемого периода.

Для ученых, аспирантов, студентов, краеведов.

ББК 63.211

ISBN 978–5–89988–762–8

© Издательство НГГУ, 2010

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ
XVII—XX вв.**

Глава 1

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕОЛОГИИ СИБИРСКОГО КНЯЖЕСТВА ТАЙБУГИДОВ

В конце эпохи Средневековья сибирская княжеская династия Тайбугидов в период приблизительно с 1493 по 1563 гг. стала единственной, сумевшей свергнуть власть Шибанидов как части рода Чингис-хана на северной периферии бывшей Монгольской империи. При этом они удержали ее за собой более чем на 70 лет, по крайней мере, в восточной части Тюменского ханства. Очевидно, что период существования их политического объединения совпадает со временем постепенной утраты власти и политического влияния Чингизидами на значительной территории (так, синхронные процессы проходили в Русском государстве). Однако Тайбугиды попытались полностью дистанцироваться от чингизидской политической традиции и создать свою политическую идеологию, отличную от легитимизации через марионеточных ханов у ногаев или образа «белого царя» на Руси. Отметим, что мы рассуждаем об истории этой династии только на основании источников, созданных русскими авторами. Политическая и социальная история данного княжества подробно реконструирована в нескольких работах А.Г.Нестерова. Однако, на наш взгляд, информационные возможности летописей еще не исчерпаны, особенно если попытаться уловить в них взгляд татарских рассказчиков, а возможно и политический замысел тех местных летописей, которые были использованы русскими православными авторами при создании сибирской летописной традиции. Мы попытаемся это показать на примере исследования источников формирования властной традиции данной династии и ее отражения в генеалогии княжеского рода. Попутно заметим, что с точки зрения чингизидской идеологии, доминировавшей в то время в степях, Тайбугиды были узурпаторами престола, которые пришли к власти в результате переворота и убийства Ибрахим хана Шибанида. Однако для того чтобы удержать власть на протяжении достаточно длительного

периода, они должны были пользоваться поддержкой определенных групп населения.

Генеалогия играла важную роль в государственной и политической жизни государств эпохи Средневековья. Зачастую на первое место она выходит в тех случаях, когда необходимо было юридически оправдать узурпацию власти, как это было в нечингизидских объединениях Тимуридов, Мангытов Бухары или Мингов Коканда. Для этого, среди прочего, можно было обосновать выдуманное происхождение от Чингис-хана, отослав тем самым к основной традиции, или составить нелестные характеристики на своих конкурентов¹. На наш взгляд, такой подход вполне применим и к генеалогии Тайбугидов.

Генеалогия этой династии достаточно хорошо реконструируется по данным русских письменных источников, которые, возможно, опирались на не дошедшие до нас татарские летописи и/или устные рассказы. В то же время истоки власти и период ее установления, как и историчность основателей и первых правителей из этой династии — Он-сона и Тайбуги — до сих пор остаются предметом дискуссии². Особенную актуальность она приобрела в рамках конструирования истории так называемого «Ишимского ханства» как первого татарского государства в Западной Сибири³. На наш взгляд, ранние этапы истории данной династии могут носить на себе следы не только эпического творчества, но и создания особого политического мифа Тайбугидов с целью обоснования прав этой династии на власть (с современной точки зрения, это по своей сущности фальсификации генеалогии как метод легитимизации). Анке фон Кюгельген, выявляя методы легитимации мангытской династии в Средней Азии, среди прочих пишет об особом значении генеалогии и ориентации на образец для подражания в лице выдающихся лиц прошлого, в том случае если первый способ был недостаточен⁴. В данной работе мы попытаемся обосновать допустимость использования этих теоретических посылов к истории Тайбугидов.

С этой целью необходимо рассмотреть источники изучения генеалогии этой династии и выявить возможные аналоги личностям Он-сона и Тайбуги в имперской историографии с учетом исторической подоплеку прихода Тайбугидов к власти в результате военного переворота и убийства тюменского хана Ибрахима из династии

Шибанидов около 1493 г. Этот заговор может рассматриваться и как ответ на произошедший до того террор самого Ибак-хана в отношении некоторых представителей сибирской княжеской династии. Предварительно отметим, что мы не будем обсуждать статус княжества Тайбугидов как в целом на постзолотоордынском пространстве, так и внутри Тюменского или Сибирского ханств, особенно с учетом точки зрения В.В.Трепавлова о невозможности полного государственного суверенитета княжества в условиях чингисидской политической карты⁵. Очевидно, что имеющиеся источники свидетельствуют о том, что, по крайней мере, непосредственно в период активизации переговоров с Москвой сибирские беки пытались отстаивать свой сепаратизм от любого гипотетически имевшегося номинального сюзерена, хотя и полагались на возможно существовавшую поддержку ногайских беков. Другое дело, что дальнейшая реставрация власти сибирских Шибанидов в лице Муртазы и его сыновей Ахмед-Гирея и Кучума, в том числе и в результате приглашения сибирской знатью, говорит о провале этой политики⁶.

Анализ источников реконструкции генеалогии Тайбугидов

Попытаемся выявить общее и особенное в имеющихся письменных источниках в целом по всей истории рода Тайбугидов. Первое упоминание о беке из этой династии можно обнаружить в Патриаршей и близких к ней по времени летописях, что в целом совпадает с широко известными переговорами между Сибирским княжеством и Москвой в середине XVI в. — переговорами, которые привели к вассалитету первого и попытке обложения его постоянной данью в пользу Русского государства. В этом контексте упоминается только князь Едигер как фактический правитель Сибирского княжества⁷. Реальность этих переговоров подтверждается упоминаниями о них в переписке 1563 г. между Иваном IV и ногайским беком Исмаилом, союзником и покровителем сибирских беков. Помимо указания имени сибирского князя Едигера и его послов, в переписке содержится любопытная информация о дочери Исмаила, которая вышла замуж за Едигера и родила сына, причем по неясной причине она оказалась в Москве. Предполагалось, что сын Едигера позднее мог стать ставленником Москвы в Сибири, однако дальнейшая его судьба также остается неясной⁸.

С учетом того, что он не упоминается в сибирских летописях, можно предположить, что Едигер так и не вернулся из Москвы.

Следующее упоминание генеалогии встречается уже в письме русского царя Федора I к Кучум-хану: «...после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князь Тайбугина роду Магмет князь, а после него Казы князь, а после Казыя Едигер князь...»⁹. Причем, на наш взгляд, фиксируемая здесь более подробная генеалогия могла быть создана под влиянием оказавшихся в Московском государстве Маметкула Алтыуловича (возможно, происходившего из ногайской знати на службе у Кучума), князя Сейдяка Тайбугида и Кучумовичей, которые, скорее всего, были в курсе политических перипетий истории Сибири. По крайней мере, в более ранних русских источниках такая генеалогия не известна.

Лишь в XVII в. фиксируется известная нам подробная генеалогия этого рода в блоке сибирских летописей Есиповской группы, Строгановской летописи и «Сибирской истории» С.Ремезова, а также в основанной на «второй ремезовской истории» Черепановской летописи XVIII в., которая в большей степени является научным памятником компилятивного плана. При этом дискуссия о взаимозависимости и хронологической последовательности этих источников имеет уже длительную историографическую традицию и до сих пор не завершилась¹⁰. Сложность проводимой реконструкции заключается, как нам кажется, в многослойности самих письменных источников, которые отражали взгляды как неизвестных нам татарских рассказчиков и летописцев, так и русских (православных) авторов.

Существует предположение, что впервые полная генеалогия была зафиксирована в «Повести летописной» начала XVII в., написанной Черкасом Александровым, головой тобольских служилых татар. Информация эта была извлечена из устных и возможно письменных сведений, собранных автором в ходе экспедиции Ермака, участником которой он был. Кроме того, частично она была дополнена сведениями взятого в плен в 1587 г. бека Сейдяка (Сейд-Ахмада) Тайбугида¹¹. Отметим, что уже в данном источнике основным информатором выступает именно представитель княжеской династии, что не может не наложить определенный отпечаток на всю летописную традицию. Такая тенденция сохраняется

и в дальнейшем, ведь большинство авторов, отразивших тайбугидскую историю, создавали свои летописи в Тобольске, то есть бывшей столице беков Искере. С большой долей вероятности можно предположить, что имеющиеся информаторы в основном были из татар, живших в этом городе и, следовательно, связанных с интересами династии, приведшей город к расцвету. При этом сам Черкас Александров был назначен татарским головой на Тару в период 1593—94 гг., когда часть населения этого улуса еще продолжала выплачивать ясак хану Кучуму¹².

В наиболее ранней форме в рамках сибирских летописей генеалогия фиксируется в изначальном списке в Румянцевском летописце: «На рецы же Обе царь некий бе Моаметева закона, именем Он, и убиен бысть. У него же бе сын Тайбуга. Сей прииде на реку Туру и созда град и нарече Чингиден». После него правил его род, первым из представителей которого упоминается Адеров сын Моамет, убивший казанского царя Упака и разрушивший град Чингиден, а затем поставивший себе град на Иртыше, названный Сибирю¹³.

Более подробный рассказ фиксируется уже в Есиповской летописи Основной редакции 1636 г., которая частично основана на данных татарского летописца: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца татарского, ино же достоверны мужы испытовах, иже добре и некосноно поведоша ми...»¹⁴. В основной редакции речь идет о следующем: «На сей же реке Ишима бе царь Моаметова закона именем Он. И воста на него его же державы от простых людей имянем Чингис и шед него яко разбойник, прочими, и уби царя Она и царство сам приемлет Чингис»¹⁵. Затем следует история о спасении слугой Она сына его Тайбуги, о чем спустя время узнает царь Чингис. При этом в заглавиях беллетризированной Забелинской редакции Тайбуга именуется царевичем, а в Нарышкинской редакции (1694 г.) Чингис почтил Тайбугу «яко сын царева»¹⁶. Царь дарует ему княжение и затем, собрав воинство, отпускает воевать на Иртыш чужд. «Князь же Тайбуга, шед с воинством, многия царю покори по реце Иртышу и великой реке Оби», то есть он захватил людей для царя. Возвратившись с этим известием, Тайбуга получил еще большие почести, и отпустил его Чингис жить туда, где хочет. Тайбуга поставил град Чингиден на Туре, где сейчас Тюмень.

После него правил там Ходжа, затем его сын Мар, который был убит казанским царем Упаком (по принятой исторической традиции он идентифицируется с тюменским ханом Ибаком), который долго правил в Чингидене. «Маровы же дети Ядер и Ябалак умре своею смертию»¹⁷.

После долгого правления и смерти Мамета его царство на Ишиме прекратило существовать. Причем в оригинале некоторых редакций данного летописного рассказа речь идет об изначальном царстве на Иртыше (например, в Лихачевской редакции¹⁸). При этом в Погодинском летописце окончание царства на р.Ишим связывают со смертью Чингиса, а не с переселением Мамета в Сибирь¹⁹. Поочередное упоминание двух рек может быть связано с расположением города в устье Ишима, то есть недалеко от Иртыша. Смысл фразы об окончании царства на Ишиме в данном контексте не совсем ясен, особенно если учитывать, что все беки, начиная с Тайбуги, правили в Чингидене, который большинством авторов безоговорочно связывается с Тюменью (в частности, по расположению новой столицы на реке Туре). Возможно, в этой фразе можно увидеть отголоски неких ишимских владений данной династии, которые были утеряны на протяжении XV в., в период правления ханов Шибанидов Хаджи-Мухаммада, Абу-л-Хайра и Ибрахима. Хотя в целом из контекста источников следует, что столицей княжеской династии явно выделялась именно Чинги-тура на Туре, и в таком случае роль ишимских владений со столицей в Кызыл-Туре в составе Сибирского юрта не до конца ясна и требует дальнейшего, в том числе археологического, изучения. В частности, картина внутренних взаимоотношений внутри этого юрта осложняется тем, что сгоревшие крепления Кызыл-туры датируются периодом между 1243 и 1438 гг. При этом поздние слои данного памятника связывают с бакальским населением, основная территория бытования которого располагалась по Тоболу, где оно стало основой для складывания групп тобольских и тюменских татар, при этом на Ишиме иных памятников с данной группой керамики не выявлено²⁰.

Далее в Академической редакции Есиповской летописи следует перечисление сибирских беков: после него княжили на Сибири Ябалаков сын Агиш, затем Маметов сын Казым, после него Казымовы дети Етигер и Бекбулат, которых убил Кучум²¹.

К этой истории в Лихачевской редакции на основании устных рассказов и не дошедших до нас источников во второй половине XVII в. добавляется, что после возвращения Тайбуги из похода царь Чингис «...наипаче ему честь дарует, но и дочь свою даде за него в жену»²². После этого Чингис отпустил их на реку Туру. Когда Чингис умер бездетным, то приказал все царство отдать зятю своему и дочери. В этой же редакции также указывается, что инициатива свадьбы князя Мара на сестре казанского царя Упака исходила от отца первого Ходжи. Причем вскоре после этого последний был убит во время похода на Бухарского хана Амара, что на уровне гипотезы и исходя из реконструируемой хронологии Тюменского ханства может быть связано с военными столкновениями между ханом Ибрахимом и Мухаммадом Шейбани²³. В правление Мара Упак пришел к своему зятю, овладел городом Чинги (Чингиденом) и стал им править. Дети Мара продолжали жить в Чингидене при Упаке, скорее всего, на положении аманатов и умерли своей смертью. Причем в Лихачевской редакции титул Мамета после того, как он убивает Упака, сменяется с княжеского на царский²⁴. Логически это могло быть верным с позиции русского летописца, если вспомнить подобную же трансформацию, которая произошла с титулатурой московских князей после захвата Казани. Кроме того, в редакции говорится о том, что у Агиша детей не было, и Казыя убили ближние люди, а его сыновья, то есть Едигер и Бекбулат, восстали с родичами и разорили улусы убийц и стали править. Данная информация чрезвычайно важна с той точки зрения, что показывает наличие в княжестве определенных противоречий между отдельными группами. А следовательно, дальнейшее обращение их к Шибанидам в условиях провала политики Едигера, направленной на сближение с Москвой, не случайно. Таким образом, источники фиксируют деятельность на территории, подконтрольной Тайбугидам, как минимум двух политических партий. Одна из них может фиксироваться в группе «всеми сибирскими людьми», с которыми «бил челом» князь Едигер²⁵. Другая группа может читаться в «лучших людях сибирских», которые не захотели дожидаться рождения наследника Едигера и обратились за помощью к отцу Кучума хану Мургазе²⁶. В этом отношении сам факт обращения именно к нему говорит о живучести самой Шибанидской традиции в Сибири

и сохранении части их владений на западе бывшего Тюменского ханства.

Кстати, обратим внимание, что у самого Г.Ф.Миллера при анализе этого момента возникла путаница: под сыном Едигера он понимает Сейдяка, мать которого бежала в Бухару, где и родила сына в доме некоего сеида. Однако по сибирским летописям известно, что Сейдяк был сыном брата Едигера Бекбулата. Не может ли на уровне предположения неясный момент с наследником правящего князя трактоваться так, что часть татар были готовы ждать приезда наследника из Москвы?

Таким образом, даже в сибирских летописях Есиповской группы в зависимости от редакций существуют значительные различия и вариации в информации о Тайбугидах, в том числе об их титулатуре и в некоторых случаях судьбе, не подвергается сомнению только порядок правления князей. Хотя титул царя или султана (царева сына) по отношению к ним в некоторых случаях используется, следует предположить, что в реальности в условиях ханской традиции Чингисидов, доминировавшей в XIII—XVI вв., аналогичный титул не мог быть закреплен за конкурирующей династией.

В летописи Спасского, которая является списком Строгановской летописи второй половины XVII в., указывается: «Бысть в Сибирской стране на реке Ишим некто, Магметова закона, царь именем Иван, родом Татарин; и возста на него, его державы от простых татар, именем Чингис, и нашед на него аки разбойник, призвав подобных себе, и уби его и сам бысть царь. И некто от слуг царя Ивана, сына его царевича Тайбугу соблюде от Чингисова убийства. И ... уведа Чингис про Тайбуга, яко сын есть царя Ивана... и почте его великою честью, и прозва его князь Тайбуга, и иным повеле его також звати. И по сем Тайбуга начать проситися, дабы отпущен был; он же собирает ему воинство и отпустиша его». После этого Тайбуга покорил себе многих людей, живущих по Иртышу до Оби, после чего вернулся к Чингису, который вновь его отпустил, что бы он где хотел, там и обитал. Тайбуга построил град Чингий на Туре. После него в том городе княжил его сын Хаджа, затем его сын Мар, у которого были сыновья Адер и Ябалак и который женился на сестре казанского царя Упака и был убит им. Спустя много лет Адеров сын Мамет убил Упака и поставил град

на Иртыше, который назвал Сибирь. Затем княжил сын Яболака Агиш, после чего Маметов сын Казый, а затем дети его Едигер и Бекбулат²⁷. В целом это пересказ именно классической версии событий, кроме отсутствия упоминаний Ишима как коренного юрта Тайбугидов.

Информация С.Ремезова в «Сибирской истории» несколько отличается от описанной выше.

«Вот имена самых первых верховных правителей басурманских: хан Онсом, кочуя по Ишиму, жив в устье Ишима реки, город его на Красном яру Кызыл-тура с тремя рядами укреплений; после хана Онсома — царь Иртышак, тем именем ... река Иртыш ... но его завоевал же Чингиз, царь тюменской; после Иртышака — царь Саргачик был вплоть до Кучума, и того Кучум взял в плен... Тюмень называлась Онцимки.

Мамет царь казанского царя Алима убил и в устье речки Сибири выстроил город Кашлык, распространил царство в Сибири и подати установил. И с тех пор стала известна Сибирь и цари, о которых басурманская история рассказывает.

После того в Сибири в Кашлыке городе царствовала Агиш царь, Абалак Агишев, а за ним Мамет, затем Маметовы дети...

При Маметове сыне царе Сембахте...

При Саускане царе...

Затем царь Кучум «убил царя и князя Едигера и Бекбулата»²⁸, при этом их связь с предыдущими правителями из текста не ясна. Причем фраза «царь и князи» встречается в летописи и ранее, что на уровне гипотезы и с учетом позднего характера текста может отражать реально существовавшее разделение власти между правителем и беклярибеком, наподобие тех отношений, которые существовали между Шибанидами и ногайскими беками.

Возможно, что сообщение об убийстве Маметом Алима относится к Краткой сибирской (Кунгурской) летописи, основанной на народных преданиях и сохранившейся только в составе Ремезовской летописи²⁹. Очевидно, что Ремезовская летопись основывалась как на ранее созданных Есиповской и Строгановской, так и на не дошедших до наших дней татарских летописях. Считается, что автор использовал не только письменные татарские летописи, но и устные рассказы³⁰. В результате такой многокомпонентности

первоисточников возникла путаница в самом тексте, где есть явные противоречия.

Некоторая информация, схожая с рассказом Ремезова, встречается только в более позднем, на наш взгляд, сибирско-татарском дастане «Ильдан и Гульдан», возможно являющемся краеведческим сочинением. В частности, здесь встречаются фигуры братьев Ансам-хана и Иртышака, наследников Ишим-хана, которые не только подавляют восстание местной «черни», но и воюют с Чанги-би. Отметим, что местные лидеры тем самым имеют более высокий по значимости титул, чем Чанги. При этом изначально Чанги-би был, по всей видимости, приглашен к союзу Самаем-ага, союзником главного героя дастана Ильдана. Приход к власти Чанги в некотором отношении схож с аналогичным случаем в «Дафтар-и Чингиз-наме», когда Чингис стал ханом только после призыва со стороны башкирских беков. История противостояния с захватом столицы Кызыл-туры и строительством затем бием Чанги-туры, хотя и вписана в легендарный эпический сюжет, в целом весьма близка к иным сибирским летописным рассказам. При этом, как и у С.Ремезова, после смерти Ансама его наследником также становится Иртышак, у которого город забрал Чанги-би, а фигура Тайбуги отсутствует. Принципиальным отличием выступает то, что в итоге Иртышак разбил своего противника и восстановил свои владения, а его брат Ансам был убит в ходе народного восстания (кстати, о жестоком отношении этого хана к населению сообщает и И.Черепанов)³¹.

При этом в рассказе Ремезова Кучум разбивает как неизвестного нам Саргачика, так и Едигера и Бекбулата. Обращает на себя внимание и то, что только в этом источнике также упоминается казанский царь Алим, возможно, известный Алим-бек, сын правителя Булгара Абдуллы-хана, который после нападения Тимура «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-туру»³². Алим здесь заменяет фигуру Упака из летописи С.Есипова. Отметим, что у Рахима в одном из народных перечней казанских ханов есть некий Апак-хан (перед Абдуллатифом), о котором сам автор ничего не знает³³. Несомненно, что Ибак-хан Тюменский, с которым идентифицируется Упак сибирских летописей, никогда не правил в Казани, в отличие от своего брата Мамука. Однако у него при дворе пребывал казанский князь Алгазый, возможно, беклярибек

опального казанского хана Ильгама, и ряд других представителей знати этого политического объединения, в том числе верховный сеид Теввекель. Не мог ли этот факт стать основой для легендарных представлений сибирских татар о закреплении титула казанского хана за Ибрахимом, особенно с учетом до сих пор не ясных отношений его отца Хаджи-Мухаммада с Булгаром?³⁴

Кстати, в этом же источнике имеется уникальная информация о походе Кучума на Казань, где он берет замуж дочь казанского царя Мурата и приводит «с нею многих чуваш и абыз»³⁵, которая не подтверждается иными летописями. Очевидно, что источники С.Ремезова несколько отличались от тех, которые были использованы более ранними летописцами (в частности, он сам упоминает бусурманских летописцев³⁶). Таким образом, С.Ремезов на самом деле мог заимствовать информацию из иных, в том числе казанских, источников и в целом его рассказ — попытка совместить казанские и сибирские известия. Отсюда и некоторые нестыковки в последовательности событий и двойных повторах Кучума. При этом отсутствует столь значимая фигура, как Тайбуга. В целом ремезовский рассказ гораздо подробнее и запутаннее, но он является более поздним по отношению к исследуемым событиям, и не всегда ясен источник информации, что снижает степень доверия к данному рассказу.

Следует учитывать, что Ремезов параллельно с этим создавал Чертежную книгу Сибири, и некоторые из упомянутых им правил на самом деле могут быть лишь отражением народных этимологий, собранных, прежде всего, среди ишимских татар и объясняющих те или иные топографические и географические названия³⁷. В результате только в данном источнике встречается подробно развернутая история Ишимского государства, существование которого иными источниками не подтверждается. Возникает вопрос о степени достоверности данной информации, роли в них народных этимологий и стремлении информаторов «удревнить» свою историю в условиях роста политического влияния Русского государства.

В целом этим завершается круг источников по генеалогии династии Тайбугидов. Отметим, что при этом кратком анализе мы отбирали лишь те рассказы, которые были хронологически близки к периоду правления Тайбугидов. Несомненно, что у авторов

XVIII в. также можно найти оригинальную информацию, но всегда возникает вопрос о ее историчности.

Проиллюстрируем это на примере летописи И.Черепанова как примере краеведческого сочинения, к сожалению, до сих пор неизданного и по этой причине использованного нами в пересказе Н.Абрамова. По мнению А.И.Андреева, при создании своего сочинения И.Черепанов использовал «Сказание о сибирских народах» С.Ремезова, известное как «вторая ремезовская история», не сохранившаяся в качестве самостоятельного сочинения и отличающаяся от рассказанной выше присутствием Тайбуги³⁸.

В данном сочинении имеется расширенная генеалогия данного рода за счет добавления 15 поколений правителей до Он-сона. Сам он представлен как сын правителя Кызыл-Туры Юзака и брат наследовавшего ему Мунчака. При этом Он-сон, притесняемый братом, был вынужден удалиться с преданными улусами на Иртыш, возможно, к Искеру. Вскоре он обложил данью все окрестные племена по Ишиму, Иртышу, Тоболу и Туре и стал активно торговать с соседними ордами. Благодаря этому он прославился и стал могущественным, пока не напал на него «некий Чингий», который овладел его ханством. Также уточняется, что спасен был только самый младший сын Тайбуга, причем его скрыл в отдаленном месте «дворецкий Чингия Мурат бий»³⁹. Заметим, что появление этого имени — информация поистине уникальная, особенно с учетом того, что в иных источниках в связи с историей Сибири упоминается казанский царь Мурат, чья дочь стала женой Кучума, и некий Шах-Мурад, возможный отец Тайбуги по ряду сибирско-татарских краеведческих сочинений и рукописей⁴⁰. По нашему предположению, С.Ремезов, а через него И.Черепанов, пытались в одном сочинении состыковать максимальное количество информации, по сути, конструируя историю по образцу многих современных исследователей. Дальнейшее изложение в целом совпадает с традиционными точками зрения, изложенными выше, кроме уточнения о том, что Чингитура была названа в честь благодетеля, то есть Чингия⁴¹. Расширенная генеалогия сибирских князей, использованная для реконструкции истории Ишимского ханства, присутствует только в этом позднем по времени произведении, происхождение этой информации нам неизвестно. В то же время информация может быть еще осложнена дополнением

о так называемой «второй ветви Тайбугидов» — родственников (братьев?) Тайбуги в лице Тоболака и Салтысарана, которые правили по Тоболу⁴². Предполагается, что первый из них построил уже упомянутую Тобол-туру, а второй Салтысаран-туру, попытки поиска которой были предприняты С.Н.Шиловым и результата не принесли⁴³. На наш взгляд, история об этих правителях явно сконструирована с целью объяснения этимологии названия реки Тобол и озера Салтысаранское, хотя это не противоречит легендарному народному происхождению самой информации.

Было бы интересно обсудить роль в создании сочинений С.Ремезова и И.Черепанова эпических сказаний сибирских народов, для которых характерно подражание легендарным предкам-героям и завещанным им порядкам. По мнению В.В.Трепавлова, «ко времени письменной фиксации эпические произведения были хронологически и композиционно многослойными.., описанные в них события отразили множество своих исторических, реальных прототипов»⁴⁴. Таким образом, эпос может отражать некую усредненную картину бытования политического объединения. Именно такая многослойность и формулизация традиций читается в описанных выше рассказах С.Ремезова и И.Черепнина. Следовательно, найти здесь можно не реальные события, а их символизацию в народном сознании. В результате мы наблюдаем значительное усложнение событийной канвы, но не можем ответить на вопрос о реальной историчности Ишимского политического объединения.

Итак, наиболее ранняя информация о Тайбугидах содержится в русских летописях в связи с их перепиской с Москвой, затем в грамоте Кучуму от царя Федора. В XVII в. она сначала фиксируется у С.Есипова (который явно ориентировался именно на тобольские источники, близкие к Тайбугидам), затем под его влиянием в Строгановском летописании. При этом информация этих двух летописных традиций отчасти совпадает с данными дипломатической переписки. В то же время иная традиция излагается у С.Ремезова, который к тому же мог использовать эпические сказания и народные этимологии, собранных в ходе работы над Чертежной книгой. Последний, по замечанию А.И.Андреева, следует рассматривать не как независимый источник, а как повесть, хотя и основанную на татарских рассказах. Тем самым, данная летопись,

по сути, не может рассматриваться в качестве первоисточника, как и, по всей видимости, дастан «Ильдан и Гульдан», пересказывающий некий эпический сюжет. В крайнем случае изложенный в ней сюжет, если он на самом деле вышел из устного рассказа, может трактоваться как источник не вообще для всех сибирских летописей⁴⁵, а скорее непосредственно для летописи С.Ремезова. Несомненно, что более достоверными для реконструкции генеалогии Тайбугидов следует считать ранние источники, которые подтверждаются и логикой исторического развития сибирской государственности.

*Поиск аналогов событиям сибирских летописей
в монгольской имперской историографии*

На наш взгляд, анализ источников показывает особую значимость нескольких личностей, приведших Тайбугидов к политической власти в Сибири. Среди них на первом месте стоят фигуры Он-сон-хана и его сына Тайбуги, чья деятельность по соотношению с образом Чингис-хана весьма условно относится к периоду первой половины XIII в., а также фигуры Ходжи, Мара и Мамета, которые приблизительно датируются второй половиной XV в., то есть периодом правления тюменского хана Ибрахима и его наследников⁴⁶. При этом в реальности мы не знаем, за кем из Тайбугидов впервые закрепился титул «князя». Если следовать реконструкции Д.М.Исхакова, то под этим титулом следует видеть беклярибеков Сибирского юрта⁴⁷. Однако в таком случае впервые этот титул мог быть закреплен только за Ходжой или Маром, которые породнились с Ибрахим-ханом и тем самым оказали ему поддержку в условиях активизации внешней политики Тюменского ханства⁴⁸. Ибрахим действительно активно использовал данную должность, с помощью которой скреплял свои связи с соседней могущественной Ногайской Ордой и, следовательно, мог перенести его на сибирскую территорию.

Первые две фигуры являются основателями рода, чьи личности в силу традиций средневековой историографии всегда окружаются мифами, вторые выступают уже реальными правителями, при которых династия укрепляет свою власть и создает идеологию. Отметим, что именно с Ходжи начинается реконструкция истории династии, а не мифов о правителях. Это окончательно

закрепляется при последних правителях (в данном случае Едигере и Бекбулате, а также Сейдяке), активно действующих на международной арене в середине — второй половине XVI вв. Между этими правителями образуются значительные хронологические лакуны, которые либо вообще не заполняются, либо заполняются незначительными оговорками, не способными в целом помочь в реконструкции истории Сибирского княжества. При этом, очевидно, что власть Тайбугидов отнюдь не пользовалась всеобщей поддержкой: Казыя убили близкие люди, а пришедшие к власти его наследники, Едигер и Бекбулат, вскоре, возможно, не без влияния соседних ногайских лидеров были вынуждены стать васалами Москвы и, несмотря на это, все-таки потеряли престол.

Обратимся к первому значимому образу — Он-сон-хану. Возможность атрибуции Он-сон-хана как известного союзника и соперника Чингис-хана кереитского Ван-хана уже неоднократно рассматривалась в литературе (И.Б.Фишер, Г.Ф.Миллер, Л.Н.Гумилев, С.В.Бахрушин, В.Д.Пузанов и др.) и сейчас вряд ли может быть подвергнута сомнению. При этом С.В.Бахрушин предположил, что данный хан мог рассматриваться определенными кругами в качестве фиктивного родоначальника⁴⁹. Однако ряд исследователей независимо друг от друга поставили вопрос: в чем был смысл привлечения настолько далеких событий в собственную шеджере⁵⁰. Приведенные сюжеты противостояния Он-сона и Чингиса во всех источниках настолько схожи, что напрашивается вывод: Тайбугиды специально заимствовали данные события из истории Монгольской империи для обоснования своих прав на власть в Сибири. Скорее всего, само родство с Ван-ханом для Тайбугидов было полностью фиктивным. Причем, судя по всему, подобные легенды были широко распространены в степи и, возможно, входили в круг информации, которая передавалась среди несториан, особенно с учетом сближения фигуры Ван-хана в ряде источников с пресвитером Иоанном⁵¹. Как отмечал Гильом де Рубрук, несториане перевозили короля Иоанна, «говоря о нем в десятеро больше, чем согласно было с истиной»⁵².

Если не рассматривать некоторые поздние модернизации летописных рассказов, то в истории становления Монгольской империи известно чрезвычайно похожее на приведенную легенду событие. В 1170-х гг. Темуджин обратился за помощью к кераитскому

хану Тогрулу, который когда-то был другом и покровителем его отца Есугая, а также часто использовал военную силу монголов в своих интересах. Тогрул-хан признал себя названным отцом Темуджина и обещал ему помощь, то есть Темуджин был, по сути, в вассальных отношениях с Тогрул-ханом. В дальнейшем они неоднократно вместе выступали против врагов, в частности, за помощь в противостоянии татарам Тогрул получил титул Ван-хана, под которым и известен в дальнейшем. Однако вскоре после этого союзники поссорились, в 1203 г. армия Ван-хана (Он-хана по «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина) была разбита войсками Темуджина, получившего к тому времени признанный многими тагарскими племенами ханский титул. Ван-хан бежал и был убит⁵³. Однако после этого основным соперником Темуджина оставался сын Ван-хана Сангун, гибель которого позволила Темуджину официально «короноваться», причем в летописях упоминается личное благословение Ван-хана на это⁵⁴. При этом старшая дочь Ван-хана была взята в жены Темуджином, что также скрепляло эти династии⁵⁵. По мнению А.Г.Юрченко, эта свадьба была чрезвычайно важна для несторианского политического мифа, в рамках которого представители этой религии искали свое место под солнцем внутри новой империи⁵⁶.

Интересно, что в целом эта версия совпадает с общепринятой в русских, грузинских и армянских летописях XIII—XV вв., по которым Чингис считался лишь «генералом», поднявшим бунт⁵⁷. Джованни дель Плано Карпини указывает, что Чингис «...начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу»⁵⁸. Чрезвычайно схожая легенда излагается у Гильома де Рубрука и затем пересказывается Роджером Бэконом в «Великом сочинении» XIII в. Они пишут, что у несторианского пресвитера Иоанна, часто упоминавшегося в европейских документах, был брат Унк. Он господствовал в г.Каракорум и пытался захватить «земли моалов». Когда Иоанн умер, то его брат стал именоваться Унк-хамом. «Среди моалов ... был некий кузнец Цингис, который похищал и уводил скот этого Унк-хама» (у Рубрука он ремесленник). Цингис объединил вокруг себя всех монгол (моал в источнике), разбил хама, «и взял дочь Унка, и отдал ее сыну своему в жены», а после этого стал величаться Цингис-хан. У сына вскоре родился сын, которого называли Мэнгу,

и он стал наследником Чингиса⁵⁹. Подобный же сюжет можно найти у Марко Поло и Винченца де Бовэ, где особо отмечается факт неповиновения Чингиса своему господину и, следовательно, организации восстания⁶⁰. Отметим, что по мнению некоторых исследователей, наименование Чингиса кузнецом может быть связано с переводом его имени Темучин⁶¹. В данном случае очевидно, что в определенном круге источников присутствует негативная оценка условий прихода к власти и самого образа Чингис-хана, что характерно в том числе и для сибирских летописей. Отметим, что судя по «Сокровенному сказанию», сам Чингис-хан вплоть до последнего столкновения с Ван-ханом был готов признавать свое младшее партнерство в данном союзе⁶².

В целом распространение приведенной легенды во многих регионах говорит о том, что Тайбугиды здесь вполне могли опираться на одну из версий пришествия Темуджина к власти. Отметим, что в большинстве случаев она характерна для регионов с христианским населением и, возможно, приведенные выше известия могли быть получены именно из рук несториан. Автором в ряде публикаций высказывалось предположение о значимости несторианской веры на территории улуса Шибана, куда входила в том числе и Западная Сибирь⁶³, альтернативную аргументацию использованных при этом известий как информации о буддистской принадлежности сибирского населения привел В.П.Костюков⁶⁴. Таким образом, сюжет о столкновении Ван-хана и Чингиса явно был хорошо известен на территории Монгольской империи и сопредельных территорий как в письменных, так и, возможно, в устных источниках, особенно несторианского происхождения. Исходя из подобной легенды, Тайбугиды обладали не только не менее древними правами на власть над данной территорией по своему происхождению, но даже имели преимущество над потомками Чингиса. Сам Чингис признавался разбойником, выступившим против своего хана, то есть узурпатором власти. В таком случае борьба Тайбугидов против потомков Чингис-хана могла быть признана восстановлением утраченных прав. При этом обращает на себя внимание изначальное равенство титулатуры эпического родоначальника Он-сона и Чингиса как царей и дальнейшая потеря ее Тайбугидами, что отражает процессы развития монгольской государственности в захваченных регионах.

Однако версия политического мифа сибирских летописей несколько сложнее по своей структуре и отнюдь не прямолинейна. С этой целью необходимо рассмотреть вторую по значимости личность Тайбуги, от имени которого пошло название всей династии. В качестве дополнительного шага к политическому главенству в источниках сообщалось о том, что сам Чингис-хан «воздал ему (Тайбуге. — *Д.М.*) почести. Он получил от Чингиса войско и захватил много чуди по Иртышу и Оби»⁶⁵. После этого Тайбуга был отпущен от двора и построил себе город Чингидин (Чинги-Тура). В силу многослойности самих летописных рассказов можно предположить, что данное известие является отсылкой к феномену «чингисизма», который активно использовался для обоснования властных полномочий в золотоордынской исторической традиции⁶⁶. В то же время, несмотря на кажущуюся противоречивость этого рассказа, такой способ управления захваченными землями нередко использовался монголами, в частности, на захваченных русских землях, где власть по получению ярлыка сохраняли представители Рюриковичей.

Любопытно, что в Есиповской редакции, которую некоторые исследователи считают одним из ранних вариантов сибирских летописей, говорится о том, что по возвращению Тайбуги из сибирского похода Чингис не только доверил ему земли в управление, но «и дочь свою даде за него в жену»⁶⁷. Рашид ад-Дин сообщает, что одна из дочерей Чингис-хана Худжин-беги на самом деле была сосватана за внука Ван-хана Гус-буку, хотя свадьба так и не состоялась⁶⁸. Таким образом, это сообщение могло быть также использовано при построении татарских рассказов, ставших основой сибирских летописей. В любом случае Тайбуга становился гургеном, то есть членом ханского рода по женской линии и правителем сибирскими землями как вассал «царя», хотя при этом о последнем более речи не идет. В данном случае Тайбугиды апеллировали к вполне реальной политической традиции, принятой в большинстве кочевых обществ, родства через брак (см. выше о брачных вопросах между Темуджином и Ван-ханом), поднимавшего статус мужа внутри правящего рода. Причем, по предположению П.О.Рыкина, важен был сам факт обмена, который также подразумевал дальнейшую лояльность правителя по отношению к Монгольской империи⁶⁹. В «Сокровенном сказании»

отмечается, что большие почести за поход на лесные народы получает Джучи, которому передали эти земли в улус, и тогда же некоторые вожди местных племен за присоединение к Джучи получили в жены дочерей Чингис-хана⁷⁰. Очевидно, что описываемая в летописи информация отражает реальную практику, применяемую монголами для укрепления своей власти на подчиненных территориях. Причем факт похода Джучи в Сибирь сближает его с подобным же действием Тайбуги, который подменяет старшего сына Чинги-хана в сибирских летописях.

Близкая ситуация с браками описана у Марко Поло, который повествует о том, что «великие ханы ... всегда выдавали своих дочерей и родственниц за царей из рода попа Ивана», причем до этого уточняется: этого царя звали Унекан, что по-французски значит поп Иван⁷¹. При этом мы должны учитывать, что М.Поло здесь передает скорее некую мифологему, характерную для европейского сознания, чем реальную политику великих ханов, особенно с учетом того, что от рода Ван-хана в живых никого не осталось. По данным Рашид ад-Дину, у Ван-хана было два сына: Сангун (убитый вскоре после разгрома отца) и Еку (судьба которого неизвестна)⁷², хотя в «Сокровенном сказании» упоминается только первый их них. Очевидно, что укрепление своего положения через гургенство было хорошо знакомо Тайбугидам, особенно если учесть дальнейшую политику князя Ходжи, который женил своего сына Мара на сестре тюменского хана Ибрахима, возможно, пытаясь получить титул беклярибека. В.В.Трепавлов в одной из работ отмечает, что в период XV—XVI вв. государственная власть начала Чингизидами утрачиваться, происходит ее переход к нединастической аристократии или «гурганским» династиям, в частности, за счет породнения с «Золотым родом» по женской линии⁷³. Таким образом, сама свадьба дочери Чингис-хана и Тайбуги как способ закрепления властных полномочий соответствовала определенным политическим традициям и реалиям кочевой государственности позднего Средневековья.

Далее в Лихачевской редакции следует еще более любопытная фраза: «и царь Чингис умер бездетне, только имел единую дочь. И по смерти своей царь приказал все свое имение зятю и дочери»⁷⁴. Тем самым еще раз идет отсылка к тому, что земля эта была завещана Тайбугидам по указу Чингис-хана, причем в данном

случае подразумевается, что это был его единственный родственник по мужской линии. Конечно, это выглядит абсурдно с точки зрения современного исследователя, который хорошо знаком с масштабами Золотого рода, но явно не было таковым для создателей политического мифа Тайбугидов. К тому же момент бездетности Чингис-хана отмечается, хотя и очень смутно, в «Подлинном родослове Глинских князей», записанном в Москве в начале 1520-х гг. Согласно этому документу род киятов был перебит Чингис-ханом, однако позднее он выдал свою дочь за одного из последних его представителей. Отсюда произошел Мамай и его далекие потомки князья Глинские, а следовательно, по женской линии Иван IV⁷⁵. В целом очевидно, что речь в сибирских летописях и иных источниках идет не о реальном Чингис-хане, правителе Монгольской империи, а скорее о некоем образе, сохранившемся в народном сознании и, возможно, измененном в условиях захвата Сибири монгольскими войсками и позднейшего противостояния с династией тюменских Шибанидов, опиравшихся на чингизидскую государственную традицию.

Таким образом, личность Тайбуги была значима, поскольку именно при нем данный род закрепил за собой власть, в том числе и с помощью наследования от Чингис-хана, а также была построена будущая столица Чинги-тура. Исследователи пытаются доказать историчность личности данного правителя. Очевидно, что сами тюменские татары воспринимали Тайбугу как реального человека даже в 1670 г., когда рассказ о его роли как основателя Тюмени попал в «ведомости» тобольского воеводы П.И.Годунова⁷⁶. В ведомости Тюменской воеводской канцелярии 1746 г. любопытен ответ на вопрос об истории города: «Прежде сего в древних годех Моаметова закону от сибирского царя Чингии отпущен князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда[л] град и нарече его Чингидин и де же на том месте стоит град Тюмень»⁷⁷.

Наиболее аргументированной выглядит попытка Д.М.Исхакова обосновать происхождение Тайбуги из племени буркутов на основании упоминания темника с таким именем при Шибане во второй четверти XIII в. по «Таварих-и гузида-Нусрат-наме» (справедливости ради отметим, что до того этот автор считал, что Тайбуга был бием салджигутского тюмена)⁷⁸. Среди аргументов

этой версии наиболее важным является тот, что хаким Чинги-Туры, передавший ее Абу-л-хайру, также происходит из племени буркут⁷⁹. Кроме того, первая жена этого хана тоже была из буркутов, и именно у нее родился наследник Шах-Будаг-султан, которого убил Ибак⁸⁰. Возникает вопрос: не может ли здесь проследиться преемственность системы управления Тюменским юртом внутри буркутов, получивших ее от кого-либо из Чингизидов? Особенно, если мы вспомним о том, что Иоганка-венгр в начале XIV в. упоминал татар из Сибири, которые выполняли функции судей⁸¹, возможно, будучи там наместниками. Мог ли бывший темник Шибана получить в управление земли на крайнем севере улуса своего сюзерена в управление? По крайней мере, это не противоречило в целом юридической системе Монгольской империи и Золотой Орды⁸². Кроме того, тогда становится понятна важность союза с этим кланом для Ибрахим-хана, желавшего подчинить наиболее крупный городской центр вилайета. Возможно, Тайбугиды также искали его именно после гибели Абу-л-хайра, и тогда бий Ходжа мог погибнуть во время похода в Среднюю Азию. Одновременно с этим данный факт мог бы объяснить название самой Тюмени: оно связано именно с наличием здесь десятитысячного отряда во главе с темником. При этом как при Шибане, так и при его потомке Абу-л-хайр-хане буркуты упоминаются вместе с кланом тюмен⁸³.

Таким образом, версия о буркутской принадлежности Тайбуги с точки зрения внутренней логики явно обладает массой привлекательных моментов. В то же время возникает одна трудно разрешимая проблема: племя буркут не фиксируется в иных источниках непосредственно в составе улуса Шибана, что является весьма странным, если этот клан был действительно настолько важен, как описано выше. Кроме того, складывается впечатление, что название «Тюмень» встречается только в русских источниках (в частности, русском дорожнике, использованном С.Герберштейном) и связанных с ними западноевропейских картах, а сами татары так город не называли⁸⁴. Несомненно, что этот город был важнейшим центром Сибирского юрта в монгольское и постмонгольское время. Однако среди восточных источников известным нам исключением является лишь позднее сочинение XVII в. Ахмеда Деде, в котором рассказывается о смерти Тохтамышша в 807 г.х.

у Тюмени⁸⁵. У сибирских татар это город Чингиден или близкие к этому названия, которые в среднеазиатских летописях могут трансформироваться просто в Туру, так, например, внук Кучума Девлет-Герей использовал название Чинги-тура⁸⁶. Название Тура также используют такие авторы XVI в., как османский историк Сейфи Челеби по отношению к владениям Кучума и Кадыр Али бек по отношению к сибирским владениям Б.Ф.Годунова⁸⁷. Происхождение этого названия, по всей видимости, несмотря на споры лингвистов в повседневном обиходе связывалось с именем Чингис-хана, как это нашло отражение в сибирских летописях. У С.Ремезова также упоминается название Онцимки, которое отсылает к образу Он-сон-хана и может трактоваться как «Он-Чимги», то есть совмещает два имени. В то же время история и причины появления названия «Тюмень» в русских источниках с начала XV в. остаются неясными. Очевидно, что вопрос об основании этого города и его значении в истории Сибирского юрта невозможно решить без применения археологии, однако большая часть средневековой Чинги-Туры разрушена в результате хозяйственной деятельности. Не менее очевидно, что несмотря на указание о разрушении Чинги-туры после убийства Ибак-хана, этот город сохранял свое значение при его наследниках в первой половине XVI в.⁸⁸, что, скорее всего, и заставило Тайбугидов уйти на восток на Иртыш, где, возможно, они пользовались большей поддержкой. Значение этого города постепенно снижается уже при Кучуме, который использовал бывшую тайбугидскую столицу. А.Т.Шашков считал, что такой уход из бывшего столичного города Тайбугиды могли использовать и ранее, уступая его Шибанидам (например, в Мемет-Туру выше по реке Туре)⁸⁹.

Если вспомнить о возможном эпическом характере рассказов об основателях клана Тайбугидов, то вполне резонно предположить, что в личности одного правителя могли найти отражение несколько действовавших в истории лиц. В этом отношении весьма любопытно было бы сравнить эти материалы с еще одной легендой, согласно которой в Сибири около 1523—1524 гг. действовала бухарская мусульманская религиозная миссия, в результате которой местное население подняло восстание и ушло в верховья Иртыша. Не менее любопытно, что вторую такую миссию возглавил некий Тай-буга-бий, который был сыном бухарского хана⁹⁰.

Отношение к этому сообщению двойственное, поскольку большая часть информации не поддается параллельной проверке по каким-либо среднеазиатским источникам. В то же время наша версия о специальном создании генеалогии сибирского княжеского рода могла бы рассматриваться в качестве третьего уровня, где местные идеологи обращаются уже к исламским традициям. Кстати говоря, здесь мы вновь, как и в отношении Ходжи, находим упоминание о бухарском хане. Еще одно подобное упоминание можно встретить в «ведомости» тобольского воеводы П.И. Годунова, где говорится, что Тайбуга был сыном Мамет-хана из казачьей орды, который получил владения в Сибири после того, как Чингис-хан покорил Бухару⁹¹. Нам кажется, что сюжет о связях Бухары с различными сибирскими политическими объединениями еще не нашел своего исследователя, особенно если вспомнить, что последний представитель сибирской княжеской династии Сейдяк находился на воспитании в доме некоего сейида в Бухаре. В этом отношении особенно любопытно то, что к Бухаре оказываются одновременно привязаны как сибирские Шибаниды, так и последний представитель Тайбугидов.

Вместо заключения

Таким образом, реконструируемая генеалогия Тайбугидов может являться попыткой создания античингизидской идеологии Сибирского княжества. Хотя М.А. Усманов и Р.А. Шайхиев считали, что «в силу отсутствия социальной потребности на „общенародные“ официальные истории сибирских татар у них не было реальной возможности для создания подобных сочинений», однако это не означало отсутствия интереса к частным локальным историям типа шежере⁹². Следует учитывать, что литература и устные рассказы в форме преданий очень часто использовались для подчеркивания главенства одного рода над другим. В этом отношении широко известным является пример «шибанидской историографии», которая в частности была использована против Тука-Тимуридов (например, «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи). В целом это характерная тенденция для большинства политических объединений на постзолотоордынском пространстве в период позднего Средневековья. Так, «Дафтар-и-Чингиз-наме», включающая в себя башкирские предания и шежере, обосновывает власть башкирских

биев через особые пожалования Чингис-хана в форме ярлыков и передачу символов и атрибутов власти⁹³, что чрезвычайно схоже с некоторыми сюжетами сибирских летописей. Образ Чингис-хана, основавшего единую империю и желавшего ее сохранения через наследование власти внутри Золотого рода, становится основой для сепаратизма автохтонной элиты. Этот образ является, с одной стороны, отражением общего прошлого, а с другой — может специально искажаться в угоду новым правителям, например, через подчеркивание его бездетности. Очевидно, что создание подобного рода устных или письменных рассказов было действенным способом изменения окружающей политической действительности. При этом следует учитывать, что татарские рассказы были дополнительно переработаны русскими авторами, и, следовательно, отнести изначальный рассказ к типу исторических или генеалогических преданий сейчас практически невозможно. В частности, Ю.М.Юсупов пишет о том, что «историческое предание „обслуживало“ конкретный этнокультурный социум». При этом в дальнейшем акценты в нем могут смещаться в пользу правящих династий, в том числе через прямое искажение исторических фактов. Основным хранителем этих рассказов становится аристократическая среда⁹⁴.

В целом, еще раз отметим, что нет резона искать какие-либо потерянные поколения между основателями династии Он-сон-ханом и Тайбугой и реальными политическими деятелями второй половины XV в., вставшими во главе Сибирского княжества. Обратим внимание на тот факт, что Тайбугиды были не одиноки в своих начинаниях. Фактически в то же время (около 1480 г.) архиепископ Вассиан пишет послание Ивану III, в котором объявляет хана Большой Орды Ахмата самозванным царем, но не по причине его личного самозванства (как это можно было делать, например, с фигурой темника Мамай), а по причине не царского рода самого Бату и его деда Чингис-хана. Все это делалось в условиях становления новой православной идеологии Русского государства, которая ориентировалась на иные политические ценности. В данном случае в ханском достоинстве отказывают всем Чингизидам и, следовательно, подвергают сомнению легитимность самой власти ордынских царевичей⁹⁵. Однако создававшиеся в иных внешнеполитических условиях татарские рассказы

о Тайбугидах не могли игнорировать общие для степного постмонгольского пространства представления, признававшие значительное влияние Чингисхана. В сибирском летописании, за исключением некоторых источников, Чингис имеет титул царя. В целом мы сталкиваемся с блоком весьма схожих представлений, распространенных в идеологии ряда народов Евразии. Вопрос о том, могли ли в таком случае сюжеты сибирских летописей отражать не только мировоззрение татарских рассказчиков, но и некоторые общие моменты, характерные для русской литературы этого периода, еще ждет своего исследователя.

Примечания

¹ Султанов, Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV—XIX вв. / Т.И.Султанов. — СПб., 2005. — С. 170—179.

² Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф.Миллер. Т.1. — М., 1999. — С. 185—189.

³ Файзрахманов, Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века) / Г.Файзрахманов. — Казань, 2002. — С. 117 и сл.

⁴ Фон Кюгельген А. Легитимизация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII—XIX вв.) / А. фон Кюгельген. — Алматы, 2004. — С. 54—55.

⁵ Трепавлов, В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и-Кичаке (заметки о предыстории бухарской династии) / В.В.Трепавлов // Тюркологический сборник: 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. — М., 2009. — С. 386.

⁶ Маслоуженко, Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Приоболья в Средние века / Д.Н.Маслоуженко. — Курган, 2008. — С. 124.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 9—10. М., 1965. — С. 285, 313.

⁸ Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 10. СПб., 1795. — С. 313—323.

⁹ Исхаков, Д.М. Введение в историю Сибирского ханства / Д.М.Исхаков. — Казань, 2006. — С. 187.

¹⁰ Андреев, А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век / А.И.Андреев. — М.; Л., 1960. — С. 195 и сл; Мирзоев, В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период) / В.Г.Мирзоев. — М., 1970. — С. 57 и сл.

¹¹ Шашков, А.Т. К истории Тайбугидской легенды / А.Т.Шашков // V Уральские археографические чтения: К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тез. докл. — Екатеринбург, 1998. — С. 73—74.

¹² Дергачева-Скоп, Е.И., Алексеев, В.Н. Сибирь XVII века глазами современника: С.У.Ремезов и его история Сибирская / Е.И.Дергачева-Скоп, В.Н.Алексеев. [URL]: <http://www.mmedia.nsu.ru/vbook>

¹³ ПСРЛ. Т. 36. — М., 1987. — С. 32.

¹⁴ Там же. — С. 42.

- ¹⁵ Там же. — С. 46.
- ¹⁶ Там же. — С. 107—108, 325.
- ¹⁷ Там же. — С. 47.
- ¹⁸ Там же. — С. 119.
- ¹⁹ Там же. — С. 129.
- ²⁰ Данченко, Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья / Е.М.Данченко // Проблемы бакальской культуры. — Челябинск; Шадринск, 2008. — С. 58—59.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 36. — С. 47.
- ²² Там же. — С. 118.
- ²³ Маслюженко, Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) / Д.Н.Маслюженко // Тюркологический сборник: 2007—2008. — С. 247.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 36. — С. 119.
- ²⁵ Преображенский, А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири / А.А.Преображенский // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию С.Н.Валка. — М.; Л., 1964. — С. 384.
- ²⁶ Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 1. / Г.Ф.Миллер. — С. 192.
- ²⁷ Летопись Сибирская, изданная Г.Спаским. — СПб., 1821. — С. 28—30.
- ²⁸ Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР). Кн. 2. — М., 1989; Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев, В.Н. Сибирь XVII века глазами современника: С.У.Ремезов и его история Сибирская / Е.И.Дергачева-Скоп, В.Н.Алексеев. [URL]: <http://www.mmedia.nsu.ru/vbook>
- ²⁹ Алишина, Х.Ч. Искер-Сибирь-Кашлык / Х.Ч.Алишина // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Владивосток; Омск, 2000. — С. 123.
- ³⁰ Мирзоев, В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века / В.Г.Мирзоев. — М., 1960. — С. 156—157.
- ³¹ Илдан белен Голдан (дастан) // Мирас. 2002. — № 3. — С. 17—31; Исхаков, Д.М. Введение в историю... С. 120—124.
- ³² Исхаков, Д.М. Введение в историю... С. 18; Рахим, А. Новые списки татарских летописей / А.Рахим // Проблемы истории Казани: современный взгляд. — Казань, 2004. — С. 579; Бахтин, А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств / А.Г.Бахтин. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 67—69.
- ³³ Рахим, А. Новые списки ... С. 562.
- ³⁴ Исхаков, Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV веке / Д.М.Исхаков // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск, 2002. — С. 174—176.
- ³⁵ ПЛДР. Кн. 2. — С. 552.
- ³⁶ Там же. — С. 554.
- ³⁷ Нестеров, А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV—XVI вв.) / А.Г.Нестеров // Сибирские татары. — Казань, 2002. — С. 20.
- ³⁸ Андреев, А.И. Очерки ... Вып. 1. — С. 186—188.

- ³⁹ Абрамов, Н. Город Тюмень / Н.Абрамов // Тобольские губернские ведомости (далее — ТГВ). 1858. — № 50. Отдел II. — С. 712.
- ⁴⁰ Дмитриева, Л.В., Муратов, С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып. 2. / Л.В.Дмитриева, С.Н.Муратов. — М., 1975. — С. 41; Исхаков, Д.М. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта / Д.М.Исхаков // Эхо веков. — 2008. — № 2. [URL]: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/05/01/
- ⁴¹ Абрамов, Н. Город Тюмень. — С. 713.
- ⁴² Юшков, И.Н. Сибирские татары / И.Н.Юшков // ТГВ. — 1861. — № 35. — С. 276.
- ⁴³ Шилов, С.Н. Средневековый могильник Усть-Суерское — IV / С.Н.Шилов // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 2. — Курган, 1991. — С. 17—19.
- ⁴⁴ Трепавлов, В.В. Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) / В.В.Трепавлов// Тюркологический сборник: 2005: Тюркские народы России и Великой степи. — СПб., 2006. — С. 323.
- ⁴⁵ Исхаков, Д.М. Введение в историю... С. 123—124.
- ⁴⁶ Нестеров, А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV—XVI вв.) / А.Г.Нестеров // Этнокультурная история Урала XVI—XX вв.: Материалы международной научной конференции. — Екатеринбург, 1999. — С. 55—60.
- ⁴⁷ Исхаков, Д.М. Институт сибирских князей... .
- ⁴⁸ Маслюженко, Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства... С. 247.
- ⁴⁹ Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 1. / Г.Ф.Миллер. — С. 467.
- ⁵⁰ Маслюженко, Д.Н. Генеалогические легенды как фактор захвата власти (к проблеме ценности рода в кочевых обществах монгольского времени) / Д.Н.Маслюженко // Система ценностей человека как социокультурная реальность. — Курган, 2002. — С. 62—71; Пузанов, В.Д. Условия формирования военно-административной системы в Зауралье / В.Д.Пузанов // Итоги и задачи регионального краеведения: Мат-лы Всерос. конф. Ч. 1. — Курган, 1997. — С. 72—73; Шашков, А.Т. К истории... — С. 72; Frank, A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir / A.Frank // Papers of Inner Asia. № 27. Bloomington, Indiana, 1994. — P. 20.
- ⁵¹ Юрченко, А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII—XV вв. / А.Г.Юрченко. — СПб., 2006. — С. 30 и сл.
- ⁵² Путешествия в Восточные страны. — М., 1997. — С. 113.
- ⁵³ Гумилев, Л.Н. История вымышленного царства / Л.Н.Гумилев. — М., 1994. — С.214.
- ⁵⁴ Дмитриев, С.В. Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан / С.В.Дмитриев // Mongolica — IV. — СПб., 1998. — С. 25—27.
- ⁵⁵ Кычанов, Е.И. Властители Азии / Е.И.Кычанов. — М., 2004. — С. 347.
- ⁵⁶ Юрченко, А.Г. Историческая география... С. 40.

- ⁵⁷ Дмитриев, С.В. Версии... С. 25; Цулая, Г.В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане / Г.В.Цулая // Советская этнография. — 1973. — № 5. — С. 121—122.
- ⁵⁸ Путешествия в Восточные страны. — С. 43.
- ⁵⁹ Там же. — С. 114—115; Матузова, В.И. Английские средневековые источники IX—XIII в. Тексты, перевод, комментарии. — М., 1979. — С. 216—217.
- ⁶⁰ Юрченко, А.Г. Историческая география... С. 32.
- ⁶¹ Кепинг, К.Б. Имя Чингис-хана в тангутской песне / К.Б.Кепинг. [URL]: <http://www.kepping.net/raboty-13.htm>
- ⁶² Кычанов, Е.И. Властители Азии. — С. 345.
- ⁶³ Маслюженко, Д.Н. Проникновение мировых религий на территорию Южного Зауралья в позднее средневековье (по письменным источникам) / Д.Н.Маслюженко // Вестник Курганского государственного университета. № 3. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 2. — Курган, 2006. — С. 64—69.
- ⁶⁴ Костюков, В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды / В.П.Костюков // Тюркологический сборник. 2007—2008. — С. 190—192.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 36. — С. 47.
- ⁶⁶ Измайлов, И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции / И.Л.Измайлов // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани: 1223—1556. — Казань, 2001. — С. 244—262.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 36. — С. 118.
- ⁶⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. — М.; Л., 1952. — С. 122.
- ⁶⁹ Рыкин, П.О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст / П.О.Рыкин. [URL]: <http://khubilai.narod.ru/business.html>
- ⁷⁰ Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А.Козина. — М., 2002. — С. 122—123.
- ⁷¹ Путешествия... С. 232, 241.
- ⁷² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. — С. 109, 134.
- ⁷³ Трепавлов, В.В. Джучиев улус в XV—XVI вв.: инерция единства / В.В.Трепавлов // Золотоордынское наследие: Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XIV вв.): Мат-лы междунар. науч. конф. — Казань, 2009. — С. 13.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 36. — С. 118.
- ⁷⁵ Трепавлов, В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» / В.В.Трепавлов // Тюркологический сборник. 2006. — М., 2007. — С. 319—352.
- ⁷⁶ Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 1. / Г.Ф.Миллер. — С. 186.
- ⁷⁷ Трофимова, О.В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар / О.В.Трофимова // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: Мат-лы всерос. конф. — Тюмень, 2007.
- ⁷⁸ Исхаков, Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» — Тайбугидов / Д.М.Исхаков // Этнос. Общество. Цивилизация. II Кузевские чтения. Мат-лы междунар. конф. — Уфа, 2009. — С. 224—227.

- ⁷⁹ Там же. — С. 227; Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К.Ибагимов и др. — Алма-Ата, 1969. — С. 143—144.
- ⁸⁰ Материалы по истории... С. 354.
- ⁸¹ Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе / С.А.Аннинский // Исторический архив. Вып. 3. — М.; Л., 1940. — С. 91.
- ⁸² Почекаев, Р.Ю. Право Золотой Орды / Р.Ю.Почекаев. — Казань, 2009. — С. 145.
- ⁸³ Исаков, Д.М. Новые данные... С. 226—227.
- ⁸⁴ Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. — Смоленск, 2003. — С. 248; Белич, И.В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г.Тюмень / И.В.Белич // Тюркологический сборник: 2007—2008. — С. 22.
- ⁸⁵ Миргалеев, И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана / И.М.Миргалеев. — Казань, 2003. — С. 148.
- ⁸⁶ Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 1. / Г.Ф.Миллер. — С. 478; Белич, И.В. Цымги-Тура... С. 30; Материалы по истории... С. 91.
- ⁸⁷ Березин, И.Н. Татарский летописец. Современник Б.Ф.Годунова / И.Н.Березин // Москвитянин. — 1851. — Ч. 6. — № 24. — Кн. 2. — С. 544; Султанов, Т.И. Известия османского историка XVI века Сейфи Челеби о народах Центральной Азии / Т.И.Султанов // Тюркологический сборник: 2003—2004. Тюркские народы в древности и средневековье. — М., 2005. — С. 261.
- ⁸⁸ Маслюженко, Д.Н. Этнополитическая история... С. 101 и сл.
- ⁸⁹ Шашков, А.Т. К истории... С. 73.
- ⁹⁰ Дмитриева, Л.В., Муратов, С.Н. Описание... Вып. 2. — С. 40—41.
- ⁹¹ Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 1. / Г.Ф.Миллер. — С. 186.
- ⁹² Усманов, М.А., Шайхиев, Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири / М.А.Усманов, Р.А.Шайхиев // Сибирская археология и источниковедение. — Омск, 1979. — С. 86.
- ⁹³ Азнабаев, Б. Апология власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» / Б.Азнабаев // Золотоордынское наследие. — С. 192.
- ⁹⁴ Юсупов, Ю.М. История Башкортостана XV—XVI веков / Ю.М.Юсупов. — Уфа, 2009. — С. 14—16.
- ⁹⁵ Горский, А.А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личность и ментальность русского средневековья. Очерки / А.А.Горский. — М., 2001. — С. 146—147; Рудаков, В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. / В.Н.Рудаков. — М., 2009. — С. 171.

Глава 2

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ КОНЦА XVII ВЕКА

1. О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАСПРОСТРАНЕННОЙ РЕДАКЦИИ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Центральный памятник раннего сибирского летописания — завершенная, по свидетельству ее автора, 1 сентября 1636 г. «Повесть о Сибири о сибирском взятии» владычного дьяка Саввы Есипова — в «стольном граде» «далечайшей государевой вотчины» в дальнейшем не только переписывалась¹, но и не раз перерабатывалась². Так, в конце XVII в. в Тобольске сложился Сибирский летописный свод (далее — СЛС) Головинской и Нарышкинской редакций (далее — Г и Н соответственно), каждая из которых в отличие от Книги записной³ (далее — КЗ) открывается есиповской «гисторией» особой разновидности.

Первая из них, Г (1689 г.), сравнительно с «тетрадами» софийского дьяка лишена оглавления и имеет обширное предисловие⁴, резюмирующее, кроме цитат из «Казанской истории» (далее — КИ), причем зачастую в тех же самых выражениях, содержание последующего рассказа о «Сибирской земле» и ее завоевании «русским полком». Так, далее читаем, что Сибирь получила такое название, когда правитель этой страны (как именовалась она прежде, «списатель» не смог выяснить) Мамет победил казанского хана Упака и основал город Сибирь, до «поручения» «Сибирского царства» Ивану Васильевичу «службою атамана Ермака Тимофеева з дружиною» (о чем в начале Г сказано дважды) оно «умножися ... кумиропоклонением», но было «взято» «немногими людьми» — православными «воями» — и «идолослужение бусурманское» оказалось попраным, «новопросвещенную землю ... псаломский гром огласи», по всему ее «лицу» встали «гради и церкви Божия», и «воистинно достойно сию победу («ермаковых казаков». — *Я.С.*) воспомяти и впредь идущая роды Божию помощь возвещати» (179, 182, 187, 189; ср. 181).

Названия глав обширного повествования в Г большей частью не совпадают с Основной редакцией Есиповской летописи (далее — ОЕЛ).

ОЕЛ	Г
О сибирских царех и князех	О сибирских царех и князех, иже быша на Ишиме
О Карачине улусе	О брани же с Карачею и о взятии улусу его и о третьей брани с агаряны
О бою под Чювашевым у засеки	О четвертой брани у русских с агаряны
О побеге царя Кучюма	О отходе от царя Кучюма остятцких князцов и о жалости, и о побеге из града Сибири царя Кучюма
О пришествии во град атамана Е[р]мака и прочих с ним	О Богом дарованней победе на агарян и о поручении града Сибири православным
О пришествии тотар и остяков во град Сибирь к Ермаку с товарищи	О покорении остятцкого князца Бояра и тотар сибирских
О убиении казаков от тотар	О побое русских людей на Абалаке на рыбной ловле
О послании ко царю к Москве со[у]нчом	О возвещении великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичю и о взятии царства Сибирского
О пришествии тотарина Сенбахты и о взятии царевича Маметкула	О бою на Вагае и о взятии рускими людьми царевича Маметкула
О пришествии князя Се[й]дяка из Бухар и отшествовнии от царя Кучюма думного его Карачи	О отходе от царя Кучюма думного его Карачи и о плачи царя Кучюма
О взятии городков и улусов	О повоевании городков и о взятии Назимского городка
О пришествии воевод и воинских людей с Москвы в Сибирь	О прислании с Москвы в Сибирь первых воевод
О послании царевича Маметкула к Москве	О послании к Москве из Сибири царевича Маметкула

О послех от Карачи и о убиении казаков от нечестиваго Карачи

О пришествии тотарина Карачи и прочих тотар под город Сибирь

О убиении Ермакове и прочих с ним казаков о[т] царя Куч[у]ма

О побеге оставших казаков после Ермакова убиения и прочих

О пришествии с Москвы воевод Ивана Мансурова и воинских людей в Сибирь

О пришествии воевод

О граде Тобольске и о создании его, и о поставлении церкви, и о начальстве его, яко начальный град наречесея

О убиении от Карачи атамана Ивана Колцова и протчих с ним казаков

О приходе Карачине под град Сибирь и о победе на окаянных агарян

О смерти Ермакове и прочих с ним казаков

О выходе казаков из града Сибири и о приходе во град Сибирь нечестивых агарян

О приезде воеводы Ивана Мансурова и о поставлении городка на Обе

О поставлении града Тюмени (города Тюмени)

О поставлении града Тобольска

Как нетрудно видеть, лишь несколько глав (посвященных пленению ермаковцами царевича Маметкула, появлению в Сибири Сейдяка и оставлению Кучума Карачей, посольству этого бывшего ханского приближенного к казакам и гибели Ивана Кольца, основанию Тобольска) в ОЕЛ названы более многословно, нежели в следующей, уже неавторской, редакции «сложения» софийского дяка. В остальных случаях создатель Г старался полнее передать содержание популярной летописи «Сибирское царство и княжение и о Тобольске граде» (72).

Значительная часть 8-й главы ОЕЛ «О пришествии же Ермакове и прочих казак в Сибирь» («Слышав же царь Кучюм пришествие русских воин ... достойна утвержения») в Г выделена в две главы — «О собрании войска царя Кучюма и о послании против русских вои и о укреплении засеки», «О первой и второй брани у русских людей со агаряны» (52, 181). (Заметим, что у Есипова такой нумерации нет). Зато главы Г «О взятии городка Атика мурзы и о думе казачей», «О приступе к городку остяков и о отходе

их», «О поимании князя Сейдяка и царевича Салтана и думного Карачи и о побииении протчих тотар и о послании их к Москве», «О царе Кучюме» объединяют рассказы «О размышлении казаков (и о думе)», «О взятии городка Атика мурзы», «О пришестви[и] остяков под городок», «О кумире остяцком», «О взятии[и] князя Сейдяка, и царевича Казачьи орды Салтана, и Карачи, и о убиении прочих», «О послании князя Сейдяка и Салтана и Карачи к Москве», «О смерти царя Кучюма, идеже скончася», «Благодарение Богу», каждый из которых в ОЕЛ составляет отдельную главу (52, 64—69, 181, 186—187).

Изредка между есиповским «Сказанием» и Г обнаруживаются стилистические расхождения.

ОЕЛ	Г
яко дося[за]ти инеми холмом (и верхом и холмом)	яко досягти и верхом холмом
очистити место святын[и]	очистити место
За твою, беззакониче, скверну Бог вся видит	Беззакониче, [за] скверны твоя не хотя Бог тя видети
со князем их	со князцами их
сия летопись Сибирское царство и княжение о взятии, и о Тоболске граде (44, 50, 55, 60; ср. 70)	сия летопись Сибирское царство и княжение и о взятии в Тоболске граде (178, 182, 184, 188)

Глава о безуспешной осаде остяками Мансуровского городка в Г по сравнению с ОЕЛ заключается фразой «И от того часа отидоша восвояси и быша мирны, и государю ясак начаша давати (65, 186)⁵. Рассказу же о составлении синодика «ермаковым казакам» (далее — С) в Г в отличие от есиповских «словес» предпослана ремарка «О исправе летописи сея, имея таковыи приклады». Из сопоставляемых произведений только в раннем сообщается, что во время осады Карачей города Сибири казаки скрывались в кустах. Если в ОЕЛ утверждается, что Тюмень заложили воеводы В.Сукин и И.Мясной, то в Г их сослуживцем назван письменный голова Д.Чулков⁶. В Г, о чем в сочинении Есипова мы также не прочтем, приведено и наименование первой тобольской церкви — Троицкая⁷ (62, 65, 69, 185, 186, 188).

В ОЕЛ нет и рассказов о «воровстве» ермаковцев до похода в Сибирь и посылке Кучумом лазутчика в казачий стан перед нападением, в ходе которого погиб прославленный атаман (181, 185). Н.А.Дворецкая нашла указанные известия близкими к началу Нового летописца (далее — НЛ), тем более, что следом подобно этому официальному сочинению конца патриаршества Филарета говорится об участии Ивана Кольца в экспедиции, ставшей для «наставника» русских «воев» последней (189)⁸. Е.К.Ромодановская и повторяет это мнение, и объявляет источником интересующих нас вставок НЛ⁹. В.Г.Вовина-Лебедева же недавно пришла к выводу о зависимости Распространенной редакции летописи Есипова (далее — РЕЛ) от Краткого описания о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака (далее — КО), поскольку согласно этим произведениям татарин, которого Кучум отправил в казачий лагерь на Вагае, принес оттуда «три пищали и три лядунки». Однако в КО, что отмечает и сама исследовательница, в данной связи говорится про пищаль и лядунку, тогда как в НЛ — «три пищали и три вязни (вяски)»¹⁰ (ср. 73, 78)¹¹. По наблюдению В.Г.Вовиной-Лебедевой, в КО читаем (в сообщении о ханском лазутчике) «толко отведаешь»¹², и я тебя свободу от казни и пожалую», а в НЛ — «будет отведаешь и я тебя от казни пожалую»¹³. В Г же распоряжение Кучума передано следующим образом: «Отведай мне в реке броду, и толко отведаешь, и я тебя от казни избавлю и пожалую» (185). Очевидно, что эти строки ближе к процитированному известию КО, чем к «Книге, глаголемой Новый летописец». Сообщение КО (которое относить к числу сибирских летописей¹⁴ опрометчиво) о пищали и лядунке, украденных татаринном у казаков, с меньшей вероятностью могло трансформироваться в соответствующее указание РЕЛ, нежели упоминание НЛ о трех пищалях и трех вязнях (ремнях). Быть может, создатель РЕЛ пользовался не дошедшим до нас списком протографа КО и НЛ¹⁵, где речь шла о трех пищалях и трех лядунках (пороховницах).

В Г, на что ранее не обращалось внимания, подобно КО и НЛ говорится и о возвращении ермаковцев на Русь после гибели их предводителя по реке Собь (185; ср. 34, 40, 73, 74, 133, 135¹⁶), упоминания о которой в ОЕЛ нет.

Что касается известия об Иване Кольцо (в КО о нем умалчивается) как участнике похода по Вагаю навстречу бухарским купцам,

то оно содержится не в Г, а в своеобразном резюме этого сочинения, помещенном следом, в предисловии «Книги, сколко в Сибири, в Тоболском и во всех сибирских городех и острогах, с начала взятыя атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и околничих, и столников, и стряпчих, и воевод, и дьяков, и письменных голов, и с приписью подьячих бывало». Создатель этой «сибирской книги» мог обращаться к НЛ. Так, если в КЗ и тесно связанной с ней одной поздней редакции СЛС — Академической — окончательный разгром Кучума датируется в иностранной статье 7109 г. (142, 370)¹⁷, то в более ранних, как и в официальном «летописце о взятии царства Сибирского и о Гришке Ростриге»¹⁸, об этом событии говорится более лаконично под 7106 г.¹⁹ (190, 259, 316; ср. 98).

По заключению Е.К.Ромодановской, вставки об участии Д.Чулкова в основании Тюмени, о разбоях казаков перед их зауральским походом и посылке Кучумом лазутчика в русский лагерь «разрушают идейную направленность» «Повести», вышедшей из стен Тобольского архиерейского дома в начале «престолства» Нектария и сблизают РЕЛ «с официальным московским летописанием»²⁰. Думается, видная исследовательница сибирской книжности XVII в. не избежала преувеличения. Лишь сообщение о «воровском» прошлом Ермака и его соратников²¹ не согласуется с оценкой их Есиповым как христианских подвижников, выступивших «просветителями» «Сибирской страны». Однако (что отмечается самой Е.К.Ромодановской²²) предыстория дерзкого казачьего похода софийского приказного не интересует, возможно, в частности, потому, что она не нашла отражения в С, послужившем одним из главных источников ОЕЛ.

По мнению Н.А.Дворецкой, Г близка к Словцовскому списку (далее — Сл) сочинения Есипова²³. Но при очевидном сходстве они нередко отличаются.

ОЕЛ (по большинству списков)	ОЕЛ (по Сл)	Г
Сибирския земли (44)	Сибирского государства (44. Примеч. 27)	Сибирския земли (178)

имянем Ивана Колца (71)	атамана Ивана (71. Примеч. 69, 70)	атамана Ивана Колца (188)
яша (51)	и изымаша, яша (51. Примеч. 4)	яша (181)
и поядая и страша (60)	устрашая всяко неверие (60. Примеч. 80—83)	устрашая всем (184)
оставшая (63)	оставшая братия (63. Примеч. 6)	оставльшия казаки (185)
на много время (63)	на немного время (63. Примеч. 15—16)	зело многое время (185)
предоброю (70)	превозлюбленную (70. Примеч. 41)	предобле (188)
По сем же (67)	по нем же (70. Примеч. 51—52)	По сем же (187)
иде втай (68)	отиде втай (68. Примеч. 18)	иде втай (187)
и нам такожде (69)	такожде и нам (69. Примеч. 51—52)	и нам тако же (187)
победе сицеве (69)	победе сицеве в сентеврия в 1 день (69. Примеч. 29)	победе сицеве (188)
на драке (70)	на бране (70. Примеч. 62—63)	на драке (188)
написание (70)	написание сие (70. Примеч. 66)	написании (188)

Кроме того, в Сл, в отличие от большинства других списков ОЕЛ и Г, нет названий 24, 28—32-й глав.

Возникшая в результате переработки Г Н, с которой начинается «История о Сибирстей земли и о царстве, и к нему принадлежащих странах, и о взятии ея Ермаком Тимофеевым сыном Повольским с товарищи» (1694 г.), — уже гораздо сильнее отличается от «Повести» Есипова. В предисловие ОЕЛ анонимный редактор внес упоминания о царе Иване Васильевиче, участии в знаменитой экспедиции за «Камень» 540 казаков, правлении Кучума в Сибирской земле и «к ней принадлежащих странах», чудесах на Абалаке (42, 231)²⁴. 37 главам ОЕЛ в Н соответствует

по оглавлению 32, в тексте — 33, поскольку 29-я глава рассматриваемой разновидности РЕЛ в оглавлении объединяет 29—31-ю «истории сибирской» 1636 г., а 32-я — 35—37-ю. При этом наименования глав в Н — и в оглавлении (которого, напомним, в Г нет), и в основном тексте — редко совпадают с предшествующей разновидностью памятника (главы 2—4, 6 — только в оглавлении, 11, 20, 21, 30, 32). Различия же в этом отношении Г и Н весьма рельефны.

Г	Н
О царю Кучюме и о пришествии его ис Казачьи орды в Сибирь	О пришествии из Казачьи орды в Сибирь царя Кучюма Муртазаева сына с вои ево (в основном тексте — О пришествии ис Казачьи орды царя Кучюма в Сибирь)
О вере царя Кучюма	О вере сибирского царя Кучюма бесерменского (в оглавлении добавлено: и о законе его)
О пришествии Ермакове и протчих в Сибирь	О пришествии христианско-росийских людей атамана Ермака Тимофеева сына Повольского с товарищи ево с пятью сты человеки казаков в царство Сибирское (в оглавлении — в Сибирь из Росийского царства с реки славной Волги)
О собрании войска царя Кучюма и о послании против русских вои и о укреплении засеки	О собрании войска бесерменского царя Кучюма и о послании противо росийских воев, и о укреплении засеки, зовомо под Чувашевым, и о брани с царем Кучюмом и с татары у росийских людей (в оглавлении — у русских людей атамана Ермака с товарищи) ²⁵
О первой и о второй брани у русских людей со агаряны	О третие (третьей) брани со агаряны (агаряны) и с Карачею, и о взятии улуса его, и о побииении многих татар (в оглавлении добавлено: у него (его) улуса) ²⁶
О брани же с Карачею и о взятии улусу его и о третьей брани с агаряны	

О взятии городка Атика и о думе казачей

О отходе от царя Кучюма остяцких князцов и о жалости, и о побеге из града Сибири царя Кучюма

О покорении остяццкого князца Бояра и тотар сибирских

О побое русских людей на Абалаке на рыбной ловле

О возвещении великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу и о взятии царства Сибирского

О бою на Вагае и о взятии русскими людьми царевича Маметкула

О отходе от царя Кучюма думново его Карачи и о плачи царя Кучюма

О взятии городка Антика (Аттика) мурзы и о думе (в оглавлении — и о размышлении) атамана Ермака с товарищи

О отходе остяцских князцов от царя Кучюма и о побеге его из царства своего града Сибири со всем своим юртом (в тексте — как в Г)

О по[в]иновении и покорении сибирских тотар и остяков, и князца Бояра с товарищи (в оглавлении — О покорении сибирских татар и остяков российскому войску кн[я]зца Бояр[а] с товарищи, и о принесших дары и запасы

О побиении российских воев, идущим на рыбные ловли, зовомо на Абалаки, от нечестивых [а]гарян (в оглавлении — О побиении российских людей на Абалаки на рыбной ловли от нечестивых агарян)

О послании и о возвещении великому государю о взятии Сибирского царства к Москве атамана с товарищи, с сеунчем посланных (в тексте — О возвещении великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу, всеа Великие Росии самодержьцу, взятии царства Сибирского)

О пришествии татарина [Сенбахты] и о взятии Кучюма царя сына царевича Маметкула на бою на Вагае реке (в тексте — О бою на Вагае реке со агаряны и о взятии Кучюма царя сына царевича Маметкула)

О пришествии князя Сейдяка из Бухарейские земли и отшествии от царя Кучюма думново его татарина Карачи з домом (в тексте —

- О поведении городков и о взятии Назимского городка
- О послании к Москве из Сибири царевича Маметкула
- О убиении от Карачи атамана Ивана Колцова и прочих с ним казаков
- О приходе Карачине под град Сибирь и о победе на окаянных агарян
- О смерти Ермакове и прочих с ним казаков
- О выходе казаков из града Сибири и о приходе во град Сибирь нечестивых агарян
- О плачи [царя] Кучюма и о отходе от него думного татарина Карача и ближняго его человека)
- О поведении по Иртишу и по великой Оби рекам осятских городов и улусов российскими вои (в тексте — О поведении в Сибири вниз Иртиша и великой реки Оби осят[ц]ких городков и о взятии осятцкого же Назымского городка с великим богатством)
- О послании к Москве из Сибири царевича Маметкула, сына Кучюма царя (в тексте — О послании из Сибири к великому государю к Москве Кучума царя сына царевича Маметкула)
- О убиении атамана Ивана Колца и с ним козаков (в оглавлении — О убьении [а]тамана Ивана Колца и с ним сорок человек казаков от нечестиваго татарина Карачи лестным шертованием познавших)
- О пришествии под град Сибирь с войн[о]ю татарина [Карачи] и прочих с ним татар и о дивней победе на них Карачю (в тексте — О приходе татарина Карачи под град Сибирь и о дивней победе на нечестивых агарян от полку атамана[на] Ермака с товарищи²⁷)
- О смерти атамана Ермака и иже с ним казаков, идеже скончася (в оглавлении — О убиении атамана Ермака и прочих с ним казаков на реке Вагаю на перекопи нощию от царя Кучюма)
- О выходе из Сибирскаго царства оставших казаков к Российскому царству и о приходе во град Сибирь

- нечестивых агарян, царевича Алея, Кучюма царя сына, с товарищи (в оглавлении — О побеге из Сибири к Москве воеводы и протчих с ним казаков после Ермакова убийства с товарищи его) О приходе во град Сибирь после побегших казаков царевича Алея, сына Кучюма царя, с татары²⁸
- О приезде с Москвы в Сибирь воеводы Ивана Ман[с]урова с воинскими людьми и о побеге их из Сибири к Москве страха ради нечестивых (в тексте — О приезде с Москвы в Сибирь воеводы Ивана Мансурова и о беге из Сибири к Росийскому царству, и о поставлении на великой реке Оби древенного городка, и о приступе к нему остяков с товарищи)²⁹
- О приступе к городку остяков и о отходе их
- О приступе под городок [остяков] на великой реке Обе (в тексте — О пришествии остяков и о приступе их к городку, и о повиновении их, и о принесении запасов)
- О поставлении града Тюмени
- О пришествии с Москвы воевод с ратными людьми и о поставлении в Сибири града Тюмени над рекою Турою
- О поставлении града Тоболска
- О поставлении внутрь Сибирского царства начальнойшего града Тоболска всеа Сибирския земли и стран, к нему подлежащих³⁰
- О поимании князя Сейдяка и царевича Салтана и думного Карачи и о побииении протчих тотар, и о послании их к Москве
- О взятии князя Сейдяка и царевича Казачьи орды Салтана, и татарина Кара[чи] и о послании их к Москве (в тексте — О поимании князя Сейдяка и царевича Казачии орды Сал[т]ана, и думного татарина царя Кучюма Карачи, и о послании их ко государю к Москве)

О царе Кучюме

О смерти царя Кучюма, идеже скончася (в тексте — О царе Кучюме Муртазаеве сыне и о смерти сего, идеже скончася)

О исправе летописи сея, имея таковыя приклады

О исправлении летописи сия, имея таковыя приклады. Синодик казачком написан сице³¹

Итак, в оглавлении и тексте Н наименования глав почти не дублируют друг друга, причем в оглавлении эти наименования, по преимуществу более развернутые, нежели в Г, часто оказываются подробнее, чем в тексте, и наоборот.

В Н известия Г нередко дополнялись фактическими данными и подвергались стилистическому распространению.

ОЕЛ, Г

Н

яко стена граду утвержена (44, 178)

яко бо стена, или твердейший град, утвержена бысть не созданием рук человеческих, именуем бе Верхотурский волок (234)³²

в губу Мангазейскую (45, 179)

в морскую губу Мангазейскую (235)³³

Царь же Чингис собрав вои[н]ство много(е) (46, 179)

Царь же Чингидес по прошению князя Тайбуги собрав воинство многое множество (235)

Чингиден; ныне же на сем [месте] град Тюмень (46, 179)

Чингиди град; ныне же волею Божию и судом на том месте стоит град Тюмень (236)

ни писания обретох (47, 179)

ни писания обретох от кого (236)

восхоте царство его (Кучума. — Я.С.)

восхоте царство его (Кучума. — Я.С.)

разрушити и предати православным християном (48, 180)

разрушити и предати православным християном во обдержание российскому скипетродержавству (237)

Моамета проклятаго, инии же кумиром поклоня[юш]еся (48, 180)

Моамета проклятаго предания держаше, инии же кумиром и болваном поклоняющееся (237)

русских воин и мужество их и храбрость, и о сем оскорбися зело ... ополчились ... иже под его властию ... достойна утверждения ... из-за горы на струги их (52, 181)

брань с Карачею и улус его взяша ... и царева меду в струги своя снесоша (52, 181)³⁵

уповаша на Бога (53, 182)

Божию помощью (54, 182)

своими людми отъид[оша], отидоша кождо восвояси (54, 182)

под Чювашевым (Чувашем) (55, 182)

прославиша же Бога, давшего им таковую победу на окаянных идолопоклонник и агарян (агарян, идолопоклонник) (56, 182)

росийских людей воинским ополчением, атамана Ермака с товарищи, слышавше и разумев мужество их и храбрость велию, и о сем вельми оскорбися печалию велию ... посылает скорых посольщиков ... ополчились с ним с великою крепостию ... иже ево державства и области, тотар премногое множество³⁴ ... со всякими бранными оружии ... утверждения от воинского происхождения ... з гор и из заповор на струги их (240)

с Карачею брань, много бився ... и Кучюма царя сына ево царевича Меду³⁶ взяша и в струги своя отнесоша (240. Примеч. 28—37; 241; см. также 306)

уповаша на Бога всею душею и крепостию своею (241)

Божию помощью и милостию Пресветыя Богородицы, заступницы христианские, и молитвами всех святых росийских чудотворцев и всех святых ... и побегоша мнози из них (на Чувашевом мысу. — Я.С.) (242)

отъидоша с родами своими (242)

у горы на край Иртиша реки, зовомо под Чювашевым, у засеки (243)

В той день христианно-росийстии воины, атаман Ермак с товарищи своими, радостию великою возвеселишася и прославиша истинного в Троицы славимаго Бога, Господа нашего Иисуса Христа, давшего им в то время таковую превеликую победу и одоление на нечестивых агарян и на идолопоклонников окаянных (243)

Божию помощию (56, 182)

пришед (Маметкул. — Я.С.) на них тай со многими людьми (56—57, 183)

Егда же изволи Бог предати христианом Сибирскую землю (православным Сибирскую землю взяти) и по взятии, того же лета (того места) Ермак с товарищи послаша (к великому государю к Москве) [соунчом атамана и казаков], и писаша ко благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу, всея Руси самодержцу, ... царя Кучюма ... ясак им давати государю по вся лета (годы) без переводу (безпереводно) (57, 183)

Поидоша сии воины и дошедше (58, 183)

с воинством многим ... яко враги (59—60, 184)

по всей Сибирстей земли ... страх Божий ... устрашая всех бяше живущих тамо ... с великою корыстию (60, 184)

во свою державу ... мнози же гладом умроша ... многия запасы (И паки быша во граде. — ОЕЛ) многия запасы изобилны житными и овошными и прочими, яже на потребу (человеком) (60, 184) служилых людей, которые за ним (Маметкулом. — Я.С.) присланы, государь пожаловал денгами и кормом, и выходными сукнами (61, 184)

Божию милостию и помощию (243)

пришед на них тайна со многими воинскими тотары (244)

Егда ж благоволи в Троицы славы Бог православно-росийским христианом царство Сибирское взятии и бесерменско[го] царя победити со многоразличными языки атаману Ермаку з дружиною своею предо[б]рею, послаша из Сибири к великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу, всея Великие Росии самодержцу, к Москве сеунчом атамана и казаков ... Кучюма Муртазаева сына Моаметова закона ... ясак им давати ... почему он, великий государь, укажет (244; см. также 308)

Отъидоша же сии воины и дошедше на станы их (246)

с войною со многими людьми ... яко врази и неприятели (246)

по всей Сибирстей земли и царству ... страх бо Господень на всех бяше живущих тамо ... устрашая всех ту живших ... с великою корыстию и богатством (247)

во свою отчину ... мнози в то злое время в Сибири от гладу того умроша людей ... многие запасы животными и овощами и рыбами и прочими запасы, яже на потребу человеком (247) пожаловал (государь. — Я.С.) многим же своим царским жалованьем сибирских казаков, которые посланы были за ним (Маметкулом. — Я.С.) из Сибири в приставех, деньгами,

и просиша (Карача. — Я.С.) людей оборонити их от Казачьи орды ... Ермак же с товарищи посоветова и повераша их (из злomu) и безбожному и лукавому [шертованию], отпустиша к нему ... И егда ж приидоша сии воины ... яко атамана Ивана Кольца и прочих побиша (61—62, 184)

восвоися [с] срамом (62, 185)

убояшася (уцелевшие после гибели Ермака его соратники. — Я.С.) жити во граде (63—64, 185)

вместо Бога (кумира. — Я.С.) имяху (65, 186)

беже из града и с царства своего в поле, и дойде, и обрете место, и ста ту с оставшими людьми ... трепет и ужас (68, 187)

Божиею помощию (69, 187)

наипаче во многих местех поставиша гради (69, 187)

и сукнами, и кормами с болшим доволством (248)

просиша у него (Ермака. — Я.С.) лестию людей российских, бутто их оборонити от Казачии орды ... Атаман же Ермак с товарищи своими посоветовал, повериша их злomu и безбожному лукавому шертованию и отпустиша с ними (посланцами Карачи. — Я.С.) из города Сибири ... Приидоша же сии воины [к] нечестивому татарину Карач[e] в улус ево ... яко татарин Карача лестным шертованием побил у себя в улусе атамана Ивана Кольца да с ним сорок человек казаков сибирских (248)

со срамом великим, яко не получи желание свое (249)

убояшеся жити за малолюдством во граде Сибири от множества злочестивых ... и убрався свободно со всякими запасы в струги ... до реки Соби (250)

вместо Бога чтяху (252)

бежа из царства своего, и обрете место, и ста со всеми людьми, избегшими с ним из царства его Сибири ... страх великий и ужас зело неисповедим и не сме идти нимало ка граду Тоболску, ни ко протчим градом ... погроми и поплени (254)

И Божиею милостию и помощию Пресвятыя Богородицы, заступницы христианские (254)

наипаче же по всей Сибирстей земли и к ней прилежащих странах поставиша мнози гради (255)

Сравнительно с ОЕЛ и Г в Н добавлено, что татары, обитавшие по берегам сибирских рек, — «Моаметова проклятого закону», а царство на Ишиме «разруши князь Магмет, Обдера, князя сибирского, сын» (44, 47, 178, 179, 234, 236). В Г читаем: «сибирские гради прозвася, иже Сибирстии именуеми». Соответствующая фраза Н («вся страна сия и царьство прозвася Сибирское, и до ныне») (47, 179, 236), как нетрудно видеть, ближе к ОЕЛ, чем к Г. По-видимому, создатель Н располагал списком Г с таким чтением. Выражение «Бухарскую землю» редактор последовательно исправляет на «Бухарейскую» (48, 59, 180, 184, 237, 246; ср. 233, 302, 309). По определению «писателя» Н, от Саускана до города Сибири — «яко 10 поприщ», а не 3 или «яко 3», как сообщали предшественники этого книжника (62, 185, 248)³⁷. Из интересующих нас сочинений только в Н говорится, что сеунчики, отправленные Ермаком и его «товарством» в Москву, «принесоша великому государю многи драги дары и лисицы черныя, соболи и бобры³⁸, а Иван Васильевич приказал «чести (казачью отписку. — Я.С.) пред своим царским лицеем во услышание всем предстоящим ту пред лицеем его». Есипов лишь упомянул о царских наградах атаманам и казакам, овладевшим Сибирским «юртом»; по старшей же разновидности РЕЛ известно, что Ермак и его «товарыщи» получили от Ивана Грозного и деньги, сукна, а редактор Г добавил, что предводитель знаменитого похода и его сподвижники удостоились от московского самодержца в числе «множественного» жалования золотых, многих товаров и запасов (245)³⁹. Если верить Н, в канун решающей битвы «под Чувашею» «противо единого российского человека поганых агарян вооруженных по сту человек на единого готовых сущих и болши». Ни в ОЕЛ, ни в Г об этом не сказано. Там нет и слов (в обращении Кучума к своим приближенным) «Победи нас атаман Ермак с вои своими» (52, 182, 241, 242). В ОЕЛ и Г умалчивается о том, что «егда же воевода с товарыщи (голова Иван Глухов с ермаковцами. — Я.С.) побегоша ко царству Московскому ... а московский воевода и казаки, — повторяет летописец, — за малолюдством из града Сибири побегоша к Росийскому царству ... и прибрав (Сейдяк. — Я.С.) множество иностранных воинских людей агарянских же языков, и прииде ко граду Сибири ... до часа воли Божия владетельствова в нем (городе Сибири. — Я.С.)», когда Иван Мансуров

прибыл за Урал, то увидел «на берегу вооруженных ... многое превеликое множество поганцов» (251, ср. 64, 186), а письменный голова Данила Чулков был послан «ставить» новый город, нареченный Тобольском, «из полку от воевод» Тюмени В.Б.Сукина «с товарищи» (252, ср. 66, 186)⁴⁰. В Н патриарх Филарет называется не «краснейшим» или «крайним», а святейшим, говорится об «освящении» Киприана (а не только его «поставлении» в архиепископы), списках вместо «написания», Ермак и его соратники представлены пострадавшими за «благоверие» (в ОЕЛ и Г — православие) (70, 188, 256). Сравнимые произведения существенно расходятся в рассказе о сражении, победа в котором открыла казачьей «дружине» путь в ханскую столицу: «Сии злоратные мужие, — читаем в Н, — убиение и дерзость свиреподушную над погаными показаша», а не «злоратные мужие (кучумляне. — Я.С.)», «поганые показываху», как говорится в ОЕЛ и Г (53, 182, 241; см. также 307)⁴¹. Очевидно, как и в сообщении о захвате ермаковцами Карачина улуса, редактор допустил ошибку. Значительной правке в Н подвергся рассказ о пленении в Тобольске Сейдяка, Салтана и Карачи и истреблении их «воинских людей (татар)». К примеру, в отличие от сочинения Есипова и Г в Н читаем «Сейдяк посоветовал с товарищи своими промеж себя и, слыша от посланных сеа словеса о мирном состоянии, совет потребова ... вы[пийти] чашу сию по своей вере по многолетнее здравие великого государя нашего Федора Иоанновича, всея Великие Росии самодержца ... зломыслие их неправдивое ... Услышав же сия оставшиися агаряны во граде Сибири, бежаше же и сии невозвратным бегством страха ради великого, и никто же не оставя от них ни един, гоним ибо сии Божиєю помощию ... с великим осторожеством от них, бесерменских агарян» (253, 254, ср. 66—68, 186—187). Заметно переделан в Н и рассказ о «воровстве» казаков перед их походом в Сибирь. (Источником этого рассказа, напомним, скорее всего, служит КО). Так, в отличие от Г в Н говорится: «росийские люди, нарицаемии казаки донские ... государские насады и суды ... имати и тамо по рекам вешати за их многие воровство и злое непокорство к нему, государю. И многих из них по тем вышеписанным рекам воровских казаков поимаху они, царского величества воеводы, и за их воровские вины казняху по государскому указу ... жителие — Строгановых

отчинные их росийс[кие] люди ... х каторому царству земля их та близостию смежна. Они же поведоша истинно, яко от жительства их ... державствует царь Кучюм. Та же атаман Ермак с товарищи, слыша от их достоверно и увидев истину ... тутошных жителей, знающих людей» (239, ср. 181). Еще сильнее переработан в Н рассказ о смерти Ермака (открывающийся здесь ремаркой «Достоинно есть и се воспомянути»). Тут (зачастую не так, как в Г, да и в ОЕЛ) говорится: «бухарцов, держит (Кучюм. — Я.С.) у себя ... от многого скорого пути. И доидоша вниз реки Вагая, зовомо до перекопи, чрез л[у]ку [в] Вага[й] же реку ... поставиша станы своя на берегу на край реки Вагаю ... иже приходит на них смертное посещение и час волею Божию» (у Есипова и в Г — «яко приходит смертный час»). «И призва ево (татарина. — Я.С.) царь Кучюм и рече ему ... И пришед татарин, поведи царю Кучюму все, что казаки [спят] бе[с] стражи ... повеле (хан. — Я.С.) у них для истиннаго свидетелства нечто у них взятии. Татарин же шед второе за Вагай ж реку и виде паки казаков спящих бе[с] стражи, и взя у них три пищали да три ж лядунку с порохом, и привезе ко царю Кучюму (ср. 40, 73, 74, 78) ... ни откуду ж в то злое время и час имать имети помощи животу своему (в ОЕЛ, Г читаем «ни от кого ж виде помощи имети животу своему», «помощи видевшее имети». — Я.С.) ... утопе в воде в реке Вагае ... рыдаху великим и неутешным плачем зело на много время о лишении наставника и полководца своего, яко отца, и остахася сиры» (в ОЕЛ и Г сказано «плакаху по них плачем велим зело на много(е) время») (63, 185, 249—250)⁴².

Встречающиеся в Н новые фактические данные, весьма многочисленны, едва ли почерпнуты из каких-то нарративных либо документальных источников. Скорее, подобно Забелинскому виду ОЕЛ⁴³, эти сведения (например, о соотношении сил «рускаго полка» и войска Кучюма, оставлении хана остяцкими родами, присутствии свиты Ивана IV во время приема им сеунчиков из Сибири⁴⁴, дарах «дружинь» Ермака царю, пожалованиях вольных казаков, а затем служилых людей московскими государями, принесении местными жителями рыбы ермаковцам, малолюдстве, вынудившем казаков после гибели своего главного атамана вернуться на Русь⁴⁵, основании Иваном Мансуровым деревянного городка, наличии в отрядах пришедшего из Бухары Сейдяка

агарян-иностранцев, «посылке» Данилы Чулкова «ставить» Тобольск из «полка» тюменских воевод) домыслены редактором «по общей ситуации». Лапидарные замечания о Верхотурском волоке, Вагайской луке, Троицкой церкви — первой в Тобольске — вполне естественны для сибиряка.

Правка ОЕЛ, которая привела к появлению Г и Н, главным образом определялась литературными вкусами их создателей. Вместе с тем она свидетельствует о сохранении в «царствующем граде» Тобольске пристального интереса к перипетиям «Сибирского взятия» и на пороге XVIII столетия.

2. ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ «КНИГИ ЗАПИСНОЙ»

Н.А.Дворецкая обратила внимание на то, что в Сл две последние главы разделены записями о присылке 18 сентября 1628 г. преемнику тобольского «первопрестольника» Киприана архиепископу Макарию патриаршей грамоты относительно поста и молебнов, кончины второго сибирского владыки (1635 г.) и приездов в Тобольск двух следующих архиереев — Нектария и Герасима (1636, 1641 гг.) (70. Примеч. 100)⁴⁶. В той же рукописи следом за есиповским «Сказанием» говорится о тобольском пожаре 1643 г.⁴⁷ и (о чем в Г подчас сообщается более лаконично) событиях 1652—1678 гг. Как рассудила Н.А.Дворецкая, Словоцковская рукопись сохранила не погодные записи за 1643—1678 гг. (так полагал А.И.Андреев), а «выписки из тобольской летописи, не дошедшей до нас», — источник либо один из вариантов будущей Г, свидетельство «чернового этапа» работы над ней⁴⁸.

В Г находим и известие о присланной Макарию грамоте патриарха Филарета с повелением «молебная пети и поститися неделю, и пети молебны по вся дни», а в Н добавлено, что «со звоном» (197, 264, 320). Об этой грамоте анонимный «слогатель» мог узнать в архиве тобольского архиерейского дома или же по летописи, вышедшей из его стен. Уже КЗ содержала комплекс сведений по истории сибирской владычной кафедры, который в Г, да и Н, был как сокращен, так и дополнен.

К 30 мая 1621 г. (среде первой недели Петрова поста) в старшей редакции СЛС говорится о приезде «на первопрестольство

свое» «великого господина преосвященного» Киприана, прежнего архимандрита новгородского Хутынского монастыря чудотворца Варлаама, поставленного 8 сентября предыдущего года «из жребий святительских» «изволением и жалованием» царя Михаила Федоровича, его отца патриарха Филарета и всего освященного собора⁴⁹. В КЗ указано «ключевое слово» (по пасхальным таблицам) «в приездной год» Киприана, когда «Благовещение было в неделю вербную» (146)⁵⁰. 15 февраля 1624 г. «первопрестольник великий господин преосвященный» Киприан по распоряжению царя и патриарха отправился в Москву (147). В остальных редакциях СЛС, что следует признать верным⁵¹, сказано, что первый тобольский владыка покинул свою резиденцию 5 февраля (195, 262, 318, 319, 347, 371). Вероятно, при копировании протографа КЗ писец допустил ошибку. По подсчету софийского книжника, Киприан провел «на своем первопрестолстве» 2 года 8 месяцев «с полумесяцем»⁵², всего в сане архиепископа — 4 года 3 месяца; 12 декабря 1624 г. «Старорушанина» поставили в митрополиты «на Крутицы»⁵³, затем — в Новгород, где владыка и умер «на своем богопорученном престоле» (147).

1 апреля 1625 г., в пятницу на пятой неделе Великого поста, как узнаем из КЗ, в Тобольск приехал следующий сибирский архиепископ Макарий, ранее — игумен костромского Богоявленского монастыря, «а в мире был дворянского роду рекомых Кучиных»; «на гору, в город и в соборную церковь, и во свой святительский дом» (это выражение часто повторяется в записях о приездах владык⁵⁴) Макарий въехал на следующий день — в праздник Похвалы Пресвятой Богородицы, в честь которого на святительском дворе «сенную церковь поставил и иконами и всякими утварми украсил». При этом опять-таки указано «ключевое слово» и сказано о хиротонисании второго тобольского архиепископа 19 декабря 1624 г. «в неделю святых отец» (148). В КЗ говорится и про кончину Макария 24 июля 1635 г. (в пятницу, в 14-м часу дня, в третьей четверти⁵⁵) и его пребывания в Тобольске в течение 10 лет «полчетверта месяца и 9 дней»⁵⁶, а в сане архиепископа — 10 лет 7 месяцев 4 дня, а также погребении преемника Киприана 31 мая 1636 г. в соборной церкви сибирской столицы (151).

Аналогичные сведения мы находим в КЗ и о хоронившем Макария архиепископе Нектарии, поставленном из игуменов

Нилово-Столбенской пустыни Великого Новгорода, «уезду из Осташкова». Хиротонисанный «в неделю» 7 февраля 1636 г., Нектарий приехал в Тобольск уже 1 апреля, а на следующий — «Похвалин» — день, «в субботу акафистову», вступил в свою резиденцию. 4 января 1640 г.⁵⁷ владыка отправился в Москву (куда прибыл 9 февраля, в четверг мясопустной недели) и был отпущен в Нилову пустынь «в келию смирения ради», пробыв в Тобольске 3 года 9 месяцев 7 дней, а с поставления до сложения сана 4 марта 1640 г. — 4 года 1 месяц. Уже в 1666/67 г. государь пригласил Нектария в московский Чудов монастырь, и там «пустынник» умер; его похоронил, причем «в святительском сану», в Нилово-Столбенской обители тверской архиепископ, тело Нектария за Земляной город провожал сам царь «со властью» (152—153).

О четвертом сибирском владыке Герасиме (ранее архимандрите Тихвинского монастыря) в КЗ сообщается, что он был поставлен 31 мая 1640 г., «в неделю», 31 декабря того же года приехал в Тобольск, на другой день «возшел» в «святительский дом», а 13 августа 1648 г. освятил заложенную им же 24 мая 1646 г. в присутствии нового воеводы боярина И.И.Салтыкова соборную и апостольскую церковь Софии «неизреченная Премудрости Слова Божия»⁵⁸. 17 ноября 1645 г., повествуется в КЗ, тобольский архиепископ принимал присягу Алексею Михайловичу в соборной церкви «у Сретения Богородицы Владимирския, под горою» — «стоял у креста, вынесши из алтаря на аналой, ... во всем святительском одеянии, как литургию служить», и весь освященный собор находился «кругом креста — в ризах же»; потом пели молебен о царском многолетнем здравии, владыка «титлу говорил царскаго многолетнаго здравия, и певчие многолетие государю царю пели». Затем у Герасима стол был в Знаменском монастыре, «понеже святитель тут жил с пожарнаго времени (августа 1643 г. — *Я.С.*), а после стола чаша царскаго многолетнаго здравия, и дарил святитель столника и подьячего (князя И.П.Ромодановскаго и С.Д.Корелкина, приехавших из Москвы приводить сибиряков ко кресту новому государю. — *Я.С.*), яко же где по достоянию». Летописцем отмечено, что Герасим умер 16 июля 1650 г., во вторник, «во осмый час дня во изходе», «несъездно» пробыв в Тобольске 9 лет и 6,5 месяцев⁵⁹, а в сане сибирского владыки — 10 лет «пол 2 месяца и 2 дни», погребен был 13 мая

1652 г. (в четверг на четвертой неделе «по пасце») (153—157, ср. 201, 267).

Преемник Герасима Симеон, накануне являвшийся игуменом Пафнутьево-Боровского монастыря, занял «свой святительский престол» 21 декабря 1651 г., на следующий день после приезда в Тобольск⁶⁰. Симеон был поставлен сибирским владыкой 9 марта того же года, в 4-ю неделю Великого поста, на праздник 40 святых мучеников севастиийских, во имя которого воздвиг у себя на сених церковь «против новых хором»⁶¹. Со времени приезда этого архиепископа, продолжает летописец, «в Сибири учало быть единоголосное пение» и начали читать в церквах псалтырь и «иные новоизданные церковные многие чины и поучения», «зря на восток лицом». В КЗ сообщается о трех поездках Симеона в Москву, наиболее подробно — о второй (1660—1662 гг.)⁶², когда владыка отправился «на своих подводах собою о софийских домовых нуждах бить челом», «осеновал в своей отчине, в Усть-Ницынской слободе», а вернулся на государевых подводах, пожалованный «вотчинами и крестьянами отнятыми, хлебом» и прогонными деньгами. По версии официального летописца, будучи в Москве, Симеон через 12 лет 11 месяцев и 7 дней после хиротонисания оставил тобольскую кафедру «смирения ради своего» (157, 158, 160, 161), т.е., выходит, подобно Нектарию.

24 июля 1664 г., «в неделю», как узнаем из КЗ, ростовский митрополит Иона в междупатриаршество возвел настоятеля Хутынского Варлаамиева монастыря Корнилия в сан сибирского архиепископа; ровно через семь месяцев (подробная датировка приводится и по церковному календарю) новый владыка расположился в Софийском доме (162). Обширная статья той же летописи посвящена хиротонисанию Корнилия в митрополиты. Оказывается, 18 января 1668 г. из Москвы в Тобольск к владыке и воеводе П.И.Годунову приезжал посланник «великих государей» (иначе говоря, царя и патриарха) А.В.Богданов с вызовом Корнилия в столицу для поставления митрополитом; ему надлежало предоставить подводы «довольно государские». Выехав 26 января, в неделю мясопустную, архиепископ прибыл в Москву в Великий пост, в Лазареву субботу, и 25 мая того же года, в понедельник, «изволением и призрительным жалованием» Алексея Михайловича (вспомним, что аналогичное выражение есть в статье

о поставлении Киприана), благословением вселенских патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, а также московского «первосвятителя» Иоасафа и всего освященного собора был возведен в сан митрополита в соборной церкви Спаса, «что на царских сенех», заняв четвертую степень среди российских иерархов (при этом перечисляются и другие митрополии, в том числе учрежденные позднее)⁶³; «первопрестолник великий господин» Корнилий вернулся в Тобольск 20 декабря 1668 г., «в неделю» (163). В том же году Корнилий, согласно КЗ, получил грамоту «великих государей» об установлении обычая в Вербное воскресенье «действовать литию над вербою и на ося седать архиерею». В летописи названы и тобольские воеводы, водившие ося под митрополитом в 1668/69—1676/77 гг., вплоть до момента, когда «то действо ... оставлено». После указания на одного из них — боярина И.Б.Репнина (1670/71—1671/72 гг.) — читаем: «А митрополиту на Москве на поставлении дан сакас и белый клобук, и трикирии ко осенению» (162—163). Очевидно, эта запись должна была заключать рассказ о хиротонисании Корнилия в митрополичий сан. 29 февраля 1676 г. владыка принимал присягу на верность Федору Алексеевичу: «святитель, облачаяся в патрахель и во амофор и в митру, молебственное пение служил о царском многолетнем здравии в соборной церкви со всем освященным собором. И по молебстве говорил титулу здравия царскаго архиерей» (168, ср. 160)⁶⁴.

В КЗ сообщается о смерти Корнилия в Знаменском монастыре «в схиме» «против» 24 декабря 1677 г. в 8-м часу ночи (170)⁶⁵.

В одной из статей той же летописи говорится про поставление нового сибирского митрополита Павла (прежде чудовского архимандрита) 21 июля 1678 г.⁶⁶ и его прибытии в Тобольск 25 марта следующего года (171). Под 1680/81 г. рассказано о том, что к владыке был приведен и «головою отдан» второй тобольский воевода М.В.Приклонский, и 6 января отлучен «за презорство и гордость, и за неистовое ево житие, и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи»; «во отлучении под анафемою» от митрополита бывший воевода и уехал в Москву, и хотя позднее принял постриг, умер «во отлучении от архиерея». Как замечает летописец, в 1684/85 г. возвращавшийся из Якутска воевода И.В.Приклонский «в Тобольску по государеве грамоте за архиерейский понос сажен

в тюрьму на тюремном дворе и ко архиерею из приказных полатых посылан был головою». Тогда же «иман был с Тюмени» местный воевода Т.Г.Ртищев и «отсылан головою же ко архиерею», но Павла «умолил, и простил его архиерей, а в тюрьму же не сажан по умолению боярскому (тобольского воеводы князя П.С.Прозоровского. — Я.С.)». По КЗ известно также об отъезде Павла в столицу 1 февраля 1682 г. и его возвращении в Тобольск 2 января следующего года (172—173, 175)⁶⁷. К 27 октября 1685 г. (это был вторник) митрополит освятил соборную церковь «своего строения каменную Успения Пресвятыя Богородицы» и затем в течение трех дней перенес туда из деревянной Сергиевской церкви мощи прежних архиереев Корнилия, Макария и Герасима, положив их на правой стороне, «подле стены, в трех гробницах». Освятив храм, митрополит «скорбел близ четырех недель», получив облегчение, лишь исповедавшись и причастившись. 4 февраля 1686 г. после литургии в соборной церкви Павел, «не входя в полаты», отправился в Москву (распоряжение о такой поездке накануне, в январе, привез ездивший с отписками к «великим государям» и патриарху протопоп большого собора К.Кубасов), в столицу владыка прибыл в марте⁶⁸; Павел вернулся в сибирскую столицу 20 марта 1687 г., в Вербное воскресенье, к обедне, и тогда же «шел со кресты и литургию служил» (176).

В ряде списков Г налицо большая вставка о встрече митрополита в это «цветоносное воскресенье» (223—224. Примеч. 16). В той же редакции СЛС при сокращении многих уже знакомых нам известий о судьбах тобольского Софийского дома имеется немало дополнений. Благодаря ей выясняется, что в силу патриаршей грамоты от 13 декабря 1668 г. архиепископ Симеон очутился «в запрещении», лишившись права служить литургию (204, ср. 270, 326, 349)⁶⁹, в Москве 16 февраля 1664 г. этот владыка «сшел с Вологоцкого подворья безвесно», а через три дня объявился за Яузой в Божедомском монастыре — на своем «обещании», как говорится в других разновидностях свода (206, 271, 327, 350, 373)⁷⁰. В статье о возведении Корнилия в сан митрополита читаем: «и в титле ему прибавлено „кир“». Там же сказано, что сакасы и белые клобуки, помимо сибирского, даны и митрополитам Ростовскому, Рязанскому, Белгородскому, Крутицкому, наконец, девятому по рангу Нижегородскому и Алатырскому, Корнилию

было велено провожать антиохийского патриарха Макария до Казани, а оттуда до Терека — казанскому митрополиту Лаврентию (207). Имеющийся в Г рассказ о страшном пожаре 1677 г. в Тобольске содержит и подробности о судьбе соборного храма (212). По Г известно о постройке Корнилием 12 июля 1674 г. брусной Троицкой церкви на святительском дворе, освященной 10 августа, и перенесении этим митрополитом 19 сентября следующего года (в понедельник) тел архиепископов Макария и Герасима «ис-под соборные церкви» в новую Троицкую, где их «положили» на северной стороне в углу между северными и западными воротами — Макария направо, Герасима налево. По свидетельству летописца, тело Макария до погребения лежало год «у Похвалы», а Герасима — в церкви год и «по 10 месяца». В Г и сказано, сколько времени их мощи хранились в прежних гробницах (209—210). В данной редакции СЛС говорится и о погребении Корнилия (тело которого до этого находилось в церкви Знаменского монастыря) митрополитом Павлом 17 июля 1679 г. В КЗ умалчивается и о том, когда этого владыку после хиротонисания «отпустили» из Москвы в Тобольск (9 февраля 1679 г.). В Г упоминается про рукоположение владыкой Павлом 13 мая того же года в енисейский Спасский монастырь архимандрита Матфея, который тогда и впервые был пожалован белой шапкой (213—215). К 1684/85 г. в Г отнесена закладка каменного Софийского двора⁷¹ и отправка деревянной церкви Святого Сергия в митрополичье село Преображенское (220). Во второй редакции СЛС налицо немало сообщений о строительстве на святительском дворе или по благословению владыки (215, 216, 219, 220, 226—229, см. также 276, 278, 283, 284, 335, 338, 351—353). В Г читаем и о предсмертной болезни (с 26 июня 1691 г.) и кончине в январе следующего года митрополита Павла (230, ср. 285, 339). (Напомним, что КЗ завершена в 1687 г.).

По тематике, особому интересу к хронологии (присущему и «общерусским» статьям⁷²), стилистическому оформлению сообщения КЗ, иногда дополняемые в Г, как нетрудно видеть, очень близки. Думается, они восходят к летописи, которая могла вестись на «святительском» дворе едва ли не со времени архиепископа Макария (сошлемся на известия об адресованной ему патриаршей грамоте 1628 г. и особенно его смерти). Поначалу она,

быть может, фиксировала главным образом факты поставления сибирских владык, их приезда в Тобольск и кончины, а затем — и другие события, связанные с историей архиерейского дома и судьбами местных «напрестольников», в том числе после отъезда их из Сибири (примерами служат известия о Киприане и Нектарии). Эта летопись наряду с «росписью» администраторов Тобольска, а потом воевод, письменных голов и приказных остальных городов и острогов «Закаменской страны» позволила софийским книжникам создать не раз видоизменявшийся СЛС.

Сообщения про сыск о боярине М.М.Годунове «против святительского челобитья против Киприянова» и других сибирских воевод (147, ср. 150, 151, 154, 164), а также Н.Л.Веревкине, который приехал в Тобольск с Нектарием «в приказных людех ... и был у него полтредьяга годы» (151), едва ли стоит относить к владычной летописи. Так, дьяк Н.Л.Веревкин завершил составление описи имущества тобольского архиерейского дома еще 15 февраля 1636 г.⁷³, т.е. за полтора месяца до прибытия Нектария в «начальнейший град» Сибири.

Интересующие нас строки КЗ и смежные с ними погодные записи, скорее всего, были отредактированы одним лицом, судя по употреблению в этих статьях повторяющихся или сходных выражений, например, «последии» (139, 151, 159, 171, 172), «по государственой грамоте» (147, 152, 158, 161, 172, 175, ср. 163), «по (до) зимнему (зимнего) пути», «зимним путем» (160, 165, 168, 174). Кроме того, по церковному календарю в КЗ датируются не только приезды владык в Тобольск или их смерть либо перезахоронение, но и закладка новой «рубленой» крепости в этом городе и пребывание там воевод (154, 168, 171, 174).

Примечания

¹ См.: /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./Предисловие/ Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. — М., 1987. — С. 7.

² Солодкин, Я.Г. Из истории книжной культуры Тобольска конца XVII века (О происхождении одного сообщения Погодинского летописца) / Я.Г.Солодкин // Образование и культура как фактор развития региона: Мат-лы XXIII-х Всерос. Менделеевских чтений. — Тобольск, 2008. — С. 94—95, и др.

³ Поэтому не приходится утверждать, как поступили Е.К.Ромодановская и А.М.Яковлева, что старшая редакция Есиповской летописи легла в основу СЛС (Ромодановская, Е.К. Летописный свод Сибирский / Е.К.Ромодановская // Словарь

книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Вып. 3. Ч. 2. — СПб., 1993. — С. 286; Она же. Тобольские летописцы / Е. Ромодановская // Родина. — 2004. — Спец. вып.: Тобольск — живая былина. — С. 48; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века: Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель (далее — ЛП). — Новосибирск, 2001. — С. 362; Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Колл. моногр. (далее — ИИАСИ). Ч. 3. — Нижневартовск, 2008. — С. 139, и др.).

Примечательно, что, как стало известно в Записном приказе осенью 1659 г., «в приказе Казанском дворца, в Сибирском приказе довелось выписат о прибылых г(о)с(у)д(а)р(ствах) и землях, которые учинились под г(о)с(у)д(а)рскою высокою рукою в понизовых и в сибирских городех, и про всякие воинские посылки великого г(о)с(у)д(а)ря на непослушников и на изменников, и про всякие тогдашние смуты ... с начала ц(а)рства бл(а)женные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича, всеа Русии самодержца» (Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. / С.А.Белокуров. — М., 1903. — С. 78). Это указание, привлечшее внимание Е.В.Чистяковой (Чистякова, Е.В., Богданов, А.П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах / Е.В.Чистякова, А.П.Богданов. — М., 1988. — С. 36—37), весьма точно отражает содержание КЗ, протограф которой, следовательно, мог существовать уже к концу 1650-х гг.

⁴ ПСРЛ. Т. 36. — С. 178. В дальнейшем ссылки на это издание памятников «группы Есиповской летописи» приводятся в тексте статьи.

⁵ Это известие повторено в последующих редакциях СЛС (233. Примеч. 43—44; 252, 312, 365).

⁶ О последнем как одном из основателей Тюмени говорится во всех редакциях СЛС (138, 189, 252, 258, 312, 315, 345, 365, 368).

⁷ Большинство других источников подтверждает это свидетельство. См.: 136, 139, 190, 312, 365, ср. 259, 315, 345; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): XVII век. Кн. 2. — М., 1989. — С. 566; Тобольский архиерейский дом в XVII веке: Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 1994. — С. 156.

⁸ Дворецкая, Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака / Н.А.Дворецкая // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Т. 13. — М.; Л., 1957. — С. 467; Она же. Сибирское летописание второй половины XVII в. (Сибирский летописный свод): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А.Дворецкая. — Л., 1980. — С. 15; Она же. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) / Н.А.Дворецкая. — Новосибирск, 1984. — С. 53, 64, 101. См. также: Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. — Новосибирск, 1982. — С. 88; Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец: история текста / В.Г.Вовина-Лебедева. — СПб., 2004. — С. 243, 248. Примеч. 109. Ср.: С. 129.

В Музейском списке Г (вторая половина XVIII в.) налицо еще ряд заимствований из того же источника, который использован в главах, посвященных кануну зауральской экспедиции и смерти Ермака (183. Примеч. 41, 48, 49; 185. Примеч. 79—79, 87; III, 6; 186. Примеч. 7). Это обстоятельство, между прочим, ставит под сомнение мысль Е.К.Ромодановской, что в Шлецеровском сборнике, где оно следует за летописью, а не предшествует ей, КО было отредактировано

по Распространенной редакции летописи Есипова (далее — РЕЛ) (Ромодановская, Е.К. «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака» / Е.К.Ромодановская // СКЖДР. Вып. 3. Ч. 2. — С. 195; Она же. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век / Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 2002. — С. 241).

⁹ Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./Предисловие/ Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 20; Ромодановская, Е.К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» / Е.К.Ромодановская // СКЖДР. Вып. 3. Ч. 2. — С. 421.

Известие НЛ об участии Ивана Кольца в походе Ермака по Вагаю, «как кажется» В.Г.Вовиной-Лебедевой, — устного происхождения (Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... — С. 248). Скорее всего, к тому же источнику или же запечатленной официальным летописцем конца 1620-х гг. «фольклорной традиции» (Дворецкая, Н.А. Сибирский летописный свод... С. 54), если это не авторский вымысел, восходит оригинальное сообщение Г о том, что Ивану Кольцу и двум его казакам удалось спастись из отряда, «лестию» приглашенного Карачей якобы для обороны татар от Казачьей орды и при неясных обстоятельствах истребленного (189, ср. 184, 188). По всем другим летописям и синодикам, кроме сохранившегося в копии Г.Ф.Миллера (78), отряд, насчитывавший 40 человек, был перебит «нечестивыми» полностью.

¹⁰ Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 247. Примеч. 103. Вопреки мнению В.Г.Вовиной-Лебедевой, в Долговском списке (далее — Д) имеется не включенный в ОЕЛ «отрывок из КО», а фрагмент последнего. См.: Солодкин, Я.Г. «Краткое описание о Сибирстей земли...»: место возникновения и соотношение с Новым летописцем / Я.Г.Солодкин // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. — 2007. — № 1 (27). — С. 77. Примеч. 1.

¹¹ См. также: Бахрушин, С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1 / С.В.Бахрушин. — М., 1955. — С. 21.

¹² В Д КО, который Е.К.Ромодановская приняла за «статью типа» НЛ (Ромодановская, Е.К. О летописной части Окладной книги Сибири 1696—1697 гг. / Е.К.Ромодановская // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. — Новосибирск, 1983. — С. 44; /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 13), сказано «уведаеш».

¹³ Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 247. Версию же РЕЛ о «воровстве» казаков на Волге и Дону исследовательница возводит к НЛ (Там же. — С. 110).

¹⁴ См., напр.: Скрынников, Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р.Г.Скрынников. 2-е изд., испр. и доп. — Новосибирск, 1986. — С. 13; Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 243.

¹⁵ Вывод о существовании такого протографа наиболее убедительно обоснован в первом монографическом исследовании о НЛ (Вовиной-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 247—251, 253, 254). О соотношении КО и НЛ см. также: Вовина, В.Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца / В.Г.Вовина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. — Новосибирск, 1987. — С. 61—63, 69; ИИАСИ. Ч. 3. — С. 4—14.

Примечательно, что Г в 5 из 6 списков сопутствует КО. Помимо этих 5 списков известно еще только 3 рукописи, содержащих КО. См.: Дворецкая, Н.А. Сибирский летописный свод... С. 40, 41, 105; /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 13, 21—23, 29.

¹⁶ См. также: Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 310; Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 107.

¹⁷ Эту статью мы находим и в Миллеровском списке Г (191. Примеч. 21—23).

¹⁸ Таково название НЛ в одном из списков середины XVIII в. См.: Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 135.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 14. — М., 1965. — С. 51.

²⁰ /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 20; Ромодановская, Е.К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» / Е.К.Ромодановская. — С. 421. Ср.: Она же. Тобольские летописцы / Е.Ромодановская. — С. 48. См. также: Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. — С. 89; Дворецкая, Н.А. Сибирский летописный свод... — С. 64—65; Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: Конец XIV—XVIII вв.: Колл. моногр. / Отв. ред. Е.К.Созина. — Екатеринбург, 2006. — С. 105; Соболева, Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации / Л.С.Соболева // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965—2005). Т. 2. — Новосибирск, 2008. — С. 200.

По определению Е.К.Ромодановской, СЛС создан как непосредственное продолжение РЕЛ (Ромодановская, Е.К. Тобольская летопись и Сибирский архив / Е.К.Ромодановская // ТОДРЛ. Т. 57. — СПб., 2006. — С. 313). Точнее, последняя составляет начальную часть возникшего в «царствующем граде» Сибири свода.

²¹ Помимо КО, НЛ и вторичных относительно них (либо протографа этих сочинений) источников, про «воровство» «ратоборного» атамана и его «товарищей» накануне «Сибирского взятия» известно документально, к примеру, по знаменитой «опальной» грамоте царя Ивана.

²² См.: /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 3, 6; ЛП. — С. 361, и др.

²³ Дворецкая, Н.А. Сибирский летописный свод... — С. 71.

²⁴ Отметим, что название 1-й главы Н — «Описание известительное о Сибирстей земли и царстве и стране» вначале почти совпадает с наименованием ОЕЛ по Музейскому списку («Описание известительное о Сибирстей стране») (42. Примеч. 3—4; 234).

²⁵ 8-я глава Н соответствует двум в Г.

²⁶ О первой и второй бранях в Н, в отличие от Г, не сказано, и приведенное название 9-й главы — лишнее свидетельство того, что редактор обращался к ранней разновидности РЕЛ.

Возможно, такая нумерация появилась там под влиянием НЛ, где в названиях глав говорится о первой «посылке» войск из Ярославля к Москве, первом «приходе» Ходкевича к русской столице, первом бое ополченцев с гетманом, или же КИ, в которой сказано о первом и втором взятиях Казани, второй и третьей «посылках» к ней русских войск, первом «хождении» Грозного к столице

«срацынского» ханства. См.: ПСРЛ. Т. 14. — С. 115, 122, 124; ПЛДР: Середина XVI века. — М., 1985. — С. 318, 328, 346, 350, 388. Ср.: С. 382, 424.

²⁷ О «дивней победе» мы читаем и в КИ. См.: ПЛДР: Середина XVII века. — С. 542.

²⁸ 25-й главе в тексте соответствуют в оглавлении 25-я и 26-я (233, 250).

²⁹ В действительности о приступе остяков к Обскому городку сказано в следующей главе.

³⁰ В оглавлении двум последним главам (в тексте 28-й и 29-й) соответствует 29-я — «О кумире остячком (на самом деле о нем речь идет накануне. — Я.С.) и о поставлении внутрь Сибирские земли града Тоболска, начальнойшагом всем сибирским градом, и о создании Божиих церквей» (233, 252—253).

³¹ В тексте С составляет особую, 33-ю главу.

³² Об этом волоке см., напр.: 141, 230, 285, 339, 353, 376; Карелин, В.Г. Пути-дороги Соликамско-Верхогурского тракта / В.Г.Карелин // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г.Верхогурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 1998. — С. 52.

³³ О морской Мангазейской губе помимо Н и ее Томского варианта сказано и в Абрамовском виде ОЕЛ («Летописце тоболском») (91, 303. Ср.: 36, 76). По-видимому, создатель Н располагал списком Г с таким же чтением.

³⁴ В Библиотечном 3-м списке взамен употребляется часто встречающийся (см.: Прохазка, Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей / Е.А.Прохазка // ТОДРЛ. Т. 42. — Л., 1989. — С. 233) оборот «многое множество».

³⁵ Ср.: Сибирские летописи. — С. 20, 67.

³⁶ Указание на этого царевича — явная фантазия редактора.

³⁷ Впрочем, в двух разновидностях РЕЛ расстояние от главной ханской резиденции до Саускана определяется так же, как в Н (310, 363; ср. 95, 125), т.е. редактор мог пользоваться рукописью Г с таким чтением.

³⁸ В некоторых списках Н сообщается про доставленные ермаковцами в «царствующий град» ясную казну, «добрых» соболей и «всяких иных зверей» (245. Примеч. 43—50. Ср. 39, 123, 346).

³⁹ В Уваровском списке Н говорится про пожалованные атаманам и казакам «дорогие сукна и камки, и деньги, и разныя пития, и многие запасы» (245. Примеч. 100 — XIV, 1).

⁴⁰ В ОЕЛ и Г Д. Чулков называется воеводой.

⁴¹ В Титовском и Забелинском видах ОЕЛ сказано «погании показаваху», «показаваху погании», в Погодинском летописце, возникшем в ходе переделки «словес» Есипова, — «погании зверие поиде дерзостно, показовахуся, яко копейны сулицы во [утро]бах» (83, 110, 131).

⁴² Заметим, кстати, что выражение «на мног час», имеющееся в ОЕЛ (57, 61, ср. 170), которое привело Р.Г.Скрынникова к выводу о продолжительной и упорной битве под Абалаком, — всего лишь «этикетный штамп». Его, например, мы встречаем в «Повести о новгородском белом клобуке», КИ и (применительно к ситуации, которая сохранялась не более двух часов) «Повести о честном житии» царя Федора Ивановича. См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т. 2. — СПб.,

1836. — С. 31, 32; ПСРЛ. Т. 8. — СПб., 1859. — С. 63; ПСРЛ. Т. 14. — С. 17, 66; Там же. Т. 34. — М., 1978. — С. 143. Ср.: С. 107; ПЛДР: Середина XVI века. — С. 224, 452; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. — С. 7, 9, 10. Ср.: С. 8; Титова, Л.В. Неизвестная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» / Л.В.Титова // ТОДРЛ. Т. 33. — Л., 1979. — С. 347; ЛП. — С. 90, 94, 100, 135, 138, 162. Ср.: С. 192; Козляков, В. Смута в России: XVII век / В.Козляков. — М., 2007. — С. 510, 511.

⁴³ См.: Ромодановская, Е.К. Избр. труды... С. 277; Она же. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода / Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 1994. — С. 56.

⁴⁴ Ср.: ПСРЛ. Т. 14. — С. 16—18, 34; Там же. Т. 34. — С. 99, 106, 154, 194, 230; ПЛДР: Середина XVI века. — С. 226, 228.

⁴⁵ Ср.: 135.

⁴⁶ Те же сообщения имеются в списке Спасского, близком к Сл.

⁴⁷ Вопреки мнению Н.А.Дворецкой, это известие отнюдь не оригинально. См.: 99, 154, 201, 267, 323, 348, 372.

⁴⁸ Дворецкая, Н.А. Сибирский летописный свод... — С. 57—59, 62.

⁴⁹ В ОЕЛ о хиротонисании Киприана в тобольские архиепископы сказано гораздо лаконичнее (69—70).

⁵⁰ Указанная в КЗ и других редакциях СЛС дата приезда Киприана в Тобольск, вопреки мнению Р.Г.Скрынникова и Е.К.Ромодановской, неверна, документально известно, что это случилось 19 июня 1621 г. См.: Будицкий, П. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан / П.Будицкий. — Харьков, 1891. — С. 15.

⁵¹ Будицкий, П. Открытие Тобольской епархии... С. 57, 58. Ср.: С. 23.

⁵² В Томском виде Н назван другой срок — 2 года 5 месяцев (318).

⁵³ С.А.Белокуров заблуждался, утверждая, что это произошло ровно год спустя (Белокуров, С. Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 году / С.Белокуров // Сб. Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 5. — М., 1893. — С. 28. Примеч. 1).

⁵⁴ Иногда в КЗ говорится, что на гору владыки поднимались из монастыря. Имеется в виду Знаменская обитель (153, 173, 176, 223—224. Примеч. 16).

⁵⁵ Такая точность весьма примечательна.

⁵⁶ В других редакциях СЛС утверждается, что Макарий «пас церковь Божию» в Тобольске 11 лет 3 месяца 24 дня (265, 321, 348).

⁵⁷ В некоторых разновидностях СЛС сказано про 1 и 7 января (266, 322, 348).

⁵⁸ Согласно Н, освящение состоялось в 1648/49 г. (267, 323).

⁵⁹ В Н и Шлецеровской редакциях свода утверждается, что Герасим являлся архиепископом «лет девять» или 9 лет (268, 324, 349).

⁶⁰ За этим сообщением, разрывая повествование, в КЗ под 1651/52 г. помещено известие о посылке в Даурскую землю московского дворянина Д.И.Зиновьева и отъезде в столицу тобольского воеводы стольника В.Б.Шереметева.

⁶¹ В Томском виде Н и Шлецеровской редакции СЛС прибытие Симеона в Тобольск отнесено к 8 декабря и даже 17 апреля (324, 349).

⁶² Однажды эта поездка, вопреки предыдущему сообщению, датируется 1660/61 г. (161). Отметим, что в Н в отличие от КЗ и Г возвращение Симеона из первой поездки в Москву датируется не 24 декабря 1655 г., а следующим днем (158, 204, 270).

⁶³ О возведении Корнилия в митрополичий сан лаконично говорится в окончании Румянцевского летописца по Музейской рукописи (35). Заметим, что усматривать в ней «какой-то из этапов ... сибирской летописной работы во второй половине XVII в.» (Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец... С. 121) вряд ли возможно, судя по составу данного сборника. См.: Лаврентьев, А.В. К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания / А.В.Лаврентьев // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. — М., 1982. — С. 44—46, 51, 54; /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 5.

⁶⁴ В летописи, которая, по мнению Н.А.Дворецкой, «велась при тобольской архиепископии или в Знаменском монастыре» (скорее, думается, в стенах владычного дома), сказано и о закладке Корнилием в 1674 г. каменных палат. См.: Дворецкая, Н.А. Спорный вопрос позднего сибирского летописания / Н.А.Дворецкая // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976. — С. 411. Ср.: Она же. Сибирский летописный свод... — С. 36.

⁶⁵ В.Н.Алексеев, ссылаясь на КЗ, пишет о смерти Корнилия то в 1678, то в 1677 г. (Алексеев, В.Н. Новонайденная икона С.У.Ремезова «София Премудрость Божия» из Тобольского Успенского Софийского собора / В.Н.Алексеев // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. — Тобольск, 2005. — С. 109, 110, 112).

В нескольких редакциях СЛС сказано, что Корнилий был сибирским архиепископом 4 года, а митрополитом — 10 лет (274, 330, 351, 375).

⁶⁶ Согласно Шлецеровской редакции СЛС, это случилось 28 июля (351).

⁶⁷ Если верить Г и Н, Павел вторично приехал в Тобольск 3 января 1683 г. (217, 277, 333).

⁶⁸ В рукописи КЗ оставлены в данном фрагменте текста места для чисел (175. Примеч. б, г).

⁶⁹ Кстати, о причине этого «запрещения» — покровительстве владыки знаменитому протопопу Аввакуму — и о том, что Симеон вскоре после оставления тобольской кафедры возглавил московский Печатный двор (см.: Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 3 / Г.Ф.Миллер. — М., 2005. — С. 471; Буланин, Д.М. Симеон / Д.М.Буланин // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. — СПб., 2004. — С. 553—554), в СЛС не говорится.

⁷⁰ См. также: ЛП. — С. 394—395.

⁷¹ Согласно Н, это произошло год спустя (279).

⁷² См.: Солодкин, Я.Г. Об источниках общерусских известий Книги записной (к истории сибирского летописания XVII в.) / Я.Г.Солодкин // Древнерусское духовное наследие в Сибири... Т. 2. — С. 217—219, 221—223.

⁷³ См.: ЛП. — С. 389, и др. Утверждение, что авторами СЛС были служилые люди, работавшие «на основании актов» (Пузанов, В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.Д.Пузанов. — М., 2010. — С. 19), не вполне точно.

Глава 3

ВТОРИЧНЫЕ РЕДАКЦИИ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

По заключению Е.К.Ромодановской, в конце XVII в., чтобы «придать занимательность и живость повествованию», все «дополнения сочиняются самим автором-редактором: новых источников у него нет, детали домысливаются на основании описываемой ситуации»¹. Примером, по мнению исследовательницы, служит Забелинская редакция произведения Саввы Есипова (далее — З), которая может считаться «беллетристической обработкой» Есиповской летописи (далее — ЕЛ), ее переделкой «ради чисто художественных целей». Редактором «детали домысливаются соответственно „этикету ситуации“», в частности, о казачьем «посольстве» к Ивану IV² и гибели Ермака (в изложении последнего эпизода текстуальных совпадений с Новым летописцем (далее — НЛ) нет, и упоминание о «бродах мелких» навеяно не этим официальным сочинением времени Михаила Федоровича, а скорее всего, определено той же «общей ситуацией» — «если речь идет о разгроме противника на острове, то он доступен лишь при знании брода»). В основе рассказа о пленении Сейдяка, Салтана и Карачи, на взгляд Е.К.Ромодановской, «скорее всего, лежит местное тобольское предание, первоначально переработанное Саввой Есиповым»³.

В «Сказании о Сибирской земле...» (таково название З) читаем, что у берега, где Д.Чулков решил заложить Тобольск, «стоит гора высока зело, девяносто шесть сажен», и «приде воевода на ту гору превеликую, зря же место то зело лесно» (115), т.е. лесисто (ср. 66, 76)⁴. Поэтому Е.К.Ромодановская справедливо посчитала, что интересующая нас разновидность ЕЛ возникла в Тобольске⁵. Редактор порой действительно преследовал художественные цели. Так, если по утверждению «слогателя» ЕЛ, при вступлении в брошенную Кучумом столицу Сибирского ханства атаманы и казаки «радостию радушеся», то спустя несколько десятилетий анонимный книжник заметил, что «бысть у Ермака

с таварыщи радость и веселие» (56, 111). Только в З сообщается, что взять в плен царевича Маметкула Ермак послал воинов «со старейшиною атаманом», а осадив город Сибирь, Карача «со оставшихся татар повеле имать дани великия и оброки», не подчинявшихся ему татар приказал казнить, покорявшимся же «дает по воле своей житии и не велит Ермаку с таварыщи покаряться» (112, 113, ср. 58, 62). Примечательно, что хотя в отличие от НЛ в З умалчивается об острове, где на Ермака напали «кучумляне», там сообщается, про что мы не прочтем в ЕЛ, о броне (бродах мелких). Стало быть, указание на эти броды, вопреки мнению Е.К.Ромодановской, редактор самой популярной из сибирских летописей мог почерпнуть и из НЛ⁶ либо вторичного относительно него СЛС, тем более, что в официальном летописце конца патриаршества Филарета говорится о Ермаке как «старейшине» казаков⁷.

Как сообщается в З, «Камень» разделяет западные страны и восточную, калмыки держат «волшебный еретический закон, а закону их писмены и по их колмыцкой слогу нет»⁸, город Сибирь располагается «на край реки Иртыша». 13-я глава З называется «О царстве (а не «побеге», как в ЕЛ) царя Кучюма». В той же главе сочинения Есипова его рассказ о прибытии Д.Чулкова из Москвы в Сибирь и «поставлении» Тобольска разделен на две главы (34-ю, 35-ю) (52, 65—66, 107, 108, 110, 115). Следовательно, не всегда (таково представление Е.К.Ромодановской) в З «детали осмысливаются соответственно „этикету ситуации“», а ЕЛ подверглась лишь «беллетристической обработке».

В двух списках первой половины XVIII в. сохранился Титовский вид ЕЛ (далее — Т)⁹, представляющий собой, по определению Н.Н.Покровского и Е.К.Ромодановской, «документально-стилистическую обработку» завершеного в 1636 г. сочинения софийского дьяка. Цель редактора, как пишут видные историки сибирской книжной культуры, — «создание текста официального, заключающего последовательно выдержанную христианско-апологетическую оценку присоединения Сибири». Есиповское повествование подверглось «окниженному распространению ... за счет уточнения царских титулов, официальных географических названий». Кроме того, в 1-ю главу внесено добавление из Летописца вкратце о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя,

«старейший» из которых Сим получил «в часть и во жребие» Сибирскую землю, «нарицаемую Азиєю» (80)¹⁰. Кроме того, в перечень сибирских народов сравнительно с ЕЛ включены бухарцы, «Казачья орда», киргизы, вотяки и вогуличи. Редактор также счел нужным указать, что в Ницу впала река Реж¹¹, в Туру — Пышма, в Тобол — Тавда и Исеть (44, 80, ср. 36, 37, 76)¹². Не свидетельствует ли это дополнение о местах, где сложился Т?

Последний, кстати, часто близок к ЕЛ по списку Попова¹³ (42. Примеч. 41; 45. Примеч. IV, 35; 54. Примеч. 34; 60. Примеч. 61—62; 67. Примеч. 93; 71. Примеч. 17—18; 79, 81, 84, 86, 89, 90).

Большей частью, как констатировали публикаторы Т, его создатель ограничился риторическим «распространением» есиповского текста. Приведем несколько примеров:

ЕЛ	Т
Описание известительное о Сибирстей стране, како изволением Божиим взята бысть православными христианы у бесерменских царей ... изволением Божиим ... от волново казаческого ... российскому скифетродержательству (42)	Описание известительное о Сибирстей стране, како изволением Божиим и молитвами пресвятыя Богородицы взято бысть православнороссийскими христианы у бесерменских царей царство Сибирское и со многими к нему принадлежащими ордами и со многоразличными неверными языки во обдержание российскому скипетру, мужеством и храбростию российского воинства, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевичем Повольского и казаков (79)
Главы книзе сей (42)	Главы, написанныя книзи сея о Сибирстей стране и царстве и о протчих иных вещех (79)
Предати православным христианом (48)	предати православнороссийским христианом и благочестием прославити во наследие российскому скифетродержавству (82)
В лето 7089, при державе благочестиво царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца, приидоша сии воины (51)	В лето от сотворения мира 7089-м году, во царство благочестиваго великого государя и великого князя Иоанна Васильевича, всея

...мужески на поганых (казаки. — Я.С.) наступающее (52)	Великия России самодержца, при- идоша сии воины и ратоборцы (83) ратоборство и храбрость показывают, и мужески на нечестивых насту- пают (83)
О убиении казаков от тотар (56)	О убиении казаков от нечестивых бесермен (84)
вместо Бога имеху (65)	вместо Бога чтяху окаянными не- вегласи (88)
Благодарение Богу (69)	О благодарении Богу за ево вели- кую милость и щедроты, и челове- колюбие (89)

Иногда редактор считал нужным пояснить отдельные известия Есипова:

ЕЛ	Т
... како Божиим изволением взята бысть (Сибирь. — Я.С.) от православных христиан [сииречь] от рускаго воинства, в наследие российского скипетродержательств[а], и како победиша царя Кучюма Муртазеева сына (42)	како изволением и милостию Божию взято бысть царство Сибирское и со многими с принадлежащими к нему ордами и со многоразличными неверными языки от православнороссийских христиан, от вольного казаческого войска во обдержательство российскому царствию. Покорено бысть во царство благочестиваго великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея великия Росии самодержца, в лето от сотворения мира 7089-м году, месяца октября в 26 день, на память святого страстотерпца и мученика Христова Димитрия Солунского, и како победиша татар царя Кучюма Муртазеева сына (79; ср. 231, 301, 356).
...и о чудесех Пресвятыя владычеца наша Богородица и Приснодевы Мария, идеже содеяшася во дни и р[о]да наша (42)	...иж содеяшася на Облацех (Обалацех) во дни и рода наша (79, ср. 232, 301).

губу Мангазейскую (45)	Мангазейское море или губу (81)
О бою под Чювашевым у засеки (53)	О бою под Чювашевым у засеки с нечестивыми агаряны (83, ср. 79)
О побеге царя Кучюма (54)	О побежании царя Кучюма и с ним протчих татар и остяков (84, ср. 79)
О пришествии во град атамана Е[рм]ака (55)	О пришествии во град атамана Ермака и о приятии Сибирского царства атамана Ермака (84, ср. 79)
О послании ко царю к Москве со[у]нчом (57)	О послании к великому государю к Москве соунчом, о поведании взятыя царства Сибирского (85)
Назымский городок (60)	Назымский городок остяцкой (86)
на потребу (60)	на потребу человеком употребленная (86; ср. 60. Примеч. 50)
О послании царевича Маметкула к Москве (61)	О послании из Сибири к великому государю к Москве царевича Маметкула, сына Кучюма царя (86)
О пришествии воевод (65)	О пришествии с Москвы воевод в Сибирь (88)
яко начальный град наречется (65)	яко начальный град наречется во всем Сибирском царстве (88)
О взятии ... Карачи, и о убиении прочих	О взятии ... татарина Карачи, и о убиении прочих татар (88; ср. 85, 86)
и никто же остася во граде (67)	и никто же остался во граде, ни един человек или душа жива. Имение же свое оставиша все ту во граде, с собою ж не унесоша ничто же (89)
Синодик казаком (70)	Синодик атаману Ермаку и казаком, которые побиты на боях от нечестивых агарян (90)

Итак, при создании почти не содержащего, сравнительно с ЕЛ, дополнительных сведений о «Сибирском взятии» Т, где описываемые события представлены в официальном ключе, преследовались главным образом литературные цели.

В Абрамовском виде ЕЛ (далее — А) («Летописце тоболском»), который Е.И.Дергачева-Скоп датировала приблизительно серединой XVII в., издатели усматривают «некоторую стилистическую правку» и отдельные добавления (в описании обычаев коренных жителей Сибири и побега Кучума из своей столицы)¹⁴. На наш взгляд, изменения, внесенные в есиповский текст анонимным редактором, более значительны.

В перечень животных, обитающих в «Сибирской стране», в А по сравнению с ЕЛ включены дикие козы и свиньи, волки, рыси, горностаи, выдры (91. Ср. 44. Примеч. 53—54, 59). Во второй из этих летописей нет и следующих строк: «И начаша при нем (Таузаке. — Я.С.) стреляти из ружья и потом отпустиша его к царю Кучуму, да скажет про их пришествие царю своему. Татарин же той, пришед, сказа царю русских пришествие и се сказа, яко егда они стреляют из луков своих, ис коча дым и огонь исходит и голкнет громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы навyleт» (92; ср. 52)¹⁵. (Аналогичный рассказ мы находим в Румянцевском летописце (далее — РЛ): «И начаша при нем стреляти из оружия, и отпустиша его к царю Кучуму, да скажет про их пришествие. Той же татарин, пришед, сказа царю русских вой (росиских воинств) пришествие и се сказа, яко егда они стреляют из луков своих, ино ис конца дым и огонь исходит и голкнет громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы навyleт» (32, 38). Очевидно, в процитированной фразе А речь должна идти о конце, а не коче. Сходный с ней рассказ есть и в Строгановской летописи (далее — СЛ): Кучуму, помимо сказанного Таузаком, «поведоша ему еще: таков ибо суть рустии воини силнии: егда стреляют из луков своих, тогда огонь пашет, и дым велик исходит и громко голкнет, аки гром на небеси, а стрел исходящих от них не видати, уязвляють ранами и смертно побивають ... куяки и бахтерцы и пансыри и колчюги наши не держат, все пробивають на вылет»¹⁶. С этим свидетельством, кстати, перекликается сообщение Лихачевской редакции ЕЛ (далее — Л): как известил Кучума пельымский князь, когда казаки «стреляху из луков своих, тогда огонь пашет от рук их и дым велик исходит, и гром волкует, а стрел не видеть» (120)). Как упоминается в А, казаки после «взятия» Карачина улуса «сташа у Княжей речки» (92, ср. 52)¹⁷. В покинутую Кучумом его главную резиденцию атаманы и казаки вступили, оказывается,

«на память святого мученика Дмитрия Мироточца», да и победили «нечестивых» «помощию всеилнаго (Бога. — Я.С.) и угодником его страсотерпцем Дмитрием» (93, ср. 56). Редактор заметил, что Ермак, разбив «царя» Маметкула на Абалаке, «в целости с казаки своими ничем не вредимы возвратишася во град Сибирь», а Кучум, узнав о походе против него Сейдяка, «от убиения скрысяся» (93, 94, ср. 56—57, 59). Согласно А, во время голодной зимы, когда не стало князя С.Болховского, помимо русских умерли многие иноземцы (94, ср. 60). Там же читаем, что Саукан находился не в 3 поприщах, а примерно в 7 верстах от города Сибири, а ермаковцы напали на осадивших его «поганых» не в июне, а в следующем месяце. В ЕЛ также не сказано, что «живящее казаки во граде Сибири, славящее Бога и его угодника Дмитриа» (95, ср. 62). В А и утверждается, что воевода И.Мансуров был послан «во град Сибирь» царем Федором Ивановичем и достиг Иртыша по Тоболу, В.Сукин и И.Мясной прибыли за «Камень» «черз Верхотурский волок»¹⁸, «а сколко человек (насчитывал их отряд. — Я.С.) того не имяновано» (96, ср. 65). (Эта ремарка наводит на мысль, что А вышел из среды служилого люда). Оригинальные подробности находим в колоритном повествовании о пленении в Тобольске Сейдяка, Салтана и Карачи: они «придоша ... к воеводе в горницу и поздравляя, и сяде за стол по обычаю ... Воевода же Данило Чулков взем чашу, налив пития». Тут же редактор добавил: «Бо[г] сугубо видявше и обличающее их неправду». В А приводится и фантастическая версия о пленении русскими служилыми людьми самого сибирского хана, который, однако, «небрежением стражей своих от цариц ... убежа не со многими людьми» (97, ср. 68—69). Кроме того, если верить А, после боя «у засеки» «под Чювашевым» русские «отидоша оттуду»¹⁹ в свой городок» (о чем узнаем из РЛ (33, 39))²⁰. В отличие от «тетрадей» Есипова в А, как и в РЛ вида А, говорится об абызах, а не муллах (33, 54, 93)²¹. В ЕЛ умалчивается о «вопле великом» Кучума, узнавшего про оставление его Карачей (94, ср. 59—60). Последний, по свидетельству редактора, обосновался в верховьях Иртыша и Оби²², тогда как Есипов указал, что бывший ханский «думчей» расположился в верховьях Иртыша, между Тарой и Омью (60, 94). Далее владычный дьяк говорит о «присылке» В.Сукина и И.Мясного «ставить» Тюмень, а не Тобольск. Как сообщается в А,

Д.Чулков отправил знатных пленников в Москву не со «многими», а «выборными», воинскими людьми, Кучум «повоевал» татарские волости (а не «веси»), вдогонку за ним русские двинулись, «не мешкая» (в ЕЛ этого известия нет) (65, 68, 96, 97; ср. 68. Примеч. 97). Излагая содержание «отписки» Ермака и его «товарства» царю Ивану, редактор внес дополнения о «неподвижном» «стоянии» сибирских «иноземцев», «пребогатой и великой милости» «в жителстве христианом», а также награждении атаманов и казаков «добрыми» сукнами (94, ср. 58). Редактора ЕЛ не устроила лапидарная фраза о «шерти» «по своей» вере, которую принесли в казачьем стане посланцы Карачи. По версии анонимного книжника, Ермак «велел тем посланцом на правде шерть давать, что никакова зла и дурна на государских казаков не мыслить» (61, 95). В сопоставляемых летописях утверждается, что в ночь, когда погиб «ратоборный» атаман, был то «дождь велий», то «ветр велик». По сообщению редактора, повторяющему показание СЛ²³, это произошло «на предпразднество Владычня Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (63, 95, 96). В главе о захвате в плен Сейдяка, Салтана и Карачи сказано, что Д.Чулков то «помахав рукою», то «помахав из руки своей платком» (67, 97). Вместе с тем были опущены указания Есипова, что Д.Чулкова послали в Сибирь в царствование Федора Ивановича, а Тобольск заложили в 15 верстах от прежней ханской столицы (65, 96).

При редактировании ЕЛ безвестный книжник, что осталось неотмеченным, допустил немало ошибок. В главе «О приступе казаков на бой» (она в ЕЛ называется иначе — «О бою под Чювашевым у засеки») читаем: «И собрашась от поганых казаки у Строинного града блис Комаздры реки». (По словам Есипова, «блата собрашася от истекших кровей тогда, яко ж древле от телес у Тройньского града близ Командры реки» (54, 92)²⁴. Название главы ЕЛ «О послании ко царю к Москве со[у]нчом» трансформировалось в А в следующее: «О послании к великому государю царю к Москве соунчаком царевичем»; о «соунчаке» речь идет и следом (57, 94). «Слогатель» ЕЛ констатирует, что из похода по Иртышу и Оби Ермак вернулся в город Сибирь «с радостию великою и корыстию», а согласно А, «с радостию и скоростию и князей приведоша» (Есипов пишет об одном назымском князе) (60, 94). Под заголовком «О приходе думного Карачи во град

Сибирь» в А повествуется о том, что в 7092 (1584) г., «заговев великого поста, приде на град Сибирь из степи думной Карача со многими воинскими людми и обыдоша град обозами, и татар поставиша». Вот соответствующий рассказ из ЕЛ: «О пришествии тотарина Карачи и прочих тотар под город Сибирь. Того ж лета во время великого поста прииде Карача со многими воинскими людми и облегоша град Сибирь обозами, и таборы поставиша». Осада, по замечанию Есипова, продолжалась «до пролетия», а как говорится в А, до пролития крови (62, 95). В оказавшемся для него последним походе навстречу бухарцам — торговым людям («торговым бухарцам», как выразился редактор) Ермак достиг «Абалацкого стану», а не Атбаша, о чем писал софийский дьяк (63, 95). Он указал, что уцелевшие ермаковцы бежали на Русь из города Сибири вниз по Иртышу и Оби через «Камень». В А же сказано, что сподвижники прославленного атамана преодолели Уральские горы по Оби (63—64, 96). Из ЕЛ узнаем, что посланцы Д.Чулкова «возвестиша» Сейдяку приказанное им воеводой. Редактор же уверяет, что «посланники (Д.Чулкова. — Я.С.) ж пришедшее во град, возвестиша сия воеводе, что было повеленное им изрещи» (67, 97). Свою «гисторию» Есипов однажды назвал летописью «о взятии Сибири и победе сицеве». В глазах же редактора это сочинение — «о взятии Сибирского града Тоболска и о победе царя Кучюма и о воинстве его» (69, 97). Если «архиепископлъ» дьяк утверждал, что «начаша («поганые». — Я.С.) стреляти из-за горы на струги их (русских. — Я.С.), то в представлении создателя А стали «з гор стреляти на казаков из города на струги их» (52, 92).

Текст ЕЛ подвергся в А и стилистической правке, порой весьма существенной:

ЕЛ	А
яко же есть достойна утвержения (52)	яко достойной осаде крепко быти повеле (92)
денгами и кормом, и выходными сукнами (61)	выход, денгами и сукнами, и кормом (95, ср. 34, 40, 184, 248, 310, 363)
Сии же злоратные мужие ... яко копейные сулица имеяше во утробах ... одеяни же железом и копиеносцы (53) ²⁵	Они же зело разни ... яко копие имеющее во устех своих ... Одеание у них железное ... и копейщики (92)

идушим к рыбной ловле (56)	к промыслу рыбной ловли (93)
товарства своего юных и искусных ратному делу (58)	от войска своего ради ратства сво- его младых и искусных людей рат- ному делу вооруженных (94)
по волостем и по улусам (62)	во области по волостям и по го- родкам (95)
Прочии же тотаровя разбегошася вр[о]знь. Карача же и с ним не- мнози за езеро убегоша (62)	И вси погани в бегство вдашася безвратно. Думной же Карача и с ним мнози погани убегоша (95)
Царь же узрев сих (63)	Кучном подсмотря (95)
христиан взятии и смерти преда- ти... таково древо разби. И от того часа возвратишася восвояси (65)	взяти православных христиан в порабощения, а иных смерти предати ... таково древо разби и кумира победы нашего. И от того часа вси отыдоша от городка кож- до во своя улусы срамом (96)
ту победа и одоление на окаянных бусурмен бысть (66)	бысть победа на поганых бусурман в том граде (Тобольске. — Я. С.) (96)
совет потребова ... уже бо ястию готову сущу ... выписта чашу сию за здравие ... Богу бо обличающ[у] их (67)	совет сотвориша ... и учиниша про них (Сейдяка, Салтана и Кара- чу. — Я. С.) воевода ястие ... вы- пей сию заздравную чашу ... Бо[г] сугубо видявше и обличающе их неправду (97)
месть воздати (68)	месть отпратить (97)
поведано же бысть (68)	И познавше (97)
И ту [сконча] живот свой (69)	И тако скончася житие его (97)

Кроме того, в А, где нет оглавления и нумерации глав, отдельные из них объединяют сразу несколько выделенных Есиповым, а из-за дефекта протографа и невнимательности «писателя» имеются пропуски (59—60, 63—65, 68—69, 91, 94, 96)²⁶.

Стало быть, правка ЕЛ на сей раз вызывалась разнообразными мотивами. Помимо стилистической «обработки» текста редактор нередко старался его дополнить (хотя иногда сокращал), почти не привлекая, однако, новых источников (исключением может считаться РЛ, скорее всего, вида А) и во многих случаях неверно

понимая содержание оказавшихся в его распоряжении произведений, что наводит на мысль о возникновении А позднее, нежели это представляется Е.И.Дергачевой-Скоп.

В датируемой второй половиной XVII в. Л («Слове о Сибирской стране») выявлены «казачья струя», вставки из СЛ и дополнения по неизвестным источникам; отмечено, что «устная передача фактов» редактором ЕЛ «послужила причиной их фольклорной трансформации»²⁷. Так, по его версии, когда летом 1580 г. царь Иван Васильевич послал в Астрахань «денежную казну», порох и свинец, «против реки Самары» расположившиеся «в стругах ясаульных» (ср. 125) «со огненным боем» яицкие и волжские казаки²⁸ «государеву казну всю погромили» и захватили, перебив воеводу Г.Засекина и его отряд, и поплыли вверх по Волге, на Каму. Узнав о намерении царя отправить против них рать, казаки, «уведав свою вину», захотели «свое злое дело добрым покрыти», и, взяв у Никиты Строганова «много всяких запасов», в том числе «снаряду», во главе с Ермаком Тимофеевичем решили двинуться в Сибирь (120)²⁹. Оригинально и сообщение о том, что атаманы и казаки, к которым присоединились многие «пермичи», на Тагильском волоке строили суда, а когда по Тагилу ермаковцы пришли в Пельимскую землю, князь которой «нача казаков переимати на приметных местех», казаки разгромили пельимцев и вогулов, захватили у них много «казны»; пельимский князь сообщил Кучуму, что появились казаки, а «их оружие не по нашему». В той же главе Л повествуется о том, что казаки на заставах «побили» многих татар, «огненным ружьем ис турок одолеша», к Кучуму присоединились пельимцы³⁰, татары пустили тучи стрел, «яко дождю подобно, бес перемолку, дабы казаков не пустити на свою землю» (120, 121). В 7-й главе ЕЛ не говорится о «правде своей» и что «Божиею помощию силны и крепки и храбры бывают», в Сибири атаманы и казаки проявили себя «ни от кого же» «запрещаемыми», а апостолы «повсюду проиодша и учиша», кроме этой страны (120, ср. 51). Кучуму в Л приписано следующее изречение: «Кого Бог не помилует, тому человеку и честь на бесчестие приходит» (124, ср. 59—60). В представлении редактора, решив отпустить Ивана Кольца и его «казаков добрых, удалых молотцов» к Караче, Ермак со своими сподвижниками «не благ совет сотвориша и не помянуша реченного:

„Не всякому духу веруйте, но искушайте, аще от Бога есть или от диявола“³¹. Они же сотвориша лукавая и злая» (124, ср. 61).

Глава о вере Кучума в Л заканчивается следующим образом: «А что в древнее время бываху меж собою убойства и рати — не-исчетны силы их; и о том пишет в татарских летописцах, а нам неведомо о сем». Подобная ссылка, опять-таки отсутствующая в ЕЛ, есть и в главе «О пришествии ... из Бухар» Сейдяка и уходе от хана Карачи: «А как бой был у Кучюма с Сейдяком, и о том пишет в татарских летописцах» (50, 60, 119, 124, ср. 42).

В «Сказании» Есипова сравнительно с Л не говорится и о том, что Чингис дал в жены покорившему земли по Иртышу и Оби Тайбуге³² свою дочь и с радостью отпустил ее с мужем, который на Туре «созда себе град зело предивен, и нарече его Чингис» (потом здесь русские выстроили Тюмень). Чингис умер, имея только одну дочь, и все свое «имение» завещал ей и зятю; «и отголе на реке Имтише царство пременилося»³³. Л содержит оригинальные известия и о некоторых других сибирских властителях. Так, князь Ходжа был убит в походе на бухарского царя Амара, Упак «лестию» расправился со своим зятем Мааром, Мамет основал город Сибирь в месте Ябалак, на реке Сибирь — восточном притоке Иртыша, Казыя — преемника умершего бездетным Агиша — «убили свои ближнии люди; и Казыевы дети восстали с родичи своими и убойцов отца своего убили, и улусы ево разорили»; Едигер и Бекбулат долго царствовали; последнего из них Кучум убил, а «князя Етегера жива взял» (118, 119, ср. 47, 48, 122) (но не изгнал, как утверждает Р.Г.Скрынников³⁴). Эти свидетельства, разумеется, затруднительно возвести к фольклору казаков, в частности, уральских.

Если верить Л, в первых боях, хотя «поганых» «таково бо ... собрание велико бысть, им же несть числа», «от Ермаковых дружин ни един не убит, малых казаков уязвиша». В Л передается речь Ермака накануне решающей битвы с «кучумлянами», сходная с известной по СЛ³⁵. В ходе этой «зело великой» «брани» казаки стреляли по «нечестивым» «из турок и ис карабинов»³⁶, а «поганые» в трех местах разобрали засеку³⁷ и с «мечами двинулись на казаков», но те «далече» отбросили наступавших и «знамяне свои поставиша» (122, ср. 54). Значительной правке редактор подверг и обращение Кучума к своему окружению после

сражения «под Чювашею». Например, в уста хана вложено следующее признание: «Аз же с радостию чюжая взимах и победих во граде Сибири всех князей ... ускорих многую корысть себе прияти» (122, ср. 54—55). Редактор ЕЛ заметил, что богатства, «взятые» в Сибири казаками, они «по себе разделиша, коиждо свои паи», а остяки во главе с князем Бояром принесли в дар Ермаку и его «дружине» «добрых» соболей, бурых лисиц, черных куниц, бобров «пореш[ы]» черных (122, ср. 56, 128). Не без влияния СЛ анонимный «слогатель» «исправил» и есиповский рассказ о гибели станицы Богдана Брызги на Абалаке и последовавшем бое: казаки «поставиша тут стан ватагу на рыбную ловлю, ...на долгий час билися до самые ночи» (123, ср. 56—57). Не имеют аналогий в летописи Есипова известия Л, что во время пленения ермаковцами Маметкула Кучум «стоял на реке на Наише» (что поблизости от «града» Сибири), впадающей в Иртыш, казаки и их «наставник» встретили С.Болховского и И.Глухова «зело честно и радостни быша им», а в марте того же «лета», когда Карача истребил отряд Ивана Кольца, в великий пост, был убит атаман Яков Михайлов (123, 124)³⁸. В Л дополнен и рассказ Есипова о сибирских деревьях, животных, рыбах, а в перечень местных народов включены «пегая скифь и от орды гордые» (117, 118, ср. 44, 79). Сеунчики Ермака, о чем в ЕЛ не сказано, как узнаем в Л, явились в Москву «с ясаком и з дары» (123, ср. 57). В Л стилистически «распространено» описание осады Карачей города Сибири, говорится о гибели казачьего предводителя не в 7092 г., а семь лет спустя, и оставлении следом бывшей ханской резиденции атаманом Матвеем Мещеряком (125, ср. 62—64).

Редактор дополнил ЕЛ и сообщением о том, что «силный» князь Сейдяк, занявший город Сибирь, там «пребываше в радости», с которой узнал и о смерти Ермака, «боязнь велию имяеху от него», Мансуров прибыл за «Камень» «после Семенова дни» и «кумира» остяков «всего сокруши», отчего «к горотку (они. — Я.С.) не стали приходить» (125, 126, ср. 64, 65). Первой тюменской церковью (о чем Есипов опять-таки умалчивает) в Л названа Преображенская (а не Троицкая, как в Погодинском летописце (далее — ПЛ), и не Спасская, вопреки С.У.Ремезову) (65, 126, 136)³⁹. Редактору показалось нужным отметить, что Тобольск «славный ... поставлен над рекою Иртышем, на устье реки Тоболы»,

Сейдяк, Салтан и Карача «на дворе же (воеводском. — Я.С.) поминани быша и связаны руце и нозе», этих пленных послали в Москву «за крепким караулом», при поставлении в Тобольск архиепископа Киприана там (что явно ошибочно) возвели и «первый град» (126, 127, ср. 66—68, 70). Воспроизводя текст синодика «ермаковым казакам», редактор указал, что «кучумляне» в устье Вагая на них напали «на сонных» (128, ср. 72).

При сравнении ЕЛ и Л бросается в глаза и стилистическая правка:

ЕЛ	Л
по неколицех летех (46)	по неколицем же времени (118)
никому же вниде, ни писания обретох» (47)	ни в память никому, и писания не обретох (119)
неисправление во царех и нестроение в воинстве его и чад ненаследие (49)	во царех нестроение, и в воинстве, ... их, ... и чадом их несть наследия (119)
место святы[н]и ... водворение сирином (50)	место, где быти святыне ... водворение птицам сирином (120)
оружия и щиты возлюбиха (50)	ратоборное дело возлюбиха (120)
посла некоторых товариства своего юных и искусных ратному делу (58)	посла дружин своих, добрых молотцов, искусных к ратному делу (123)
поведает же ему царское великое жалованье (59)	поведает ему царское жалованье к себе и ко всем казаком (123)
денгами и кормом, и выходными сукнами (61)	денгами и сукнами (124)
одеян [бе] железом ... Божиим бо судом прииде на воинов смерть (63)	обременен тяготою железною, и утопе Божиим судом (125)
уже бо ястию готову сущу (67)	уже бо и ястие припасено (126)
поперхну в гортани его, Богу бо обличающ[у] их (67)	поперхнуло в горле, обличающе их совесть (127)
веси агарянския поплени (68)	веси поплени и разори агарянския (127)
Ермаковских казаков, ... на драке ... написание ... и какова у них именем убили ... убитых имена написати ... в соборной синодик (70)	Ермаковых дружин ... убили на бою ... роспись, ... и где у них ково убили, всем казаком мертвым имена ... в синодик построить (127)

избра Бог и посла не от славных муж... место святыни и победити бусорманьского царя Кучюма ... капища ... вогнеждение зверем ... Ермака Тимофеева сына Паволскаго и со единомысленною и предоброю дружиною рабравашею ... храбрость свою пред нечестивыми (70—71)

противнии собирашя ... И на-сеяшя множество их, яко трава селни ... [и] бияше православное воинство ... яко ж класы. На том месте убиенным (71)

по совету своего товариства пове-риша их нечестивому и безверно-му [шертованию] (71)

Имена их в синодики написаны, где которые убиенны (72)

Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде в лета 7145-го (72)

избра Бог не от славных мужей и посла их ... место святыни своея и победити агарян и бусурман и их царя Кучюма, и разорить их нечес-тивные капища и костелы⁴⁰, но и еще быша оселение зверем вся-ким ... Ермака и с предоброю дружиною, храбрыми людьми ... храбрость и силу, и бодрость (128)

агаряне собирашя ... И снидоша-ся множество их ... и пожиная православное воинство и Божию помощь, яко класы пожиная. И убиенным (128)

по совету товарищей своих пове-риша их нечестивому шертованию (128)

А имена их написаны в сенаник, и где кто убиении быша (128)

Всесибирское царство и княжения, и о взятии Тобольска града, в лето 7145-го году (128).

Итак, создатели поздних редакций ЕЛ преследовали главным образом художественные цели, а дополнения, которые вносили (больше всего их попадает в А и Л), находят параллели в СЛ, РЛ или НЛ, а также отражают слухи и предания.

Примечания

¹ Ромодановская, Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода / Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 1994. — С. 55.

² Соответствующие главы есиповской «гистории» и 3 названы так: «О послании ко царю к Москве со[у]нчом», «О послании ко государю к Москве с отписками от атамана Ермака и иных атаманов и казаков» (57, 111).

³ Ромодановская, Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век / Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 2002. — С. 275—282; Она же. Русская литература... С. 56—57; /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. — М., 1987. — С. 17—18.

Далее ссылки на это издание памятников «группы» ЕЛ приводятся в тексте главы с указанием страниц.

⁴ В Погодинском летописце (далее — ПЛ) сказано, что Тобольск основан «на велице горе..., а под горою по реке Иртишу луги великие» (136); в других сибирских летописях сообщается о возведении будущего «царствующего града» «на горе» (139, 190, 259, 315, 345, 368; Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР): Кн. 2. — М., 1989. — С. 566).

⁵ Ромодановская, Е.К. Избр. труды... С. 281.

⁶ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 2. — Нижневартовск, 2007. — С. 8.

⁷ См.: ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. — С. 33. Заметим, что согласно З, до поставления в тобольские архиепископы Киприан был в Новгороде на Хутины «у всемиростиваго Спаса в монастыре архимандрит» (116). Этот монастырь называется Спасским и в Сибирском летописном своде, но не у Есипова (70, 146, 194, 256, 262, 347, 367, 370). Возможно, создателю З была известна какая-то разновидность обширного летописного свода, который велся в Тобольске на протяжении как минимум полувека.

⁸ Ср.: Вовина-Лебедева, В.Г. Новый летописец: история текста / В.Г.Вовина-Лебедева. — СПб., 2004. — С. 249, 250.

⁹ Об этих списках, дошедших до нас в сборниках аналогичного состава, см.: Дворецкая, Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака / Н.А.Дворецкая // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. — М.; Л., 1957. — С. 469; /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 17, 26.

¹⁰ /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 16.

¹¹ Точнее, ее называли Режей. См.: Миллер, Г.Ф. История Сибири. Т. 3 / Г.Ф.Миллер. — М., 2005. — С. 100, 310, 435—437.

¹² По словам Есипова, «[совокупишася] три реки (Тура, Тагил, Ница. — Я.С.) во един сонм»; редактор пишет о слиянии четырех рек, но называет Туру, Тагил, Ницу, Пышму, а также впадающую в Ницу реку Реж.

¹³ Об этом списке середины XVII в. см.: /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 8.

¹⁴ /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 17. См. также: Дворецкая, Н.А. Археографический обзор... С. 482.

¹⁵ Бахтерец — это кольчатый доспех, а куяк — доспех из ткани либо кожи с нашитыми металлическими пластинками. См.: Богоявленский, С.К. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. / С.К.Богоявленский // Ист. записки. Кн. 4. — М., 1938. — С. 265—266; Денисова, М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. / М.М.Денисова // Военно-исторический сборник. — М., 1948. — С. 34, 36 (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 20).

Процитированный рассказ кажется сомнительным, ибо еще в 1577 г. Кучум просил крымского хана помочь ему пушками (Назаров, В.Д. Зауральская эпопея XVI века / В.Д.Назаров // Вопросы истории. — 1969. — № 12. — С. 109, 111. Примеч. 19).

¹⁶ Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 16—17, 65. Ср.: С. 99.

¹⁷ Об этой речке см., напр.: Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. — Тюмень, 2001. — С. 26, 27; Курдюмка, Пилиграмка, Княжева... Сибирская столица 1741 года в описании академика Г.Ф.Миллера // Родина. — 2004. — Спец. вып.: Тобольск — живая былина. — С. 18.

¹⁸ Точнее, отряд, основавший Тюмень, попал в Сибирь через Тагильский волок. См.: Шашков, А.Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов на восточных склонах Урала /А.Т.Шашков // Уральский сборник: История: Религия: Культура. — Екатеринбург, 1997. — С. 176. Оригинально известие А о сожжении Мансуровым заложённого им острога и возвращении этого воеводы «через Камень круги» в стругах по полой воде (96). В действительности Мансуровский городок был «сломан» в 1594 г., накануне основания Сургута.

¹⁹ Так сказано в ЕЛ (55).

²⁰ По свидетельству С.У.Ремезова, тогда ермаковцы отошли за реку (ПЛДР. Кн. 2. — С. 559).

²¹ В соответствующих фрагментах РЛ вида Б идет речь о «босурманах», а в Ремезовской «Истории» — агунах и абызах (39; ПЛДР. Кн. 2. — С. 558).

²² Об этом читаем и в РЛ (33, ср. 39).

²³ См.: Сибирские летописи. — С. 37.

²⁴ Это сравнение восходит к Хронографу Русскому. См.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века: Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель (далее — ЛП). — Новосибирск, 2001. — С. 366, и др.

²⁵ Эта фраза заимствована из Хронографа Русского. См.: ЛП. — С. 366, и др.

²⁶ К примеру, в ЕЛ сказано «ныне благочестием отпаде». Отпаде бесовская служба», в А — «ныне же благочестием отпаде» (51, 91).

²⁷ Дворецкая, Н.А. Археографический обзор... С. 482; /Покровский, Н.Н., Ромодановская, Е.К./ Предисловие / Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. — С. 18—19. См. также: Ромодановская, Е.К. Строгановы и Ермак / Е.К.Ромодановская // История СССР. — 1976. — № 3. — С. 139, 141; Шашков, А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581—1582 гг. /А.Т.Шашков // Изв. УрГУ. — 1997. — № 7. — С. 46, 49. Примеч. 67 (Гуманитарные науки. — Вып. 1); Он же. Начало присоединения Сибири /А.Т.Шашков // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. — Екатеринбург, 2001. — С. 49. Примеч. 91. Утверждение Н.Н.Покровского и Е.К.Ромодановской, будто в 1589/90 г. Ермак находился в Сибири, — явная ошибка.

²⁸ С точки зрения Е.К.Ромодановской, лишь по Л известно о том, что накануне сибирского похода отряд Ермака находился в Самарской луке (Ромодановская, Е.К. Строгановы и Ермак / Е.К.Ромодановская. — С. 142; ЛП. — С. 357). Впрочем, в Пинежском летописце середины XVII в. сказано, что у реки Самары Ермак и его соратники «погромили» посла и разграбили казну. См.: Копанев, А.И. Пинежский летописец XVII в. /А.И.Копанев // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. — Л., 1972. — С. 79.

²⁹ Сходные известия есть в Ремезовской летописи (ПЛДР. Кн. 2. — С. 550—551, 575).

³⁰ Это указание наряду с упоминанием «пелынцов» среди покоренных ермаковцами «языков» (123, ср. 57) и уже приведенными несколькими известиями Л

о Пелымской земле позволяет думать, что там и могла сложиться эта редакция ЕЛ.

³¹ Эти строки восходят к СЛ. См.: Сибирские летописи. — С. 34, 79.

³² Последний в Л (как и в ЕЛ) трижды именуется сыном Она, но вначале ошибочно представлен Моамеоном, скорее всего потому, что был «Моаметова закона» (46, 118).

³³ Предполагается, что Имгыш — это река Имгит (118. Примеч. б). Скорее, однако, имеется в виду Иртыш, земли по берегам которого удалось подчинить Тайбуге.

³⁴ См.: Лихачев, Д.С., Вагнер, Г.К., Вздорнов, Г.И., Скрынников, Р.Г. Великая Русь: История и художественная культура: X—XVII века / Д.С.Лихачев, Г.К.Вагнер, Г.И.Вздорнов, Р.Г.Скрынников. — М., 1994. — С. 385. Есипов же упомянул об убийстве Кучумом Едигера и Бекбулата (48, ср. 55).

Недавно было указано, что в Л захват Кучумом города Сибири «описан отлично от иных редакций» ЕЛ (Маслюженко, Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. — Курган, 2008. — С. 125; Он же. Условия и особенности реставрации власти Шибанидов в Сибири в 1560-е гг. / Д.Н.Маслюженко // «Сулеймановские чтения»: Мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. по теме «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке». — Тобольск, 2008. — С. 230; Маслюженко, Д.Н., Рябинина, Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века / Д.Н.Маслюженко, Е.А.Рябинина // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. — Казань, 2009. — С. 100). Хотя «все источники схожи в описании последующих (за Тайбугой. — Я.С.) правителей» (Парунин, А.В. Княжеская династия Тайбугидов. Обзор источников и историографии / А.В.Парунин // Зырянские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «V Зырянские чтения». — Курган, 2007. — С. 96), сведения Л представляются заслуживающими внимания.

³⁵ См.: Сибирские летописи. — С. 22—23, 69.

³⁶ Карабины были известны в России по меньшей мере с 1640-х гг. См.: Богоявленский, С.К. Вооружение русских войск... С. 260, 261, 264, 268, 274, 275, 278, 279, 282, 283; Денисова, М.М. Поместная конница... С. 43.

³⁷ Об этом известно по СЛ (Сибирские летописи. — С. 24, 69).

³⁸ Кроме того, следуя СЛ, редактор сообщил о гибели атамана Никиты Пана во время похода по Иртышу и «великой» Оби.

³⁹ ПЛДР. Кн. 2. — С. 566.

⁴⁰ Ср. 120.

Глава 4

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ КОНЦА XVI — XVII вв.: ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Специальные работы, посвященные классификации источников по истории книжной культуры Сибири XVII столетия, отсутствуют. Разнообразные документальные и нарративные памятники, отражающие востребованность книги населением Сибири того времени, эпизодически затрагиваются лишь в трудах С.П.Луппова и М.И.Слуховского¹.

Источники по сибирской книжности конца XVI—XVII вв. можно разделить на документальные (росписи и описи книг, грамоты, памяти, отписки, приходно-расходные книги) и нарративные (летописи, сказания, жития, исторические и воинские повести).

Так, в росписи книг, подлежащих раздаче патриарху, митрополитам и другим лицам, сообщается о передаче книги в золотом переплете митрополиту Сибирскому Павлу для соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы².

Н.Н.Оглоблиным опубликованы описи, содержащие сведения о приобретении книг в 1651 г. на Печатном дворе и отправке их в Тобольск³.

Опись печатных и рукописных книг митрополита Игнатия в основном фиксирует книги богослужебного характера, но имелась у Игнатия и светская литература⁴.

В 1892 г. А.С.Сулоцким была опубликована опись книжного собрания тобольского архиепископа Герасима, в которой значились не только книги этого владыки, но и его предшественников, передавших книги в Софийский дом⁵.

Е.К.Ромодановской опубликована опись книжного собрания архиепископа Макария⁶.

Описи библиотек якутского Спасского и тюменского Алексеевского монастырей изданы А.Т.Шашковым⁷. Им опубликованы и другие описи книг, принадлежавших тюменским, тобольским, верхотурским церквям, храму Туринского острога, якутскому и кондинскому монастырям.

Отдельную группу источников составляют переписные книги.

А.Т.Шашковым опубликована переписная книга кондинского Троицкого монастыря (1673 г.) с описью имущества, в том числе и книгами⁸.

Изданы переписные книги 1625, 1626, 1636 гг., содержащие описи книг, переданных в тобольскую Софийскую церковь, и перечни книг соборной и домовых архиерейских церквей. Судя по этим описям, основной комплекс четьей и светской литературы был прислан в Тобольск как вклад по завещанию первого тобольского архиепископа, но вклад этот в значительной мере отражает состав личной библиотеки Киприана. Точно так же описана здесь и коллекция архиепископа Макария — те книги, которые находились в его собственных «кельях» и подбирались явно самим владыкой⁹.

Приходная книга Приказа книжного печатного дела 1649/50—1652/53 гг. содержит сведения о продаже в 1650—1651 гг. Уложения, Жития Саввы Чудотворца и годовых Миней месячных с указанием цен на эти книги и упоминанием сибиряков, их приобретших¹⁰.

Особую группу источников составляют грамоты.

Основоположником научного изучения Сибири Г.Ф.Миллером была издана грамота в Туринский острог, направленная вскоре после его основания, о посылке туда из Москвы Евангелий рукописного и письменного, Псалтыри, Апостола, Служебника, Часовника, Миней, Октоиха, Триоди, Трефолая¹¹.

Сведения о поступлении в сибирские города книг содержатся в верхотурских грамотах конца XVI — начала XVII вв. Таких грамот, содержащих сведения об отправке московскими светскими и церковными властями книг в Сибирь, известно большое количество. Они свидетельствуют о постоянном обеспечении богослужебной литературой сибирских церквей. Уже первые переселенцы писали в Москву о необходимости присылки книг в сибирские церкви. Так, в царской грамоте «на Верхотурье» от 2 июня 1601 г. указывается, что в церквах Троицкой и Федора Стратилата нет Трефолая, Миней месячных, толкового Евангелия, Пролога, и предписывается послать туда Минею из Перми¹².

Большое число книг вместе с колоколами, закупленными в Москве, по приказу митрополита Павла было направлено в Тобольск 24 апреля 1691 г. Данные об этом содержит сохранившаяся

подорожная грамота архиерейскому подьяку Г.Яковлеву на провоз из Москвы до Тобольска: «два Евангелия напрестольных, пять Псалтырей со воследованием, три книги Требники, два Апостола, три Псалтыри учебные»¹³.

Царская грамота (1693 г.) содержит сведения о «посылке» 3 апреля 1693 г. в Покровский девичий монастырь Верхотурья ста книг, в том числе Апостола¹⁴.

Грамоты, адресованные тобольскому Знаменскому монастырю, сообщают об имуществе обители, включая книги¹⁵.

А.Т.Шашков опубликовал грамоту об отправке из Тобольска богослужебных книг в кондинский Троицкий монастырь.

Отдельную группу источников составляют отписки.

Опубликованные А.Т.Шашковым отписки 1621 и 1644 гг. свидетельствуют о посылке книг в тобольский Софийский дом и Преображенскую церковь Табаринской слободы. Отписки 1627 и 1628 гг. в Москву из Тобольска сообщали о необходимости присылки церковных книг¹⁶.

Почти все сибирские монастыри XVII в. имели представителей по «челобитным делам». Из «челобитий», поданных архимандритами монастырей, наиболее примечательна просьба 1627—1628 гг. о разных «монастырских нуждах», в том числе присылке церковных книг для тобольского Знаменского монастыря¹⁷.

В 1604 г. около Верхотурья черный поп Иона Пошехонец начал строительство Николаевского мужского монастыря. Он неоднократно обращался с челобитными в Москву и к верхотурским воеводам о присылке книг для монастыря¹⁸.

Следующую группу источников составляют росписи. Опубликованные росписи содержат ценные сведения о построении церквей в новооснованных землях и отправке туда литературы богослужебного характера. Д.М.Володихиным опубликованы росписи, содержащие сведения о целенаправленном распространении книг по городам, в том числе сибирским. Так, по данным росписей за май 1622 — декабрь 1625 гг. архиереям, включая Тобольского, раздавались экземпляры малотиражного соборного святительского Требника¹⁹.

Сведения о ценах на книги в Московском государстве, в том числе в сибирских городах, приведены В.П.Адриановой. Так, одна роспись книг содержит сведения о покупке церковных книг в московском книжном ряду в 1690 г. «у Федора Турчанина»

и в овощном ряду в 1651 г. «у Онуфрия Евтихеева и Леонтия Иванова» для отправки их в Сибирь²⁰.

Отдельную группу источников составляют памяти.

Данные о направлении книг для Борисоглебской церкви г. Туринска содержит наказная память²¹.

Память от 25 августа 1654 г. свидетельствует о продаже стряпчему сибирского архиепископа Ивану Лаптеву двух экземпляров «Уложения судных дел»²².

Память от 6 февраля 1688 г., связанная с деятельностью тобольского Софийского дома (центра церковного управления Сибири), содержит сведения о привозе крупных партий книг в Тобольск архиерейским сыном боярским М. Витязевым²³.

Из материалов судебных расследований известно, что вместе с запрещенной еретической литературой были изъяты «тетради письменные в десть» и «Временник греческих царей и русских и иных» у подьячего Василия Третьякова²⁴.

Архиепископом Симеоном в 1653 г. была направлена отписка патриарху Никону об обнаружении «всяких бездельных писем» у крестьянина Никифора Андреева²⁵.

Тексты подобных писем до нашего времени почти не сохранились. Церковь решительно их уничтожала, и даже судебные дела о них не включают кратких пересказов содержания таких писем, ибо оно противоречило официальной идеологии.

Отдельную группу источников составляют докладные выписки.

Докладная выписка о раздаче книг патриарху и архиереям содержит сведения о передаче 50 книг с московского Печатного двора в 60-х гг. XVII в. сибирскому митрополиту Корнилию, а также сведения о передаче для митрополита Павла в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы «облаченной золотом книги в простом переплете»²⁶.

Особую группу источников составляют вкладные записи. Книга «Звезда пресветлая», написанная скорописью конца XVII в., сохранилась с вкладной записью подьячего Силы Иванова сына Великосельского о принадлежности книги Тобольскому архиерейскому дому²⁷.

На одном сборнике конца XVI — начала XVII вв. имеется запись о его принадлежности тобольскому сыну боярскому Кондратию Хворово²⁸.

Историко-географические сочинения о Сибири, а также составленные в Сибири чертежи, присылались московскому правительству, по поручению которого чаще всего и были подготовлены²⁹.

Сохранилось историко-географическое сочинение, написанное на латинском языке Ю.Крижаничем в Сибири, — «О промысле божьем, или О причинах побед и поражений»³⁰.

Особую группу источников составляют нарративные сочинения о Сибири: летописи, повести и агиографические произведения.

П.Е.Островских опубликовал «Летописец выбором». Это одна из немногих бытовавших в Сибири кратких летописей, сохранивших известия об этой стране³¹. Есиповская летопись была написана дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым в 1636 г. Известно 30 списков летописи, в том числе не учтенные ее исследователями. В частности, в Рукописном фонде русского сектора Отдела рукописей и редких книг научной библиотеки имени Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета имеется летописец, являющийся копией с Есиповской летописи³².

М.Н.Сперанским рассмотрена Повесть о городах Таре и Тюмени, отражающая события истории Сибири 1630-х гг.³³

С.И.Кубасов, служивший сыном боярским и подьячим в Тобольске во второй половине XVII в., был создателем особой редакции «Повести книги сея от прежних лет». Современные ему читатели и переписчики воспринимали С.И.Кубасова как автора данного сочинения, и поэтому последовательно сохраняли его имя в ряде известных в настоящее время списков.

Агиографическое произведение — Сказание об Абалакской иконе богородицы, созданное в Сибири в 1647 г. неизвестным автором, — сохранилось в нескольких редакциях. Судя по отписке архиепископа Симеона, он также «списывал» чудеса Абалакской Богородицы и послал их царю Алексею Михайловичу³⁴.

К произведениям агиографической литературы относится и «Сказание о явлении Николая Мирликийского томскому горожанину Григорию», написанное в Томске в конце XVII в. Оно активно распространялось томской администрацией и дошло до нас в нескольких списках. В основе произведения — обличение жителей в отсутствии благочестия и греховности³⁵.

В Тобольске при архиепископстве Нектария и, вероятно, не без его участия появилась последняя редакция Жития Нила Столбенского.

Житие Варлаама Хутынского переписывалось в Тобольске по указанию митрополита Корнилия, пришедшего на сибирскую кафедру из новгородского Спасо-Хутынского монастыря. Сочинение, озаглавленное в рукописях «О поставлении и о начале обители святыя Троицы в Туруханских пределах при устии реки, завоымый Тунгуски», фактически представляет собой житие попа Тихона, сохраняющее всю специфику этого жанра. Распространенное в рукописи не менее, чем Житие Василия Мангазейского (созданное в стенах Туруханского монастыря), Житие Симеона Верхотурского, составленное в Сибири при участии митрополита Игнатия, фактически знаменовало завершение местной агиографии.

Послания составляют еще одну группу источников по истории ранней русской книжности Сибири.

«Сибирские послания» митрополита Игнатия были созданы в Тобольске в конце XVII в. Так, в 1697 г. Игнатий написал «Красноярское послание», которое имело целью заставить жителей Красноярска прекратить мятеж против воводы³⁶.

Архиепископом Нектарием в Тобольске было сочинено послание «Господину моему Ивану Михайловичу»³⁷ (возможно, князю И.М.Катыреву-Ростовскому, ранее воеводствовавшему в Тобольске).

Представленные источники позволяют с достаточной полнотой раскрыть историю сибирской книжной культуры конца XVI — XVII столетий. Благодаря данным источникам можно выяснить пути проникновения книг в Сибирь XVII столетия, определить каналы появления в Сибири того времени богослужебной и светской литературы.

Примечания

¹ Луппов, С.П. Книга в России в XVII веке / С.П.Луппов. — Л., 1970. См. также: Слуховский, М.И. Проблемы истории чтения / М.И.Слуховский // Книга: Исследования и материалы. — М., 1976. — Сб. 33. — С. 33—43.

² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). — Ф. 1182 (Архив приказа книгопечатного дела). — Оп. 3. — Ед. хр. 343.

³ Оглоблин, Н.Н. Из архивных мелочей XVII века / Н.Н.Оглоблин // Библиограф. — 1890. — № 2, 5—6.

⁴ Оглоблин, Н.Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия. 1700 г. / Н.Н.Оглоблин. — СПб., 1893.

⁵ Сулоцкий, А.С. Одна из библиотек XVII-го столетия / А.С.Сулоцкий // Библиограф. — 1892. № 6—7. — С. 253—255.

⁶ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. — Новосибирск, 1994.

⁷ Шашков, А.Т. Описи книг двух сибирских монастырей XVII в. / А.Т.Шашков // Книга и книжное дело в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 217—220; Он же. Материалы для изучения церковно-монастырских библиотек Урала и Сибири XVII — начала XVIII вв. / А.Т.Шашков // Книжные собрания российской провинции: Проблемы реконструкции. — Екатеринбург, 1994. — С. 75—96.

⁸ Шашков, А.Т. Документы конца XVI — первой четверти XX века по истории книжности и духовного просвещения Северо-Западной Сибири / А.Т.Шашков // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собрания города Ханты-Мансийска. — Екатеринбург, 2003.

⁹ Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1885; Тобольский архиерейский дом в XVII веке. — Новосибирск, 1994.

¹⁰ Тимошина, Л.А. Приходная книга Приказа книжного печатного дела 1649/50—1652/53 гг. / Л.А.Тимошина // Очерки феодальной России. — М.; СПб., 2006. — Вып. 10. — С. 247, 253, 264.

¹¹ Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф.Миллер. — М.; Л., 1941. — Т. 2. — С. 156. См. также: Морозов, В.В. Известия Г.Ф.Миллера о распространении книги в Сибири XVI—XVII вв. / В.В.Морозов // Письменность и книгопечатание: Мат-лы науч. конф. к 100-летию создания славянского алфавита, 200-летию книгопечатания в Сибири. — Тюмень, 1989. — С. 49.

¹² Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. — М., 1982. — Вып. 1. — С. 19, 37, 101. На значение этих грамот в аспекте изучения книжной культуры обратил внимание А.А.Преображенский. См.: Преображенский, А.А. От редактора / А.А.Преображенский // Верхотурские грамоты... — Вып. 1. — С. 5.

¹³ РГАДА. — Ф. 281 (Грамоты коллегии экономии, Верхотурский уезд). — 1693 г. — Оп. 2. — Ед. хр. 2325.

¹⁴ Там же. — Ед. хр. 2325.

¹⁵ Покровский, Н.Н. Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. / Н.Н.Покровский // Христианство и церковь в России феодального периода (Материалы). — Новосибирск, 1989. — С. 77—86.

¹⁶ Верхотурские грамоты... — Вып. 1. — С. 19, 37, 101.

¹⁷ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Оглоблин Н.Н. — М., 1901. — Ч. 3. С. 84.

¹⁸ От Вятки до Тобольска: Церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI—XVIII веков. — Екатеринбург, 1994. — С. 74.

¹⁹ Володихин, Д. Наиболее ранняя часть архива Приказа книгопечатного дела / Д.Володихин // Русское средневековье: 1998 год: Книжная культура. — М., 1998. — Вып. 1. — С. 110—111, 137.

²⁰ Адрианова, В.П. Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI—XVIII вв. / В.П.Адрианова. — СПб., 1912 (Памятники древней письменности и искусства. — Т. 178).

²¹ Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф.Миллер. — М.; Л., 1999. — Т. 1. — С. 380, 396; М.; Л., 1941. — Т. 2. — С. 139, 156.

²² Читатели изданий московской типографии в середине XVII в. — Л., 1983. — С. 88, 91, 145.

²³ Покровский, Н.Н. Новые материалы из истории сибирской культуры XVII века / Н.Н.Покровский // Проблемы изучения культурного наследия. — М., 1985. — С. 237—243.

²⁴ Павлов-Сильванский, В.Б., Рогов, А.И. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. / В.Б.Павлов-Сильванский // Археографический ежегодник за 1960 год. — М., 1962. — С. 219.

²⁵ Ромодановская, Е.К. Избр. тр.: Сибирь и литература: XVII век / Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 2002. — С. 43.

²⁶ РГАДА. — Ф. 1182. — Оп. 3. — Ед. хр. 341.

²⁷ Ситников, Л.А. Рукописи Тобольского краеведческо-архитектурного музея-заповедника / Л.А.Ситников // Сибирская археография и источниковедение. — Новосибирск, 1979; Он же. О сводном каталоге сибирской и дальневосточной дореволюционной книги / Л.А.Ситников // Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984; Он же. Рукописи Омского краеведческого музея / Л.А.Ситников // Сибирское источниковедение и археография. — Новосибирск, 1980.

²⁸ Дергачева-Скоп, Е.И., Ромодановская, Е.К. Собрание рукописных книг государственного архива Тюменской области в Тобольске / Е.И.Дергачева-Скоп, Е.К.Ромодановская // Археография и источниковедение Сибири. — Новосибирск, 1975. — С. 127.

²⁹ Андреев, А.И. Очерки по источниковедению Сибири / А.И.Андреев. — 2-е изд., испр. и доп. — М., Л., 1960. — Вып. 1.

³⁰ Шашков, А.Т. Юрий Крижанич и Федор Трофимов в сибирской ссылке (из истории идейной борьбы третьей четверти XVII в.) / А.Т.Шашков // Исследования по традиционной народной культуре Севера. — Сыктывкар, 1997. — С. 155, 158, 160.

³¹ Островских, П. Мангазейская книга / П.Островских // Изв. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. — Красноярск, 1903. — Т. 1. — Вып. 5.

³² Пушкарев, Л.Н. Рукописные собрания нравственно-поучительного характера собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА / Л.Н.Пушкарев // Труды отдела древнерусской литературы. — Л., 1980. — Т. 35. — С. 402; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 429; Рукописный фонд русского сектора отдела рукописей и редких книг научной библиотеки имени Н.И.Лобачевского: Путеводитель. — Казань, 1999. — С. 24.

³³ Сперанский, М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени / М.Н.Сперанский // Труды комиссии по древнерусской литературе Академии наук. — Л., 1932. — Вып. 1.

³⁴ Ромодановская, Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература: XVII век / Е.К.Ромодановская. — Новосибирск, 2002. — С. 78, 80—81, 167.

³⁵ Очерки русской литературы Сибири. — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — С. 90.

³⁶ Послания Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. — Казань, 1857. См. также: Дворецкая, Н.А. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. / Н.А.Дворецкая // Археография и источниковедение Сибири.

³⁷ Ромодановская, Е.К. Избранные труды... / Е.К.Ромодановская. — С. 78, 80—81.

Глава 5

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Проблемы организации образования и распространения просвещения в Западной Сибири, в том числе среди коренного населения, находятся в центре внимания современных исследователей. Изучением развития образования конца XIX — начала XX вв. на территориях, находящихся в границах современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, занимаются О.П.Цысь¹, О.В.Ищенко². Становление советской системы образования в годы Гражданской войны и особенно в период социалистической модернизации вплоть до военных лет стало предметом изучения Л.В.Алексеевой³. При этом о более раннем времени работ меньше, хотя в то непростое время происходили замечательные события и явления в образовательной среде, несмотря на оторванность края от центров науки европейской части империи и редких городов Зауралья. Многочисленные архивные материалы позволяют реконструировать развитие образования в ряде западносибирских городов и восполнить пробелы в истории его становления в Югорском крае в первой половине XIX в.

В период преобразований в области просвещения при Александре I в 1818 г. было открыто Березовское уездное училище⁴ — первое государственное учебное заведение на территории современной Югры. Именно оно стало главным очагом распространения грамотности на огромных просторах севера Западной Сибири, в том числе и в среде сибирских народов. Примечательно, что здесь зародилась и метеослужба современного округа (в январе 1832 г. здесь были начаты наблюдения за погодой). Факт появления этого учебного заведения широко известен, на него ссылаются все исследователи, занимающиеся историей Сибири, например, Н.А.Миненко, при этом она указывает, что училище «состояло из двух классов и одного приготовительного»⁵.

О повседневной жизни училища, о выполнении учебного плана, количестве обучающихся, уровне знаний свидетельствует отчет

о проверке, проведенной директором училищ Тобольской губернии Е.М.Кочуриным 29—30 декабря 1837 г. Выходец из обер-офицерской семьи после окончания Тобольской гимназии стал учителем 1 класса (уровень профессиональной подготовки), в 1820—1827 гг. — смотрителем Курганского уездного двухклассного мужского училища, затем был назначен на высокую должность губернского уровня. Вскоре о своей поездке по учебным заведениям губернии, в ходе которой он инспектировал Березовское уездное училище и Сургутскую казачью школу, 11 февраля 1838 г. был направлен отчет в Министерство народного просвещения (далее — МНП) и одновременно исполняющему должность тобольского гражданского губернатора статскому советнику Х.Х.Повало-Швыйковскому. Е.М.Кочурин прибыл в Березов утром (в 7 часов) 29 декабря, а уже в 10 часов началась работа по проверке училища, в котором числилось 65 человек. Ученики обучались в 2-х классах: в приготовительном — 51 ученик и в первом — 14. Уровень подготовки учеников был различным (см. табл. 1).

Таблица 1

Общий уровень подготовки учащихся

Классы	Количество учеников	Хороших	Изрядных	Посредственных	Весьма слабых
Приготовительный	51	10	14	23	4
Первый	14	7	4	3	—
Всего	65	17	18	26	4

Проверка знаний была продолжена в последующие дни: 30 декабря до обеда проверяли первый класс, приготовительный — после 14 часов, 31 декабря приготовительный — с 10 до 14 часов (табл. 2).

Таблица 2

Уровень подготовки учащихся Березовского училища по предметам⁶

Класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
приготовительный	священной истории	от начала до Евреева Египта	«отчасти удовлетворительно»
	чтение		«хороший успех»

первый	священная история	от пространного катехизиса до разделения лиц святой Троицы	«хорошо»
	священная история	до судей израильских	«довольно хорошо»
	арифметика	с начала 1-й части до раздела раздробления	«хорошо»
	русская грамматика	с начала курса до глаголов	«удовлетворительные»
		грамматический разбор	«удовлетворительные»
	чисто-писание		«большие успехи»

Для проверки уровня по чтению использовались такие приемы, как «совокупно и порознь», при этом инспектор высказал замечания, касающиеся соблюдения «правильности методов взаимного обучения». Таким образом, ученики были проверены по всем основным предметам программы обучения, и показали в целом хороший уровень подготовки.

После проверки учебного процесса была проведена ревизия материальных средств и библиотечных фондов. При этом на 1 января 1838 г. зафиксирована сохранность всех училищных сумм, которые составляли 11 688 руб. 74 коп. Количество книг в библиотеке было явно недостаточным — всего 164 тома, поэтому была высказана рекомендация о приведения фундаментальной библиотеки в «лучший порядок и устройство». Собрание предназначенных для продажи книг на сумму 107 руб. 88 коп. находилось в сохранности.

Училище размещалось в ветхом небольшом деревянном доме, поэтому высокопоставленный чиновник отметил необходимость строительства или покупки другого помещения⁷.

Образовательный процесс осуществляли штатный смотритель протоиерей Николай Кондалов (он «исправлял должность» «очень усердно»), законоучитель иерей Иоанн Заборовский, у которого отмечены «способности» и «радение», и учитель арифметики и геометрии 1-го приготовительного класса «исправный и способный» Платон Каменьков (фамилия написана не вполне разборчиво). Как видно, штат был укомплектован профессиональными

кадрами, при этом с хорошими нравственными качествами, что позволяло добиваться неплохих результатов в подготовке учеников.

Важные изменения в училище произошли после назначения туда смотрителем Н.А.Абрамова⁸. После окончания Тобольской семинарии он преподавал в Тобольском уездном училище, а в 1842 г. был переведен в Березово, где и проработал последующие 7 лет. По его инициативе в этом же году был открыт третий класс, создана библиотека, которая к 1845 г. насчитывала уже 378 сочинений в 586 томах⁹. «За семь лет деятельности он смог образовательную и просветительскую деятельность поставить на такую высоту, которой не было ни до, ни после него»¹⁰, — отмечает современный омский исследователь С.П.Бычков. При этом просветительская деятельность «выдающегося западносибирского исследователя» и «ярчайшего краеведа» иллюстрируется рядом цифр: количество учеников выросло с 60 до 108, именно в это время в училище появились первые 12 инородцев (2 ненца и 10 хантов). «Заботливый смотритель (г.Абрамов, происхождением из духовного звания) сверх положенных предметов старался развивать у них ... навыки читать по церковной печати, частию петь на клиресе»¹¹. Действительно, факт приобщения детей местного населения отмечается в исторической литературе, однако имеются пробелы в этом важном вопросе из-за неполноты сведений.

В РГИА (Ф. 733) нам удалось обнаружить дело 282 «О изъявлении благодарности Министерства Народного просвещения штатному смотрителю Березовского уездного училища Н.А.Абрамову за похвальное содействие его к образованию инородцев», в котором имеются необходимые сведения о конкретизации обстоятельств появления в училище сибирских аборигенов. При этом на документах стоят подписи таких известных государственных деятелей, как граф С.С.Уваров¹² — российский министр народного просвещения и князь П.Д.Горчаков¹³.

21 января 1844 г. управляющий Тобольской губернией М.В.Ладыженский направил западносибирскому генерал-губернатору представление № 774, где дается характеристика деятельности коллежского секретаря Н.А.Абрамова (впоследствии титулярного советника) в Березовском училище. При этом отмечено, что он «старается, сколько дозволяют способы и силы, начать во вверенном ему училище обучение остяцких детей русской грамоте

и главным началам православной веры, первоначально с тем намерением, чтобы они, узнав пользу грамотности, могли развивать о ней мысли среди соплеменников их и тем способствовать к увеличению числа желающих обучаться»¹⁴. К реализации своего стремления смотритель училища привлек Михаила Максимовича Панаева, имевшего налаженные связи с инородцами, которые ему полностью доверяли. Имя этого жителя Березова не встречается среди лиц, причастных к вовлечению детей коренных народов в образовательную среду. «Благонамеренная цель» вызвала неподдельный интерес, и Панаев «изъявил полную готовность к делу пользы Отечества». Вскоре в училище стали обучаться 10-летний сын самоеда Хаттум из Обдорского отделения и три мальчика-остяка — Прокопий (11 лет) и Алексей (9 лет) Несторovy из Ляпинской волости Мелиупаульских юрт и Григорий Спиридонов (9 лет) из Сосвинской волости Хаиглоковских юрт (православные имена и русские фамилии детей свидетельствуют о принятии их родителями православия). Примечательно, что все расходы на проживание и содержание детей, приобретение учебных пособий М.Панаев брал на себя до тех пор, пока ученики не научатся «свободно читать по-русски и ... писать»¹⁵. При этом он дал подписку, что после завершения обучения возвратит всех мальчиков их родителям или родственникам «без всякого удержания». Инициатива настолько увлекла М.Панаева, что он выразил готовность при условии «внимания правительства» к его персоне увеличить количество учеников из местного населения до 10. Чтобы дать М.Панаеву официальное разрешение на это, властями были затребованы сведения о его «благонамеренном» поведении у директора училищ, земского суда и исправника: не состоит ли он «под судом», «не подвергался ли штрафу». Вскоре сведения были собраны, и выяснилось, что М.Панаев был 13 ноября 1843 г. оштрафован на 30 руб. серебром за «самовольный увоз» в Обдорск мещанина Н.Савинова без паспорта на 4 месяца на рыбный промысел. Однако это обстоятельство не стало препятствием для поощрения его высокого порыва, и «пример, достойный внимания» рекомендовали объявить по всем училищам Тобольской губернии и «исходатайствовать ему приличное вознаграждение»¹⁶.

Представление от 18 мая 1844 г. через Департамент исполнительной полиции было направлено С.С.Уварову. Согласно ст. 804

Свода законов «пожертвования не должны быть противны правилам заведений, которым жертвуются суммы». В ст. 604, 605 содержалась оговорка, что порочные люди могут делать приношения с целью получения награды от правительства, «дабы прикрыть тем прежние свои поступки, сравниться с отличными в обществе людьми: что не только воспрещается в сем случае ходатайствовать о наградах таковых людей, но и принимать от них пожертвования»¹⁷.

20 июня из МНП на имя П.Д.Горчакова был отправлен ответ, подписанный министром, с благодарностью Н.А.Абрамову и уведомление М.Панаеву, что при условии исполнения его намерения, ведомство «не оставит испросить приличную ему за то награду». Здесь же имеется просьба предоставить сведения о том, какое имеют содержание инородцы, какое им выделено помещение, под чьим надзором находятся, какая сумма тратится на пожертвования, имел ли М.Панаев ранее какие награды, каким пользуется «мнением в обществе».

К 18 декабря, когда из Омска был направлен ответ в министерство, М.Панаев взял еще 6 мальчиков. На их содержание по смете расходов, которую он составил, предполагалось истратить за 3 года 1451 рублей серебром.

Таблица 3

Подробный регистр, чего будет стоить содержание 10 инородческих мальчиков в течение 3-х лет¹⁸

	На каждого мальчика какая выгода		На 10 мальчиков		На 3 года на всех	
	серебром					
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
На пищу	28		280		840	
На 3 рубашки с подштанниками, из коих одна рубашка байковая, а две и три порты халатные	3		30		90	
Парка с малицей	3		30		90	
Две олени пимы в зимнее время, две пары шерстяных чулков и пара летних сапогов в летнее время	2	50	25		75	

Халат байковый на халатенном подкладе с волижскою и суконную шапкую	4		40		120	
Научные пособия всем					28	
Надсмотрщику за мальчиками с пищею ему			50		150	
На заведение постели, подушек, одеял					30	
На угощение инородцев родителей мальчиков					28	
Всего	40	50	455		1451	

Документ¹⁹, датированный 9 октября 1844 г., составлен и написан чиновником, а подпись сделана собственноручно (это видно по различным почеркам). Примечательно, что в регистр включены расходы на питание, одежду, вознаграждение смотрителю и угощение родителей мальчиков на 3 года. По всей видимости, родители приезжали, и для их «задабривания» делали им угощения. Это немаловажный и хорошо продуманный прием. По всей видимости, М.Панаев, хорошо зная менталитет местных народов, придумал хороший вариант общения с ними.

М.Панаев брал на себя обязательство обучать и содержать их и более 3-х лет, если они к этому времени не освоят грамоты. По сведениям Главного управления Западной Сибири, Панаев имел два деревянных дома, один двухэтажный (стоимостью более 1285 руб.), ученикам была отведена просторная комната, они имели в достатке «лакомую» пищу. К этому времени 4 инородца прожили у него уже год, а пятый — полгода. Для наблюдения за поведением детей был нанят «очень хорошего» поведения отставной казак Дмитрий Шахов, отслуживший «беспорочно» казачью службу. 8 марта 1845 г. МНП обратилось к министру внутренних дел с запросом о награждении М.Панаева (к этому времени у него проживало 10 инородцев, а по данным С.П.Бычкова, 12 — 2 самоеда и 10 остяков. Возможно, что в училище обучались и другие дети сибирских аборигенов, но о них пока сведения не найдены).

Секретная часть МВД 30 апреля 1845 г. сообщала, что М.Панаев к раскольническим сектам не принадлежит, поэтому препятствий

к награждению нет. Информация о «подсудности» мещанина Панаева была затребована у Тобольского общего губернского управления и Главного управления Западной Сибири. После предоставления сведений о М.Панаеве и ряда проверок различными инстанциями он 4 июня 1846 г. был награжден серебряной медалью на Анненской ленте с надписью «за усердие» для ношения на груди или петлице.

Так завершилось дело о награждении березовского мещанина М.Панаева за важное начинание, связанное с созданием условий для обучения детей инородцев в Березовском уездном училище в 40-е гг. XIX в. Имя этого человека должно стать достоянием широкой общественности как пример бескорыстия, его следует поставить рядом с другими неравнодушными людьми, которые собственные средства отдавали на просветительские цели. Необходимо отметить также поддержку этой инициативы со стороны правительства, при этом дело было доведено до логического завершения.

Обучение инородцев нельзя считать явлением массовым и обычными, поскольку своих детей аборигены Сибири неохотно отдавали на воспитание русским. И только длительное личное знакомство М.Панаева с инородцами, их доверие к нему способствовали важному делу просвещения. Без сомнения, это был первый опыт распространения образования в среде местных народов на территории нынешней Югры.

Таким образом, процесс привлечения инородцев нашего края к образованию начался вскоре после создания Березовского училища. В просветительском деле принимали активное участие и подвижники распространения грамотности среди местного населения, и простые обыватели, жертвовавшие собственные значительные средства. Интересно было бы проследить судьбу самого М.Панаева и его питомцев и уточнить количество детей инородцев, обучавшихся в Березовском училище в бытность смотрителем Н.А.Абрамова. Именно в эти годы училище завоевало свой наибольший авторитет и известность. Примечательно, что в 1901 г. преподаватели, поддержанные жителями города, направили прошение попечителю учебного округа и в МНП о разрешении выставить в учебном заведении портрет Абрамова.

Важным событием в истории г.Сургута следует считать открытие там в 1835 г. казачьей школы²⁰, которая, несмотря на название, была всесословной. Важным источником сведений об этом учебном заведении служат архивные материалы — «журналы обозрения», которые хранятся в РГИА.

Государственные структуры заботливо относились к казачеству, поскольку оно к тому времени зарекомендовало себя как сословие, верное интересам империи. Казаки несли службу в далеких гарнизонах, стояли на защите российских рубежей. Подготовка слуг царю и Отечеству, в том числе через систему образования, была одной из важных задач, о чем свидетельствует открытие в Сургуте казачьей школы. Это известный факт, но имеется ряд материалов, которые позволяют извлечь интересные сведения по истории данного учебного заведения. В департамент МНП 25 июля 1836 г. из Тобольска поступило донесение № 4266 об открытии в Сургуте новой школы. Этого события в сибирском населенном пункте ждали давно. Открытие было проведено в соответствии с высочайше утвержденным 22 июля 1829 г. Уставом о сибирских городских казаках. В §133 этого документа предусматривалось для обучения казачьих детей учреждать в местах пребывания полковых атаманов школы с преподаванием в них закона божьего, чтения, письма, арифметики. Кроме того, §134 позволял открывать отделения от этих школ при сотнях и в других местах расквартирования казаков. Важным обстоятельством следует считать предусмотренное финансирование открытых школ в размере 600 руб. в год. Заметим, что в ряде городов, например, в Тобольске, не было необходимости открывать казачью школу, так как генерал-губернатор Западной Сибири и генерал от инфантерии П.М.Капцевич разрешил детям казаков обучаться в школе военных кантонистов, а в других уездных городах — в уездных училищах (например, в Березове).

После инспекции Березовского края, проведенной в феврале 1835 г. начальником отделения Тобольского общего губернского управления надворным советником Соколовым, выяснилось, что в лишенном статуса города Сургуте проживает 305 казаков — отставных и находящихся на службе. В их семьях насчитывается 103 ребенка, в том числе от 7 до 16 лет — 48 детей, которые нигде не обучаются²¹. Некоторые дети, желающие обучаться чтению

и письму, учились у «немногих грамотных казаков», которые давали «уроки» «без всяких правил вопреки вновь состоявшегося Высочайше утвержденного положения о вольных учительствах». Большая же часть детей «оставались вовсе не обученными», в том числе и никаким ремеслам, ввиду отсутствия там мастеров. Такая ситуация способствовала тому, что в городе «значительные толпы ребят», не имея никаких занятий, «играли по улице с утра до вечера».

Жители Сургута по собственной инициативе пытались открыть приходское училище. К тому же отставной казачий чиновник 14 класса Туполев на собственные средства построил для этих целей дом²². Однако дело застопорилось по причине того, что жителям Сургута необходимо было содержать здание и учителя на собственные средства. К тому же большой пользы от приходского училища, где преподавались основы закона божьего, чтения, письма, начала грамматики и арифметики, без перспективы обучения в уездном училище не было. А отправлять детей за 800 верст в уездные училища Тобольска или Березова из-за «бедности» родители не имели возможности.

Воспользовавшись предписанием упомянутого выше §133, сургутский «благочестивый священник Кайдалов»²³, окончивший тобольскую семинарию, по приглашению Соколова «изъявил полную свою готовность обучать казачьих детей» безвозмездно до того времени, пока не будет изыскан правительством источник финансирования. Сложившаяся ситуация оказалась очень благоприятной, поскольку ни казна, ни сами казаки не несли никаких материальных издержек. Но необходимо было получить на это благородное дело разрешение в виде благословения от преосвященнейшего владыки.

Вопрос открытия школы был почти решен. Туполев в январе 1835 г., видя, что его дом в скором времени будет востребован, приступил к внутренним работам: были изготовлены столы, скамьи, стулья, классные доски повешены и покрашены в черный цвет. Соколов на собственные средства закупил комплект учебников, прописей и других ученических принадлежностей на 40 учеников.

Управляющий Тобольской губернией статский советник Копылов, «пользуясь таковым случаем благотворительного учреждения

учебного заведения», распорядился обучать в нем детей «прочих обывателей»²⁴. Одновременно было направлено ходатайство архиепископу Афанасию разрешить священнику Кайдалову исполнять должность учителя с сохранением его в прежней должности.

Таким образом, с помощью заинтересованных лиц из различных слоев, в том числе стараниями чиновника Соколова, казака Туполева, священника А.Я.Кайдалова, жителей города, при поддержке губернского начальства была открыта казачья школа в заштатном городе Сургуте, которая стала центром распространения грамотности восточнее Тобольска на 800 верст.

Как свидетельствуют последующие донесения из Сургута, школу посещали 45 человек, которые обучались с большим успехом, что подтверждают проведенные открытые испытания учеников; отдельные из них были «найлены особенно отличившимися»²⁵ в учении.

Необходимо было включать действующую школу в общую образовательную систему губернии. Соколов предложил директору училищ Тобольской губернии «принять» учебное заведение в свою структуру, обосновывая это мнение тем, что отделение школы являлось частью Тобольского городского казачьего полка, который не относился к военному ведомству. Это решение позволило бы подчинить учителя образовательной структуре, требовать от него необходимую информацию и направлять ему различного рода инструкции, циркулярные письма, касающиеся требований к учебному процессу.

Важнейшим в ряду узаконений школы следует считать распоряжение Соколова о выделении из казны ежегодно в полк 600 рублей, из которых 200 рублей отводилось на содержание отделения школы. Выделяемые средства должны направляться на жалование учителю (120 рублей), на отопление, освещение и разного рода канцелярские расходы (80 рублей). Остальные 400 рублей предназначались на содержание казачьих сирот в количестве до 17 человек и на покупку ученических принадлежностей для детей казаков, обучающихся в уездных училищах губернии. Деньги не столь большие, играли тем не менее существенную роль в организации жизнедеятельности учебного заведения. При этом выражалась надежда на «вспомоществования» со стороны жителей Сургута. Для облегчения выполнения Кайдаловым обязанностей учительских

и прямых, связанных с приходом, в город был направлен на освободившуюся должность казачьего писаря Бармин, к тому времени окончивший курс гимназии. Последующие распоряжения и конкретные дела способствовали укреплению финансового положения нового учебного заведения и облегчению выполнения обязанностей Кайдаловым, который должен был отлучаться из города по своим церковным обязанностям.

Важным источником, свидетельствующим о положении школы, являются журналы проверки, которые позволяют судить о количестве учеников, качестве учебного процесса. Первая из них состоялась в 1837 г., по ее результатам 25 января 1838 г. экземпляр отчета был направлен исправляющему должность Тобольского гражданского губернатора, а тот вскоре перенаправил второй экземпляр в департамент Министерства народного просвещения; 11 февраля он был рассмотрен, о чем и была вынесена соответствующая резолюция²⁶.

Инспекционная проверка началась 22 декабря, когда директор училищ Тобольской губернии прибыл в школу для проведения испытаний (с 13 до 16 часов). На следующий день с 10 до 12 часов было проверено старшее отделение.

Таблица 4

Численный и социальный состав учащихся²⁷

Класс	Численность	Обер-офицерских	Духовного	Казачьих	Мещан	Ясашных	Крестьянских
Младшее отделение	17	2		14		1	
Среднее отделение	14			12			1
Старшее отделение	15		1	13	1		
Всего	46	2	1	39	1	1	1

Цифры указывают на общее количество обучающихся и, что очень важно, социальный состав, который был весьма разнообразен. Выходцы из всех сословий обучались все вместе, что говорит о демократизме в образовательной среде городка. При этом самая многочисленная группа детей была из казачьего сословия.

Уровень знаний учащихся сургутской школы в 1837 г.²⁸

Класс	Предмет	Раздел	Уровень подготовки
Младшее отделение	чтение по букварю	до 13 страницы, до молитв	«успехи довольно заметны»
Среднее отделение	чтение церковных книг и рукописей		«успех хороший»
	краткая священная история Ветхого завета	о преображении господнем	«отчасти удовлетворительно»
	арифметика	сочтение, сложение и вычитание простых чисел	«изрядно»
	пространный катехизис	до разделения ипостаси святыя Троицы (до 28 страницы)	«отчасти удовлетворительно»
	русская грамматика	до числительных имен	«отчасти удовлетворительно»
	первая часть арифметики	до деления простым числом	«хорошо»

Проверяющий отметил «заметные успехи» младших школьников, при этом для будущей большей пользы порекомендовал соблюдать «правила метода взаимного обучения»²⁹, а для этого пользоваться изданным руководством³⁰. В качестве совета для учащихся третьего (старшего) отделения было указано «избегать механического заучивания наизусть»³¹. Проверены были навыки по чистописанию учащихся среднего и старшего отделений. Таким образом, была проведена проверка знаний всех учащихся по всем предметам.

Затем была проведена ревизия кассовой приходно-расходной книги, где к началу 1838 г. в приходе числилось 117 рублей 16 копеек, а в расходе 74 рубля 81 копейка и в остатке 42 рубля 35 копеек, учебных книг числилось на сумму 12 рублей 84 копейки. Школа помещалась в прочном, просторном (в отчете он характеризуется как «поместительный») доме. Училищные принадлежности находились в сохранности, но мебель и учебные пособия требовали улучшения³². При школе имелось собрание исторических и «нравоучительных» книг (42 тома) и 11 учебных пособий.

В первой половине XIX в. открытие новых учебных заведений продолжалось и в отдаленных населенных пунктах Западной Сибири; основной упор делался на светские учебные заведения. Это было результатом инициативы губернских чиновников, поддержанных конкретными делами простых граждан, направлявших собственные средства на нужды просвещения. Регулярные инспекции способствовали выявлению проблем и своевременному их разрешению. При этом учебных заведений в Западной Сибири было недостаточно, а их открытие сопровождалось рядом трудностей. Важнейшим направлением просветительской деятельности следует признать вовлечение инородцев в образовательную среду, что способствовало не только их просвещению, но и дальнейшей христианизации.

Примечания

¹ Цысь, О.П. Сосьвинская церковно-приходская школа в конце XIX — начале XX вв. / О.П.Цысь // Образование и просвещение: философские, исторические и педагогические аспекты / Под общ. ред. В.В.Митрофанова. — Нижневартовск, 2009. — С. 84—96 и др.

² Ищенко, О.В. Взаимодействие власти и общественности в деле развития образования в Тобольской губернии на рубеже XIX—XX вв. / О.В. Ищенко // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. Докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию образования Сибирской губернии (20—21 ноября 2008 г., г.Тюмень). — Тюмень, 2009. — С. 75—79.

³ Алексеева, Л.В. К истории образования на севере Западной Сибири (1920-е гг.) / Л.В.Алексеева // Образование и просвещение... С. 97—131 и др.

⁴ В этом училище учился известный писатель П.П.Ершов.

⁵ Миненко, Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк / Н.А.Миненко. — Новосибирск, 1975. — С. 121—122.

⁶ Таблица составлена по: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 1—3.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 2—3. Новый дом был куплен, но училище в него переехало не скоро.

⁸ Абрамов Николай Алексеевич (1812—1870) — сибирский этнограф, краевед. Был учителем тобольской семинарии, учителем и смотрителем уездных училищ — ялуторовского, березовского и тюменского. Автор более 100 статей по истории Сибири и распространению там христианства.

⁹ Миненко, Н.А. Северо-Западная Сибирь... — С. 121—122. Большинство книг было на русском языке, 26 — на греческом, 6 — на латинском, 13 — на французском, 8 — на немецком, по одной — на итальянском и татарском. Исследователи отмечают, что руководство училища не жалело денег на приобретение новых

книг, ежегодно выделяя на это весьма значительную сумму. Причем Н.А.Абрамов проявил хозяйственную сметку: деньгами на приобретение книг явились проценты с суммы, собранной Абрамовым и положенной «для обращения» в Московскую сохранную казну. Часть книг была приобретена у жителей Березова, Сургута, Тобольска. В дальнейшем библиотека расширялась, в том числе и за счет даров, к примеру, в библиотеку березовского училища поступило большое количество книг от А.Кашпирева. Подробнее об этом см.: Белобородов, А. Библиотека Березовского уездного училища: материалы для реконструкции собрания) / А.Белобородов // Культурное наследие Азиатской России. — Тобольск, 1997.

¹⁰ Бычков, С.П. Исследователь истории сибирского края и русской церкви Н.А.Абрамов в памяти жителей города Березова в начале XX в. / С.П.Бычков // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: Мат-лы VII Всерос. науч. конф. с международным участием (Омск, 20—22 октября 2009 г.) / Отв. ред. В.Г.Рыженко. — Омск, 2009. — С.259—262.

¹¹ Овчинникова, Н.В. Из опыта ведения просветительской деятельности миссионеров в Тобольской епархии: конец XIX — начало XX вв. / Н.В.Овчинникова // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окружной науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (24—27 ноября 2003 г.). — Сургут, 2003.

¹² Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — министр народного просвещения в 1833—1849 гг.

¹³ Горчаков Петр Дмитриевич — генерал-губернатор Западной Сибири в 1836—1851 гг.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 282. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ «В Березовское городское хозяйственное управление. Березовского мещанина Михаила Панаева. Объяснение. На объявленное мне оным хозяйственным управлением отделение господина штатного смотрителя Березовских училищ относительно содержания мною инородческих мальчиков на предмет обучения русской грамоте честь имею объяснить след: По изъявленному мною обещанию начальству хотя и с большим трудом но убедительными советами моих родителей достиг я того, что по согласию родителей и родственников отдано мне на содержание 10 инородческих мальчиков коих обязуюсь содержать у себя не менее 3-х лет; пока они научатся русской грамоте и если не научатся то и дальше обязуюсь содержать их в собственном моем доме в особой отведенной для них чистой и просторной комнате, доставлять им в достаточном количестве здоровую пищу, собственную лакомую инородцам. Для наблюдения за поведением их я нанял отставного казака Дмитрия Шахова, который беспорочно отслужил казачью службу и поведения очень хорошего. Все содержание тех 10 мальчиков в три года по здешней дороговизне, несчетные припасы и одежду будет мне стоить немногие 1451 руб. серебром. О чем и прилагаю подробный регистр для обеспечения сей суммы, я представляю состоящие в Березове два деревянные мои дома с усадьбою

и всеми принадлежащим к нему строениями, стоящие мне 1285 руб. 71 3/4 коп. серебром, из коих большой мой дом новый 2-х этажный построен в 1842 г. Но как всей суммы значащей в сем регистре домами моими вполне не обеспечиваются, то объясняя оному хозяйственному управлению, что 4 инородческих мальчика прожили уже у меня 1 год и сверх того. Еще один пятый мальчик полгода и содержание их стоило мне 200 руб. серебром, то сии деньги уже ненужно мне обеспечивать. Березовский мещанин Михаил Панаев. Октября 9 дня 1844 года». См: РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 282. Л. 8—9.

²⁰ В июле 1877 г. Сургутская казачья школа была реорганизована в мужское училище Министерства народного просвещения.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 1.

²² Этот факт в Сибири не был единичным. Так, например, ишимский купец 2-й гильдии Н.Чернявский был награжден золотой медалью на Владимирской ленте за пожертвование им для ишимского приходского училища деревянного на каменном фундаменте дома, стоимостью 3000 рублей. При этом он принимал на себя обязательства выделять средства на его ремонт и 100 рублей на жалование учителю. Он же был награжден и второй золотой медалью с надписью «за полезное» для ношения на шее на Анненской ленте. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 1—4.

²³ Кайдалов А.Я. — преподаватель казачьей школы, священник Троицкой церкви, стал почетным гражданином г.Сургута в 1845 г. См.: Захаров И.П. Почетные граждане / И.П.Захаров // Сургут — наш родной город. — Сургут, 1998. — С. 36.

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Таблица сост. по: РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 4.

²⁸ Таблица сост. по: РГИА Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 4.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 4.

³⁰ Имеется в виду руководство по применению ланкастерской системы, на что проверяющий прямо указал в своем отчете, когда писал о проверке по арифметике.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 122. Л. 4.

³² Там же. Л. 5.

Глава 6

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX — НАЧАЛА XX вв.

Образовательные и просветительские учреждения являются частью культурного пространства, инструментом для активного воздействия на подрастающее поколение в определенном идеологическом направлении, ретранслятором идей и мнений, востребованных политической и интеллектуальной элитой. В школе приобретает необходимый минимум знаний, позволяющий найти место в жизни, выбрать сферу будущей профессиональной деятельности, усилиями педагогов закладываются основы мировоззрения, определяющего духовные и нравственные ценности, воспитывается гражданин, патриот своей страны.

История образовательных и просветительских учреждений на севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. является одной из наименее изученных страниц прошлого края. Зародившись в начале XIX в., пройдя через суровые испытания — невнимание со стороны власти, недоверие русских старожилов, непонимание аборигенов, — в течение нескольких десятилетий школы, библиотеки, общественные просветительские объединения превратились в действительно значимый фактор культурной жизни.

Однако до настоящего времени данная тема, к сожалению, не становилась предметом сколько-нибудь тщательного исследования отечественных ученых. Появившиеся сравнительно недавно работы рассматривают только некоторые аспекты истории просветительских и образовательных учреждений в крае, не претендуя на всестороннее освещение проблемы.

Для воссоздания полной и объективной истории образовательных и просветительских учреждений требуется большая и кропотливая работа, связанная с привлечением комплекса разнообразных источников, которые могут быть классифицированы по следующим группам: 1) законодательные и нормативно-правовые акты, 2) делопроизводственные документы, 3) статистические

материалы, 4) материалы периодических изданий, публицистика, 5) источники личного происхождения.

Законодательными и нормативно-правовыми актами регулировались основные параметры, в рамках которых осуществлялась деятельность образовательных учреждений. Ими создавалась нормативно-правовая база, вписывавшая учебные заведения в существующую структуру государственных и общественных организаций, социальные отношения, господствующую идеологию и культуру. Изучение проблем, связанных с началом реализации ряда важнейших законодательных актов, позволяет определить этапы эволюции образовательной системы в стране в целом и на севере Западной Сибири в частности. Данная группа источников дает возможность установить порядок управления и финансирования школ, цели и задачи, ставившиеся перед ними государственной властью.

Законодательные акты публиковались как в «Полном собрании законов Российской империи», «Своде законов Российской империи», «Собрании узаконений и распоряжений, издаваемых при правительствующем Сенате», так и в соответствующих ведомственных журналах. Среди последних необходимо отметить «Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу», «Тобольские епархиальные ведомости», «Школьный листок при Тобольских губернских ведомостях», «Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде», а также различные справочные издания — «Адрес-календари», «Памятные книжки» и др.

Можно выделить большую группу законодательных актов и нормативных документов — положений, инструкций, правил, циркуляров и др., регулирующих вопросы организации и деятельности учебных заведений различных типов. Функционирование системы начальных школ в первой половине XIX в. определяли разработанные Министерством народного просвещения «Предварительные правила народного просвещения» (24 января 1803 г.), «Устав учебных заведений» (5 ноября 1804 г.), позволившие реорганизовать малые народные училища екатерининского времени в уездные училища. Они должны были служить связующим звеном между начальными школами и средними учебными заведениями¹.

«Устав гимназий и училищ уездных и приходских», утвержденный императором 8 декабря 1828 г., способствовал дальнейшему упорядочиванию деятельности школ, законодательному оформлению единых учебных программ, учреждению педагогических советов, введению должности почетных смотрителей и попечителей, установлению сословности в обучении и др.² На основании данного законодательного акта действовало Березовское уездное училище — «пионер» народного образования в крае.

«Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г., заменившее «Устав» 1828 г., вводило единый учебный план, объявило школу бессословной, а также разрешило открывать начальные учебные заведения органам самоуправления, обществам, частным лицам, назначать учителями не только мужчин, но и женщин³. «Положение» 1864 г. отдавало церковно-приходские школы в руки училищных советов, председателем которых назначались епархиальные архиереи⁴.

Двухклассные и одноклассные сельские училища МНП открывались на основании Высочайше утвержденного 29 мая 1869 г. «Мнения Государственного Совета»⁵. 4 июня 1875 г. министром народного просвещения подписана состоявшая из 91 параграфа «Инструкция», детально регламентирующая деятельность двухклассных и одноклассных сельских училищ. На основании данной «Инструкции» функционировали школы МНП в Сургутском и в части Березовского уездов.

Высочайше утвержденное 25 мая 1874 г. «Положение о начальных народных училищах»⁶, действовавшее до 1917 г., положило начало созданию одного из самых многочисленных типов учебных заведений. В законодательном акте раскрываются цель, виды, организация заведования училищ. По данному «Положению» действовали некоторые школы на территории Березовского уезда.

В 1875 г. согласно Положению от 31 мая 1872 г. началось преобразование уездных училищ, учрежденных в царствование Александра I, в городские училища, что произошло по инициативе графа Д.А.Толстого в бытность его министром народного просвещения⁷. Министр был поражен тем, что многие гимназисты оставляли обучение, не окончивая курса. Было решено, что для того, чтобы отвлечь от низших классов гимназий мальчиков, которые поступали туда без надежды окончить курс, необходимы

особые учебные заведения с курсом более коротким и легким, чем курс гимназий и реальных училищ. Данный документ позволяет достаточно подробно проанализировать организацию учебной части, особенности шестилетнего курса обучения, учебный план, преподавательский персонал, возможности продолжения обучения в гимназиях или реальных училищах, учительских институтах.

Реорганизация уездных училищ МНП в городские, на основе данного положения, произошла и в Tobольской губернии. В частности, о преобразовании шести уездных училищ (в том числе и Березовского) в городские по положению 1872 г. сообщается в «Циркулярах по Западно-Сибирскому учебному округу»⁸. Березовское городское общество начинает добиваться переустройства уездного мужского училища в трехклассное городское училище «по более сложной программе». С разрешения Министерства народного просвещения указом от 5 апреля 1902 г. оно с 1 июля 1902 г. реорганизовано в трехклассное городское по положению 31 мая 1872 г.⁹

Законы, регламентирующие деятельность различных типов церковных школ, их статус, управление и подчиненность, порядок открытия и закрытия, сроки и программы обучения появляются в 80—90-е гг. XIX в. В первую очередь необходимо отметить «Высочайше утвержденные правила о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 г.¹⁰, действие которых распространялось на все епархии, кроме Рижской и Великого княжества Финляндского. В «Правилах» формулируются задачи, ставившиеся перед начальной церковной школой, называются преподаваемые предметы, приводятся требования, предъявляемые к педагогическому и руководящему составу, попечителям. В указе Св. Синода и циркуляре министра народного просвещения, изданных в 1884 г., упоминается взаимная помощь всех ведомств (государственных, церковных, общественных) в деле поиска средств на народное просвещение¹¹. После публикации «Правил» Св. Синод разослал епархиальным архиереям циркуляр «о всемерном поддержании и попечении церковно-приходского образования»¹².

4 мая 1891 г. были изданы «Высочайше утвержденные правила о школах грамоты», которые регламентировали деятельность этого типа школ¹³. Руководство ими поручалось опять же Св. Синоду.

Высочайше утвержденные 26 февраля 1896 г. «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты Ведомства Православного Исповедания»¹⁴ и «Положения о церковных школах ведомства Православного Исповедания» от 1 апреля 1902 г. заменили собой «Правила» 1884 и 1891 гг. и отразили изменения, произошедшие в системе церковных школ к началу XX в. По «Положению» они подразделялись на: «1) начальные, предназначенные для начального обучения детей и взрослых, и 2) учительские — для приготовления учителей в начальные школы. К первым относятся школы: грамоты, церковно-приходские и воскресные; ко вторым — второклассные и церковно-учительские»¹⁵.

«Положение» 1902 г. позволяет сравнить программы подготовки учителей в церковно-учительских школах и одногодичных и двухгодичных курсах при городских училищах МНП. Эти учебные заведения решали общую задачу: обеспечение кадрами растущей быстрыми темпами сети школ, реализация в будущем программы введения всеобщего начального образования в России. Анализ указанных документов дает возможность установить особенности подготовки педагогических кадров в Березовской второклассной школе.

В результате в течение короткого периода по всей стране было открыто большое количество школ, подведомственных Св. Синоду. К 1917 г. около половины всех учебных заведений севера Западной Сибири составляли церковно-приходские школы (ЦПШ).

Попытки активизации деятельности по созданию учебных заведений для коренного населения Сибири связаны с утвержденными 31 марта 1906 г. «Правилами о народных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России»¹⁶.

Следующий этап эволюции начальных учебных заведений наступает после принятия 25 июня 1912 г. «Положения о высших начальных училищах». В 52 параграфах законодательного акта подробно раскрываются основные вопросы организации и деятельности училищ данного типа: цель, структура управления, финансирование, «учебная часть», прием и выпуск учащихся и др.¹⁷ По распоряжению МНП состоялась реорганизация в высшие начальные училища всех городских училищ в Западно-Сибирском учебном округе¹⁸.

Выработанные МНП, одобренные Государственной думой и утвержденные императором 2 марта 1907 г. «Основные положения для введения всеобщего начального обучения в Российской Империи» дали импульс попыткам активизировать создание начальных учебных заведений в стране в целом и в Тобольской губернии в частности¹⁹. Анализ «Основных положений» позволяет соотнести планы представителей высшей власти по распространению грамотности в России с их практической реализацией на территории отдельных регионов, в том числе и на Севере Западной Сибири.

Ряд законодательных актов ограничивается лишь общими указаниями о необходимости открытия учебных заведений, их совершенствования или реорганизации. Устав духовных консисторий 1841 г. в ст. 14 предписывал епархиальным правлениям заботиться об открытии ЦПШ²⁰. Можно также отметить указ императора Николая I 1836 г. об открытии народных школ при церквях и монастырях, указ 1842 г., повелевавший Министерству государственных имуществ оказывать финансовую помощь в открытии приходских школ в своих землях, циркуляр Министерства государственных имуществ 1842 г., предусматривавший преобразование всех действовавших в казенных селениях школ в приходские и др.

Часть законодательных актов раскрывает вопросы функционирования органов управления учебными заведениями. «Определением» Св. Синода от 12—27 февраля 1885 г. учреждается особый совет «для заведывания церковно-приходскими школами»²¹. После издания «Правил» Св. Синод разослал епархиальным архиереям циркуляр о всемерном поддержании и «попечении церковно-приходского образования». В 1885 г. для высшего управления ЦПШ учрежден при Св. Синоде училищный совет, которому подчинялись епархиальные училищные советы с епархиальными наблюдателями, а тем в свою очередь (с 1888 г.) — уездные отделения советов с окружными наблюдателями. В ноябре 1884 г. такой совет был сформирован в Тобольской епархии²². Важным законоположением, регулирующим управление на местах, явились Высочайше утвержденные 25 мая 1888 г. «Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов». В 1894 г. учреждено высшее управление церковными школами при Св. Синоде.

Штат управления Западно-Сибирского учебного округа МНП, включавший должности директоров народных училищ, районных инспекторов был Высочайше утвержден 1 июля 1885 г. Закон 1908 г. разрешает введение еще одной должности инспектора с содержанием 2000 рублей в год и увеличивает суммы на осмотр учебных заведений²³.

В законодательных актах отразились вопросы финансирования школ, оказания им различных видов материальной помощи. Так, «Высочайше утвержденным Мнением Государственного Совета» от 2 ноября 1882 г. с 1883 г. Св. Синоду стали отпускать 55 500 рублей ежегодно на выдачу пособий и вознаграждений духовенству, на устройство и содержание школ для народного образования. Расходы по данной статье выросли в 1900 г. до 6,8 млн. рублей²⁴. Указом Св. Синода в том же 1886 г. было разрешено в крещенский праздник проводить кружечно-тарелочный сбор в пользу церковных школ. Полученные деньги должны были тратиться на приобретение классных и письменных принадлежностей, на проезд учителям к месту работы²⁵. Одобренный Государственной думой и Государственным советом 19 июня 1909 г. закон определил размер жалованья учителям ЦПШ Тобольской губернии в 360 рублей, законоучителям — 30 рублей в год²⁶.

Определенное значение имеют «Высочайшее повеление» от 29 сентября 1897 г. «Об отводе сельским начальным училищам от казны участков и о безденежном отпуске сим училищам казенного леса», «Положение о форменной одежде классных чинов МНП» от 30 октября 1897 г.²⁷ Законом 12 июня 1900 г. правительством был утвержден устав пенсионной кассы народных учителей и учительниц одноклассных и двухклассных министерских училищ²⁸. Действовать она стала с 1 января 1901 г. Устав определял правила вступления, порядок и сроки выплаты членских взносов, получения пенсии. 25 мая 1912 г. министром народного просвещения утверждены типовые планы народных школ, т.е. архитектурные проекты, по которым можно было возводить школьные здания.

Первая мировая война вынуждает вносить коррективы в законодательство о бюджетном финансировании учебных заведений. В частности, 30 июня 1916 г. Высочайше утвержден одобренный Государственным советом и Государственной думой закон о временном изменении норм пособий на «строительные нужды ЦПШ»²⁹.

Законодательный акт позволяет определить, на какие суммы могли рассчитывать епархиальные училищные советы, определяя затраты на строительство однокомплектной или двухкомплектной школы, каменного или деревянного здания, порядок предоставления ссуд, отчетность по их использованию, предоставление уездными советами необходимых документов³⁰.

Вопросы профессионального обучения в начальных школах были разработаны в «Инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ», утвержденной в 1875 г. Министерством народного просвещения³¹, «Положении о ремесленных отделениях по законам 21 апреля 1903 г. и 16 марта 1904 г...», утвержденном 8 ноября 1907 г. Министерством народного просвещения. Последний документ отрегулировал учебно-административную деятельность отделений. В «Положении» указывалось, что в низших и начальных народных школах разрешается обучать простым видам ремесла по обработке дерева и металла, а также организовывать специальные курсы и чтения, «полезные для промыслов местного населения». Приступить к практическому изучению ремесел могли лица обоего пола, причем не только дети, занимающиеся в школе или же ранее окончившие ее курс, но и любые подростки и взрослые. Продолжительность курса не регламентировалась. Все зависело от рода ремесла и подготовки учащихся³². На основании «Положения» было создано несколько ремесленных отделений и в школах севера Западной Сибири.

Некоторые законодательные акты посвящены проблемам частного характера, связанным с деятельностью конкретных школ и отдельных лиц. Например, вопрос о передаче в министерство народного просвещения Сургутской казачьей школы был решен «Мнением» Государственного совета, утвержденным Александром II 1 февраля 1877 г.³³

Программы учебных предметов ЦПШ и начальных училищ МНП, «правила для учеников», публиковавшиеся на страницах периодических изданий или отдельными брошюрами, дают возможность более детально разобраться в содержании образовательного процесса в школах и методике обучения³⁴. Программы испытаний на звание учителя или учительницы ЦПШ позволяют проследить те критерии и требования, которые предъявлялись к педагогам начальных школ³⁵.

Важнейшей группой источников для исследователя, занимающегося проблемами XIX—XX вв., является делопроизводственная документация, сосредоточенная в государственных архивах. Данная тема не является в этом отношении исключением. Можно выделить несколько блоков информации, относящейся к процессу становления, организации и функционирования учебных заведений, надзора за их деятельностью.

Огромное значение имеют прошения, рапорты, отчеты наблюдателей церковных школ Сургутского и Березовского уездов, журналы уездных отделений Тобольского епархиального училищного совета, донесения заведующих школами, учителей, благочинных в уездных отделениях, послужные списки учителей, школьные журналы и т.д.

Значительная часть этих документов сосредоточена в Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске». В фонде Тобольского губернского епархиального училищного совета (Ф. И-61) особое значение имеют отчеты наблюдателей церковных школ Сургутского и Березовского уездов. Помимо статистических сведений (общее количество школ, уровень их обеспеченности собственными помещениями, численность учащихся) они включают краткие сведения о педагогическом составе школ. Журналы уездных отделений епархиального училищного совета освещают вопросы, отражающие текущую жизнь учебных заведений — финансирование, строительство новых зданий, замещение вакансий и перемещение педагогов и т.п. Приходские священники, как правило, являлись одновременно и заведующими начальных учебных заведений Св. Синода, законоучителями. В фонде содержатся рапорты приходского духовенства, благочинных, касающиеся самых разных вопросов школьной жизни, — состояния обучения, содержания помещений, создания новых школ и др. Собственно же Тобольским епархиальным училищным советом составлялись ежегодные сводные отчеты и «отчетные сведения» о состоянии церковных школ в целом по епархии.

Надзор за деятельностью школ МНП осуществляло Управление Западно-Сибирского учебного округа, учрежденное 1 июля 1885 г. Попечителю учебного округа подчинялись директора народных училищ, а тем, в свою очередь, инспекторы районов.

Комплекс архивных материалов, относящихся к истории учебных заведений МНП севера Западной Сибири, хранится в фонде Инспектора народных училищ 1-го района (Ф. И-483). Документы этого фонда, включающие переписку заведующих училищ с инспектором, ведомости и отчеты отдельных учебных заведений, расписания экзаменов, счета на выписанную учебную литературу, планы переустройства учебных заведений и многие другие разносторонне характеризуют деятельность начальных школ Министерства народного просвещения.

Особый интерес имеет переписка по поводу организации и функционирования Ларьякского сельского училища, относящаяся к 1903—1916 гг. Донесения, расписки, рапорты заведующего училищем, известного краеведа Г.М.Дмитриева-Садовникова, наглядно демонстрируют сложное положение, в котором находился педагог в отдаленном северном краю, с какими проблемами ему приходилось регулярно сталкиваться. Дело о санитарном состоянии училищ включает «Опросные листы относительно училищных зданий и классной обстановки», на основании которых можно составить представление об обеспеченности школ пригодными помещениями и надлежащим числом учебных пособий. Необходимо также отметить дело о Сургутском учителе Ф.Иванове, обвиненном в нарушении общественного порядка и противодействии власти.

Отчеты, ведомости о состоянии отдельных учебных заведений различны по объему. Некоторые из них очень кратки, другие более подробны. Так, обобщающие сведения приводятся в отчетах по обзору училищ I-го инспекторского района Тобольской губернии за учебный год. Нередко к ним прилагались материалы инспекционных поездок, на основании которых можно более объективно оценить положение дел в обозреваемых школах.

Протоколы педагогического совета Березовского уездного училища имеют значение преимущественно для изучения вопроса об организации выпускных экзаменов в городских и сельских училищах края. Интерес представляют рапорты сельских учителей Г.М.Дмитриева-Садовникова, А.Сысоловой, П.Редикульцевой, Д.Башкуровой на имя инспектора народных училищ I-го района Тобольской губернии. Указанные источники помогают лучше понять интересы, условия повседневной жизни педагогов края.

В них содержатся жалобы на задержки жалования, на произвол местного начальства, вскрывающего переписку, просьбы о разрешении вступить в брак, об организации рождественской елки и др.

В фонде Тобольской духовной консистории (Ф. И-156) сосредоточены отчеты по обозрению школ благочинными. Регулярной проверке подлежали не только церковные учебные заведения, но и преподавание Закона Божия в светских школах. В рапортах о проведении инспекций указывались данные о времени начала занятий, соответствии уровня знаний учеников программе обучения.

Фонд директора народных училищ Тобольской губернии (Ф. И-5) содержит материалы ревизий училищ Министерства народного просвещения, документы, характеризующие развитие профессионального образования в крае. Особый интерес представляют отчеты о состоянии ремесленных отделений при сельских и городских училищах. Составители — заведующие отделениями — сообщают детальную информацию о численности и составе учащихся, подробно описывают оборудование мастерских, виды изготавливаемых учащимися изделий, рассказывают об организации учебного процесса.

Большое значение для понимания проблем, которые стояли перед народным образованием края, имеют материалы инспекций учебных заведений. Так, отчет о ревизии Сургутского мужского приходского училища, проведенной в сентябре 1897 г., включает характеристику состава учащихся, описание помещений школы, приложение в виде «Каталога книг фундаментальной и ученической библиотеки», акта осмотра училища. Следствием подобных проверок нередко были ходатайства об увеличении финансирования учебных заведений, выделении средств на строительство новых зданий.

В отчете о состоянии начальных народных училищ Тобольского, Березовского и Сургутского уездов информация представлена преимущественно в суммарном виде по школам 1-го инспекторского района в целом. На ее основе можно проследить лишь общие тенденции развития народного образования в трех северных уездах Тобольской губернии без детализации.

В фонде Тобольского губернского комитета попечительства о народной трезвости (Ф. И-193) имеется доклад делопроизводителя губернского комитета об инспекционной поездке в Березовский

уезд в 1912 г., журналы заседаний Березовского и Сургутского уездных комитетов попечительства. Культурно-просветительскими и досуговыми центрами в начале XX в. на севере Западной Сибири являлись так называемые «народные дома». В фонде имеются материалы, посвященные их строительству и открытию, организации концертов, спектаклей, вечеров, лекций, киносеансов, работе общественных столовых и чайных.

История образовательных учреждений, подведомственных Министерству народного просвещения, отражена в фондах Государственного архива Томской области. Первоочередное значение имеют те материалы, которые, в силу разных причин, не сохранились в фондах ГУТО ГА в г.Тобольске, а также сводные данные, на основе которых можно сопоставить уровень и специфику развития образовательных учреждений различных регионов Западной Сибири.

Так, в фонде Главного инспектора училищ Западной Сибири (Ф. 125) хранятся документы о ревизиях учебных заведений Тобольской губернии в 1850-е — середине 1880-х гг., отчеты по управлению Тобольской дирекции училищ, списки чиновников и учителей за различные годы, переписка по вопросу о передаче Сургутской казачьей школы в Министерство народного просвещения и др. В частности, в «Журнале по ревизии училищ Березовского и Тобольского округа, произведенной Директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 года» основное внимание составителем уделено организации учебного процесса, характеристике уровня подготовки учеников по различным предметам, качеству ведения школьной документации.

Интерес представляют также сведения о числе учащихся и содержании Сургутской казачьей школы, отчеты ремесленных отделений Березовского и Самаровского училищ, материалы, отражающие вопросы реорганизации системы наказаний учащихся, отказа от телесных наказаний в 1870-е гг.

На основе материалов фонда Управления попечителя Западно-Сибирского учебного округа (Ф. 126) воссоздается следующий этап развития образовательных учреждений края — 1885—1917 гг. Здесь могут быть вовлечены в научный оборот в основном статистические материалы, касающиеся развития начальных школ на территории Тобольского Севера, переписка директора училищ

Тобольской губернии с попечителем Западно-Сибирского учебного округа.

Среди материалов фонда следует указать на «краткие замечания по поводу осмотра начальных народных училищ» за различные годы, отчеты «по управлению», проекты реорганизации учебных заведений, в частности, преобразования трех- и четырехклассных городских училищ в высшие начальные, планы введения всеобщего начального обучения в крае. Однако увеличение числа начальных учебных заведений привело к тому, что в отчетной документации и переписке в меньшей степени теперь отражается специфика деятельности отдельных конкретных школ. Больше внимания стало уделяться сводным обобщающим данным, статистике.

Часть архивных документов, хранящихся в ГАТО и ГУТО ГА в г.Тобольске, к настоящему времени опубликована. В сборнике документов по истории Югры, сосредоточенных в Государственном архиве Томской области, один из разделов посвящен просвещению и образованию в крае в 1845—1930 гг.³⁶ Составители включили в него различного рода официальную документацию: переписку по вопросам организации учебных заведений попечителя Западно-Сибирского учебного округа и директора народных училищ Тобольской губернии, выдержки из журналов о результатах ревизии школ Березовского округа, экзаменационные ведомости, отчет о состоянии учебно-воспитательной работы в Березовском уездном училище в 1901/1902 учебном году, ходатайство и другие материалы, связанные с открытием в Березове Пушкинской библиотеки, статистические сведения.

Серия сборников документов, выпущенных под редакцией В.Я.Темплинга и С.В.Турова, раскрывающих историю православия на Тобольском Севере, включает в том числе и данные о церковно-приходских школах, школах грамоты, созданных по инициативе священно- и церковнослужителей, миссионеров, — Сосьвинской, Обдорской, Кондинской и др.³⁷ Некоторые документы (рапорты духовенства, отчеты, переписка) имеют прямое отношение к деятельности школ Березовского и Сургутского уездов в XIX в. В путевых заметках, журналах миссионеров нередко приводятся размышления авторов по поводу средств распространения просвещения среди коренных жителей.

К данной группе источников также относятся ежегодные отчеты епархиальных общественно-религиозных организаций. Согласно п. 22 «Правил о церковно-приходских школах», «в тех епархиях, где существует епархиальное церковное братство, заведующее церковно-приходским школами, Совету такого братства могут быть по усмотрению местного архиерея предоставлены права епархиального училищного совета»³⁸. При организации Братства св. вмч. Дмитрия Солунского в г.Тобольске в качестве одного из структурных подразделений создается училищное отделение, которому были переданы функции Епархиального училищного совета. Необходимость оказания помощи народному образованию отмечалась в уставе Братства св. вмч. Дмитрия Солунского от 1890 г.³⁹ В рубрике «Епархиально-училищное Отделение» отчетов Братства содержатся сведения об открытии и закрытии ЦППШ и школ грамоты Тобольской епархии в текущем отчетном году, о количестве обучавшихся в них мальчиков и девочек, получивших свидетельство о «знании курса», преподававших в школах светских и духовных лиц, числе правоспособных и неправо-способных учителей, школьных помещениях, источниках и размерах денежных пособий на содержание школ⁴⁰.

Тобольский отдел Императорского Православного Палестинского общества был организован в 1897 г. Уже со следующего года в Сургуте и Березове началось чтение лекций о Святой земле, о значении для христианина паломничества в места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, необходимости оказания сильной помощи в деле защиты православия в Палестине и др.⁴¹

Важное значение имеют материалы Тобольской периодики. На страницах официальных изданий помещались, прежде всего, различного рода отчетные материалы. Так, к опубликованной документации, следует отнести ежегодные отчеты Тобольского епархиального училищного совета и его отделений, а также уездных и епархиальных наблюдателей церковных школ⁴². Представляют интерес «Отчеты Обдорского миссионерского братства во имя Святителю Гурия архиепископа Казанского Свяжского Чудотворца»⁴³. Миссионерское братство занималось активной культурно-просветительской и благотворительной деятельностью, основные направления и результаты которой нашли освещение в его отчетах. Братство содержало за свой счет музей и библиотеку в Обдорске,

участвовало в организации лекций и спектаклей, сборе средств на благотворительные нужды.

В «Тобольских епархиальных ведомостях» регулярно публиковались ежегодные «Отчеты о состоянии церковных школ Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении»⁴⁴. В этом документе приводились в основном разнообразные статистические сведения: общее число церковно-приходских школ, количество учителей и учащихся, объемы финансирования, состояние библиотек при школах и т.п.

Вопросы школьной жизни находили отражение на страницах «Школьного листка» — приложения к «Тобольским епархиальным ведомостям»⁴⁵. Представляют особенный интерес материалы, касающиеся церковно-школьного дела епархии: объявления Тобольского епархиального училищного совета, исторические очерки, хроники из школьной жизни, информация о строительстве новых школ и учительских вакансиях. В «неофициальной части» «Тобольских епархиальных ведомостей» публиковались статьи, заметки, путевые дневники священников, на страницах которых находили отражение в том числе и вопросы школьного образования⁴⁶.

Такие же приложения выпускались с 1907 г. и к неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». В этом адресованном педагогам издании, называвшемся «Школьный отдел», внимание привлекают «Отчеты о состоянии начальных училищ Тобольской дирекции» Министерства народного просвещения за очередной год⁴⁷. К текстовому отчету прилагалось большое число различных «ведомостей», составленных в виде таблиц: «о числе учащихся...», «о расходе на содержание...», «о зданиях учебных заведений в санитарном отношении и о школьной мебели...», «о состоянии здоровья, заболеваемости и смертности учащихся...» и др. Сведения в таблицах сгруппированы по уездам и по типам учебных заведений. Публиковались также выдержки из протоколов заседаний съезда инспекторов народных училищ Тобольской губернии, постановления Тобольского уездного училищного совета по вопросам организации народного образования — открытия новых училищ, ремесленных отделений, рекомендации учебных пособий и т.п.⁴⁸

В обоих приложениях содержатся сведения о назначениях, перемещениях педагогического персонала, открытиях школ. Сообщались сведения о новых учебниках, методических и наглядных пособиях, о методике преподавания. Кроме того, в «Школьном отделе» печатались статьи публицистического характера⁴⁹.

В газете «Сибирский листок» помещались статьи, заметки, корреспонденции, раскрывающие отдельные дискуссионные вопросы истории народного образования на Тобольском Севере, дающие представление об отношении к народному образованию различных социальных групп, прежде всего интеллигенции⁵⁰.

Ежемесячно издававшиеся «Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу» дают возможность проследить служебный путь значительной части учителей Тобольского Севера, а также использовать различного рода организационно-распорядительную документацию, регулировавшую деятельность начальных школ⁵¹. Важное значение имеют опубликованные отчеты, обзоры за различные периоды времени, составленные учреждениями как МНП, так и духовного ведомства⁵².

На страницах периодических изданий разворачивались споры о судьбах народного образования. Защитники ЦПШ выступали в официальных церковных изданиях: «Прибавления к Церковным ведомостям», «Церковно-приходская школа», «Церковный вестник». Училищный совет при Св. Синоде выпускал журнал «Народное образование», в котором публиковались статьи по вопросам народного образования, воспитания и дидактики; обзора русско-и зарубежной педагогической литературы. Указанные материалы позволяют осмыслить общие тенденции развития педагогической мысли в России, определить, какие существовали планы и перспективы развития начальной школы в стране, оценить ситуацию в целом.

Так, в «Журнале министерства народного просвещения» (Санкт-Петербург, 1834—1917 гг.) помещались обзорные тематические статьи о новых формах обучения, читателя знакомили с состоянием просвещения в разных странах, обращалось внимание на научную жизнь Запада и Востока. В том числе можно обнаружить и публикации, относящиеся к Сибирскому региону.

Например, в статье «Передвижные школы Тобольской губернии» рассматриваются предпосылки появления в Тобольской губернии

учебных заведений данного типа, обусловленные, в первую очередь, географическими особенностями региона. Автор раскрывает краткую историю становления и развития передвижных учебных заведений в крае, сообщает интересные статистические данные о динамике роста их численности, приводит отклики населения о деятельности школ. Подборка выдержек из документов, помещенная в статью, разумеется, выполнена с некоторой тенденциозностью. Автору — директору народных училищ Тобольской губернии Г.Маляревскому — хотелось показать востребованность передвижных школ со стороны крестьян. Однако у нас нет оснований сомневаться в подлинности и ценности отмеченных фрагментов из отчетов и докладов, характеризующих отношение сельских жителей к обучению грамоте своих детей⁵³.

В хрестоматии по истории школы в Тобольской губернии помещены, хотя и в сравнительно небольшом объеме, материалы по деятельности образовательных учреждений севера Западной Сибири — преимущественно заметки, перепечатанные из местных периодических изданий⁵⁴.

Одной из серьезных трудностей, с которой приходится сталкиваться исследователю, является отсутствие детальной информации о деятельности отдельных школ края. Исключение составляют лишь учебные заведения наиболее крупных населенных пунктов — Березова, Самарово, Сургута и отчасти Обдорска. Подавляющее большинство школ являлось малокомплектными. Объективно не могло сохраниться много информации о находившемся в далекой сибирской глубинке учебном заведении, насчитывавшем 10—20 учеников при одном учителе. Сами педагоги, в массе своей, не были настолько разносторонними и творческими людьми, чтобы оставить после себя значительное эпистолярное наследие, публицистические произведения или другие источники, позволяющие раскрыть повседневную жизнь и быт школы в XIX — начале XX вв. Редкие исключения (например, активная научная, общественная и педагогическая деятельность Г.М.Дмитриева-Садовникова, Ф.Ф.Ларионова) лишь подтверждают общее правило.

Поэтому часто приходится опираться на материалы статистики, собранные и опубликованные в различных справочных изданиях, регулярно выходивших в свет, начиная с 1880-х гг., необходимых для понимания общих процессов, происходивших в системе

начального образования в рассматриваемый период. Следует отметить «Памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа», отражающие сведения по школам Министерства народного просвещения, «Тобольские епархиальные адрес-календари», «Справочные книги Тобольской епархии»⁵⁵. Особое значение имеют сводные таблицы, включающие перечень учебных заведений по типам и административно-территориальным единицам. Сопоставление данных по школам в справочных изданиях различных выпусков позволяет проследить динамику роста числа школ в течение 1880—1916 гг.

Статистические сведения собраны и приведены в ряде работ, авторами которых являлись служащие, руководившие народным образованием на территории Тобольской губернии⁵⁶. Вопросы современного состояния и перспектив развития народных школ освещались в различного рода отчетах, обзорах, составленных чиновниками Министерства народного просвещения⁵⁷. В частности, справочный материал о народном образовании Тобольской губернии второй половины XIX в., ценные статистические сведения о численности школ, в том числе и на севере Западной Сибири, приводятся в очерке инспектора народных училищ Е.Ф.Соколова⁵⁸. Однако в целом следует отметить, что краткость и суммарность данных статистики не дает возможность рассмотреть историю начального образования региона в конкретных деталях.

Определенное значение для раскрытия темы имеют также источники личного происхождения. Интересные эпизоды о Самаровском мужском приходском училище на страницах своего краеведческого исследования приводит «первооткрыватель» жемчужин древнерусской литературы Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Х.М.Лопарев — исследователь памятников древней письменности, знаток русско-византийских отношений, археограф и источниковед, оставивший потомкам более сотни опубликованных трудов, высоко оцененных научной общественностью, многие из которых сохраняют научное значение и до настоящего времени. Трогательная любовь к своей родине и землякам заставляют его обратиться и к краеведческой проблематике, к описанию истории своего родного села Самарова. Книга проработана автором с большой тщательностью, наполнена значительным количеством редких материалов книг и архивных источников, а также собственных

воспоминаний. Первоначальное образование Х.М.Лопарев получил в приходском училище, где ребят учили по старинке безо всяких педагогических новшеств. Х.М.Лопаревым рассказывается о своеобразных особенностях обучения, характеризуются первые учителя, организация учебного процесса. Например, он отмечает, что основным учебником была псалтырь, а главным приемом обучения — наказание за нерадивость. Первые годы в самаровской школе занятия продолжались с осени до конца зимы, весной ребят распускали по домам «для помощи родителям». Заканчивавшие приходскую школу разбирались в Священном Писании, знали краткий Катехизис и основы богослужения⁵⁹.

Важным источником информации о становлении системы начального образования в середине XIX в., основанном как на личных впечатлениях автора, так и на документах, является работа одного из основоположников исторического краеведения в Сибири Н.А.Абрамова⁶⁰.

Воспоминания заведующего Березовским трехклассным училищем Ф.Ф.Ларионова дают представление о повседневной жизни березовцев в начале XX в. В том числе автором затрагиваются сюжеты, относящиеся к обучению детей горожан, организации внеклассных мероприятий⁶¹.

Воспоминания Сургутского уездного исправника о некоторых аспектах деятельности местного комитета попечительства о народной трезвости приводятся в подготовленном Государственным музеем природы и человека историко-краеведческом сборнике⁶².

Огромный вклад в выявление и публикацию материалов об истории Тобольского Севера в XIX—XX вв. внес В.К.Белобородов. В издаваемых под его редакцией краеведческих альманахах «Подорожник» увидели свет дневники, воспоминания, частная переписка, газетные и журнальные статьи людей, чья жизнь так или иначе была связана с Югрой. В своих сочинениях они затрагивали вопросы образования и просвещения — это дневники ссыльной Евы Фелиньской, статья учителя И.Суханова, заметки священнослужителя З.Козлова и др.⁶³

Таким образом, использование источников личного происхождения позволяет нам раскрыть тот пласт проблем, который входит в понятие повседневной истории — интересы и увлечения педагогов за пределами школьных стен, их жизнь и быт.

Подводя итог, следует отметить, что при разработке темы приходится сталкиваться с рядом непростых проблем. Определенную сложность для исследователя создает то обстоятельство, что территория севера Западной Сибири в современных административных границах (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) располагается полностью или частично на территории четырех уездов Тобольской губернии начала XX в. — Березовского, Сургутского, Тобольского и Туринского. Первый инспекторский район Тобольской дирекции Западно-Сибирского учебного округа объединял лишь первые три уезда. Все это затрудняет обобщение и сопоставление статистических данных.

Другая проблема — периферийность региона относительно основных административных, экономических и культурно-просветительских центров Сибири, из-за чего история школ, их повседневная деятельность лишь эпизодически отражались в публицистике, научной литературе.

Третья проблема — отсутствие единой системы управления начальным и средним образованием в XIX—XX вв., что приводит к распыленности документальных комплексов по архивам и фондам. В основном учебные заведения края находились в ведении двух ведомств — Св. Синода и Министерства народного просвещения. Однако в определенные периоды функционировали школы военного ведомства (Сургутская казачья), Министерства государственных имуществ. Особую группу составляли земские школы.

Четвертая сложность состоит в плохой сохранности первичной отчетности, исходящей непосредственно от учебных заведений. В сводных отчетах информация приводится, как правило, в суммарном виде. Указанный пробел отчасти может быть восполнен за счет выявления непосредственно исходящей от начальных учебных заведений документации в фондах учреждений, руководивших народным образованием.

Пятая проблема — неполнота, отрывочность информации по многим важным вопросам истории начального образования. В частности, сохранилось очень мало сведений, раскрывающих биографии учителей, их творческие портреты и личностные характеристики. Недостаточно данных и о взаимодействии школ с местным населением, о ранних этапах становления образовательных учреждений в крае. Более детальные данные имеются

по вопросам финансирования школ, материального положения педагогического состава. Именно организационно-финансовым вопросам (финансированию, содержанию школьных зданий и помещений, снабжению учебными пособиями и т.п.) посвящена львиная доля переписки между заведующими школ и вышестоящими учреждениями.

Тем не менее, объем и многообразие рассмотренных выше групп источников в целом позволяют воссоздать основные вехи истории возникновения и развития, важнейшие направления деятельности образовательных и культурно-просветительских учреждений на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв.

Примечания

¹ Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902) / С.В.Рождественский. — СПб., 1902. — С. 43, 52; Фармаковский, Вл. Начальные школы Министерства народного просвещения / Вл.Фармаковский. — СПб., 1900. — С. 24.

² См.: Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. — Тюмень, 2001. — С. 70—72; О приходских училищах по Уставу 1828 года // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. I. — СПб., 1912. — Ст. 3426—3468; Об уездных училищах // Свод Законов... — Ст. 3246—3337.

³ Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1876. — С. 1342—1345. — Ст. 2—10; С.В.О. О начальном народном образовании и об участии в нем духовенства // Пермские епархиальные ведомости (далее — ПЕВ). — 1867. — № 5. — С. 78.

⁴ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902) / С.В.Рождественский. — СПб., 1902. — С. 449—450.

⁵ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1906. — № 7. — С. 145.

⁶ О начальных народных училищах // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. I. — СПб., 1912. — Ст. 3469—3511.

⁷ О городских училищах по Положению 1872 года // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. I. — СПб., 1912. — Ст. 3112—3162.

⁸ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1902. — № 4.

⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. — Томск, 1909. — С. 275.

¹⁰ Правила о церковно-приходских школах (высочайше утвержд. 13 мая 1884 г.) // Тобольский епархиальный адрес-календарь. — Тобольск, 1884. Приложение. — С. 86.

¹¹ Правила о церковно-приходских школах... — С. 86.

¹² Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ Тобольской епархии. 13 июня 1884 г. — 13 июня 1894 г. — Тобольск, 1894. — С. 2.

¹³ Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию / А.С.Пругавин. — СПб., 1904.

¹⁴ Краткий отчет Тобольского епархиального училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1896/97 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). — 1898. — № 3. — С. 42.

¹⁵ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. — 1902. — № 15—16, 14 апреля. — С. 79—87.

¹⁶ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1906. — № 7.

¹⁷ Положение о высших начальных училищах // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. I. — СПб., 1912. Неофиц. приложения. — С. 452—459; Журнал министерства народного просвещения. — 1912. — № 9.

¹⁸ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1914. — № 9—10.

¹⁹ Основные положения для введения начального обучения в Российской Империи // ТЕВ. — 1913. — № 11. — С. 220—224.

²⁰ Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902) / С.В.Рождественский. — СПб., 1902. — С. 283; Устав духовных консисторий. — СПб., 1841. — Ст. 14.

²¹ ТЕВ. — 1885. — № 8. Отдел офиц. — С. 15—17.

²² Головин, П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ Тобольской епархии. 13 июня 1884 г. — 13 июня 1894 г. / П.Д.Головин. — Тобольск, 1894. — С. 2.

²³ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. — Томск, 1909. — С. 1.

²⁴ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее 20-летие (1884—1904). — СПб, 1909. — С. 5—15.

²⁵ Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1886—1887 учебном году // ТЕВ. — 1888. — № 3—4. — С. 68.

²⁶ ТЕВ. — 1913. — № 19. — С. 108.

²⁷ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1897. — № 9—10.

²⁸ Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. X. Народное образование в России. — М, 1910. — С. 165.

²⁹ Циркулярные предложения Тобольского епархиального Училищного Совета Уездным Отделениям Совета // Школьный листок при ТЕВ. — 1916. — № 16. — С. 123—124.

³⁰ Там же. — С. 124—125.

³¹ Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства министерства Народного Просвещения с Приложениями. — Томск, 1913. — Приложения. — С. 3—21.

³² Положение о ремесленных отделениях по законам 21-го апреля 1903 г. и 16-го марта 1904 г. при низших общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. — 1908. — № 4. — С. 1—4.

³³ Государственный архив Томской области. — Ф. 125. — Оп. 1. — Д. 334. — Л. 32.

³⁴ Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения. — Томск, 1897; Правила для учеников уездных и городских училищ Западно-Сибирского учебного округа. — Омск, 1886 и др.

³⁵ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Ч. 3. — Тобольск, 1913. — С. 54—56.

³⁶ История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области) / Отв. ред. О.Б.Беликова. — Томск, 2006. — С. 163—323.

³⁷ Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я.Темплинга. — Тюмень, 2004; Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / Сост., вступ. ст. и коммент. С.В.Турова. — Тюмень, 2004; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: Источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. — Тюмень, 2006.

³⁸ Правила о церковно-приходских школах (высочайше утвержд. 13 мая 1884 г.) // Тобольский епархиальный адрес-календарь. — Тобольск, 1884. — Приложение. — С. 90.

³⁹ Устав Тобольского Православно-церковного Братства св. Великомученика Дмитрия Солунского. — Тобольск, 1890. — С. 6.

⁴⁰ Отчет о деятельности Тобольского епархиального Братства св. Великомученика Дмитрия Солунского за 1892/93 г. — Тобольск, 1893. — С. 12—16; Деятельность Тобольского епархиального Православно-церковного Братства Святого Великомученика Дмитрия Солунского за 1893—94 г. — Тобольск. 1894. — С. 32—33; Деятельность Тобольского епархиального Православно-церковного Братства Святого Великомученика Дмитрия Солунского за 1894—95 г. — Тобольск, 1895. — С. 32—33; Деятельность Тобольского епархиального Православно-церковного Братства Святого Великомученика Дмитрия Солунского за 1896/97 г. — Тобольск, 1898. — С. 22—25; и пр.

⁴¹ Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1898/99 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. — 1899. Май—август. — С. 456; Деятельность отделов... в 1899/1900 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. — 1900. Июль—октябрь. — С. 570.

⁴² Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1886/87 учебном году // ТЕВ. — 1888. — № 3—4; Отчет о состоянии церковно-приходских школ Тобольской епархии // ТЕВ. — 1887. — № 13—14; Церковно-приходские школы в Тобольской епархии. Из отчета за 1888/98 гг. в Училищный Совет. Извлечение из ТЕВ. 1898. № 3—4, 5—6, 7—8. — Тобольск, 1898; Отчет Тобольского епархиального Училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894/95 учебный год. — Тобольск, 1896. — Приложения; Краткий отчет Тобольского епархиального Училищного Совета о церковно-приходских школах грамоты за 1896/97 учебный год // ТЕВ. — 1898. — № 3. — С. 42—45; Двадцатипятилетие церковных школ в Тюменском уезде // Школьный листок при ТЕВ. — 1910. — № 8, 11 и др.

⁴³ Отчёт Обдорского миссионерского братства во имя святителя Гурия, архиепископа Казанского и Свяяжского Чудотворца с 8 сентября 1904 г. по 4 октября

1905 г. — Тобольск, 1905; Отчёт Обдорского миссионерского братства... с 4 октября 1905 г. по 4 октября 1906 г. — Тобольск, 1907; Отчёт Обдорского миссионерского братства... с 4 октября 1906 г. по 4 октября 1907 г. — Тобольск, 1908; Отчёт Обдорского миссионерского братства... с 4 октября 1913 г. по 4 октября 1914 г. // ТЕВ. — 1915. — № 6; Отчёт Обдорского миссионерского братства... за 1913—1914 г. // ТЕВ. — 1915. — № 7, 9; Отчёт Обдорского миссионерского братства... с 4 октября 1915 г. по 4 октября 1916 г. — Тобольск, 1916.

⁴⁴ Постановление Тобольского Епархиального Училищного Совета. 15 марта 1885 года // ТЕВ. — 1885. — № 11—12. — С. 124—128.

⁴⁵ См., напр.: Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год // Школьный листок при ТЕВ. — 1912. № 5. — С. 51—55; Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии за 1915/16 учебный год // Школьный листок при ТЕВ. — 1916. — № 18. — С. 137—140 и др.

⁴⁶ См., напр.: Козлов, З. Об инородческом севере / З.Козлов // ТЕВ. — 1911. — № 5. — С. 122—127; Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Сургутского и Тобольского уездов // ТЕВ. — 1911. — № 20. — С. 487—495; Каюков, П. В чем должна выражаться церковность в церковных школах? / П.Каюков // ТЕВ. — 1911. — № 21. — С. 506—509.

⁴⁷ См., напр.: Маляревский, Г. Отчет о состоянии училищ Тобольской дирекции за 1907 год / Г.Маляревский // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. — 1908. — № 11. — С. 8—12 и др.

⁴⁸ См., напр.: Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. — 1907. — № 4. — С. 1—3; 1908. — № 17. — С. 2—3 и др.

⁴⁹ См., напр.: Гинцель, П. Религиозно-нравственное воспитание в начальной школе / П.Гинцель // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. — 1913. — № 13. — С. 1—4.

⁵⁰ Учитель П.Ив-ев. Неотложная помощь / Учитель П.Ив-ев // Сибирский листок: 1912—1919. — Тюмень, 2003. — С. 234; Зальмуни, И.И. Письма с Севера. Письмо третье / И.И.Зальмуни // Сибирский листок: 1901—1907. — Тюмень, 2003. — С. 78 и др.

⁵¹ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — Томск, 1888—1916.

⁵² См., напр.: Краткий обзор деятельности Западно-Сибирского учебного округа за 25 лет. 1885—1910 гг. // Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1910. — № 7—8.

⁵³ Маляревский, Г. Передвижные школы Тобольской губернии / Г.Маляревский // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1912. — С. 41—56.

⁵⁴ Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. — Тюмень, 2001.

⁵⁵ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. — Томск, 1889; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. — Томск, 1890; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. — Томск, 1897; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа

на 1909 год, с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. — Томск, 1909; Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск, 1913; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901 г. — Тобольск, 1900—1901; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1903 г. — Тобольск, 1903; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1908 г. — Тобольск, 1908 и др.

⁵⁶ См., напр.: Курочкин, И. Сведения о состоянии и нуждах начального народного образования в Тобольской губернии в 1904 г., с планом последовательного развития средств начального образования губернии до полного достижения доступности его / И.Курочкин. — Тобольск, 1905.

⁵⁷ См., напр.: Маляревский, Г.Я. Передвижные школы в Тобольской губернии / Г.Я.Маляревский // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. — 1911. — № 20. — С. 4—10; № 21. — С. 1—9.

⁵⁸ Соколов, Е.Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896/97 учебный год (Статистический очерк) / Е.Ф.Соколов. — Тобольск, 1898.

⁵⁹ Лопарев, Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом / Х.М.Лопарев. — Тюмень, 1997. — С. 145—147.

⁶⁰ Абрамов, Н.А. Описание Березовского края / Н.А.Абрамов. — Шадринск, 1993. — С. 39—41.

⁶¹ Ларионов, Ф.Ф. Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири / Ф.Ф.Ларионов. — Шадринск, 1993.

⁶² «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север»: Историко-краеведческий сборник. — Сургут, 2002.

⁶³ Суханов, И. К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Березовского края / И.Суханов // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. — Тюмень, 2005. — С. 67—70; Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она написала в Березове // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 6. — Тюмень, 2005. — С. 7—131; Описание прихода села Чемашевского Березовского уезда, составленное священником Зосимой Козловым // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 8. — Ханты-Мансийск, 2008. — С. 48—53.

Глава 7

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТА ВЛАСТИ НА РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

В исследованиях последних лет обозначилась тенденция к росту внимания исследователей к источниковедческим и историографическим аспектам изучения истории предпринимательства в Западной Сибири эпохи капитализма и это явление не случайно.

Сибирь как часть России является объектом познания не одного поколения историков, философов, экономистов, политиков и управленцев. Актуальность изучения истории торгового предпринимательства, взаимоотношений власти и торгового класса Западной Сибири эпохи капитализма определяется не только, а в современном контексте не столько научными интересами историков, поиском новых теоретических и методологических подходов к ее оценке, сколько поиском новых управленческих решений, эффективность которых во многом зависит от степени учета исторического опыта восстановления прерванной преемственности традиций предпринимательства, меценатства и механизмов взаимодействия властных институтов с этой социально-экономической средой. Поэтому весьма актуальными становятся сейчас задачи изучения, а точнее, нового прочтения исторических источников периода XIX — начала XX вв., их систематизации и источниковедческого анализа. Требуется осмысления накопленный исторической наукой опыт изучения проблемы предпринимательства в России и в Сибири в период капитализма.

При изучении истории предпринимательства Западной Сибири многие авторы используют термин Зауралье, что позволяет значительно расширить географические границы исследования вплоть до Ямала.

Первый этап пришелся на пореформенную эпоху, когда основное внимание авторы исследований уделяли изучению истории

различных отраслей экономики края. По такому же пути шло изучение этой тематики на советском этапе развития исторической науки. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением Е.П.Хорьковой о том, что в советский период «история предпринимательства и меценатства попала в сильный информационный вакуум: имеющиеся сведения либо умалчивались, либо подавались тенденциозно». Объясняет она это историографическое явление тем, что «носители предпринимательских отношений и само предпринимательство были списаны в архивы истории как не имеющие перспективы развития»¹.

Этой же точки зрения придерживаются А.В.Старцев и Ю.М.Гончаров, указывая на тенденциозность и избирательность в подходе к интерпретации фактов досоветской истории России и Сибири. Хотя они же отмечают, что «нельзя говорить о том, что данная проблема в советской исторической и экономической науке совершенно не рассматривалась. Другое дело то, что это изучение получило одностороннее развитие». Перед учеными ставилась задача не исследовать, а, говоря словами Ленина, «раскрывать глаза рабочему классу на буржуазию». Такое требование неизбежно обуславливало избирательный подход к фактам и их тенденциозную интерпретацию в духе исторического материализма, являвшегося единственной официально разрешенной методологией исторических и экономических исследований. Как справедливо отмечают А.В.Старцев, Ю.М.Гончаров, в советской науке предпринимательство рассматривалось почти исключительно с точки зрения реализации материальных интересов, причем влияние материального фактора зачастую игнорировало индивидуально-конкретные черты предпринимательства, устраняло свободу и творчество личности в процессе хозяйственной деятельности. В этой связи можно вполне обоснованно говорить о том, что в советскую эпоху история предпринимательства рассматривалась, прежде всего, как пропагандистская проблема, имевшая совершенно определенную идеологическую направленность. Практически во всех исследованиях по данной тематике господствовало упрощенное понимание социальных процессов, которое искусственно разрывало сложнейшее взаимопереплетение и взаимовлияние экономических, политических, социокультурных и духовно-нравственных форм жизнедеятельности общества².

Следует заметить, что российское дореволюционное торговое законодательство называло предпринимателя купцом, коммерсантом. В бывшем СССР фигура предпринимателя впервые приобрела легальное признание только после вступления в силу с 1 мая 1987 г. закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», следовательно, об изучении предпринимательства в современном толковании этого явления в советский период речи идти не могло, т.к. под запретом фактически был сам термин.

В течение долгого времени понятия «предпринимательство» и «предприниматель» являлись синонимами бесспорно отрицательного, «чуждого» социализму явления и практически не использовались в официальном историко-экономическом лексиконе. А вот вопросам изучения «разрешенной» государством истории купечества, экономической истории, процессам формирования капиталистических отношений, роли государства в капиталистическом развитии страны уделялось значительное внимание, при этом в научный оборот было введено огромное число исторических источников³. Заметим, что пик изучения разрешенных тем по истории, в том числе истории экономики, пришелся на 1960—1980-е гг. Особое внимание в этот период историки уделяли изучению вопросов источниковедческого анализа дореволюционного документального комплекса.

Действительно, многие советские словари и справочники, даже специальные, вообще не содержали этих терминов, например, в БСЭ можно найти лишь такие определения, как «купечество», «торговля», «торговый капитал», причем, естественно, с обличительно-социальным подтекстом. В научной литературе зарождение теории предпринимательства обычно связывают с именем Р.Кантильона, который ввел в оборот понятие «предприниматель» и выделил предпринимательство в качестве особой экономической функции.

Изучение механизма влияния института государственного управления на развитие торгового предпринимательства в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. стало предметом пристального внимания со стороны ученых сравнительно недавно, поэтому данная проблема на общетеоретическом уровне разработана еще недостаточно. Вопросы правовой политики государства и правового регулирования управления предпринимательской

сферой именно применительно к условиям Сибири в исторических рамках подробно не освещались. Исследователями рассматривались лишь отдельные вопросы регулирования торговой предпринимательской деятельности в рамках исторического развития системы органов государственной власти и местного самоуправления на территории Сибири. В историографии изучения указанных проблем мы условно выделяем три периода, различных по степени интенсивности исследовательской деятельности, по широте охвата заявленной проблемы, по идейно-политическим ориентирам: дореволюционный, советский и постсоветский. Институт губернаторской власти получил отражение еще в работах дореволюционных авторов И.А.Блинова, А.Д.Градовского, С.А.Корфа, В.М.Гессена, А.В.Лохвицкого, О.Эйхельмана, которые придерживались преимущественно формально-правового подхода, уделяли первостепенное внимание анализу статей действующего законодательства, определявших основы функционирования губернаторского корпуса⁴.

Начальный этап исследования истории торговли приходится на вторую половину XIX в. — время новых явлений, связанных с реформами. Работы этого периода (Н.М.Ядринцев, Кл.Оланьон, И.Завалишин, М.Боголепов, З.Вольский, П.М.Головачев, А.А.Дунин-Горкавич, Н.В.Шелгунов, М.Стопановский, Н.А.Абрамов и др.) были написаны «по горячим следам», часть из них является еще и ценным историческим источником. Из работ зарубежных исследователей института губернаторской власти следует выделить монографию и статьи доктора истории Университета Нью-Мехико Р.Роббинса⁵. Новизна его подхода заключается в том, что в изучении института губернаторской власти в системе государственного управления дореволюционной России Роббинс идет непосредственно от носителей этой власти — губернаторов. Полагая, что эффективность службы начальников губерний определялась не только законодательно закрепленной компетенцией, но и личностными качествами «хозяев губернии», Роббинс уделяет внимание анализу таких неформальных факторов, как профессиональные способности губернаторов, их образовательный уровень, наличие у них родственных связей в высшей бюрократической элите, роли протекции в назначениях на губернаторский пост и др. Исследователь указывает на существенный харизматический аспект, заключенный

в губернаторской власти, указывает, что связь с монархом и возможность считать себя его представителем на местах была для российских губернаторов важным моментом как в идеологическом, так и в эмоциональном плане. Губернаторы информировали императора о состоянии местного управления, давали свое видение перспектив его развития в ежегодных всеподданнейших губернаторских отчетах. К исследованию губернаторских отчетов как историческому источнику в своих работах обращаются такие авторы, как М.М.Шумилов, Н.П.Дятлова, Б.Г.Литвак и А.С.Минаков⁶.

Среди работ современных исследователей губернаторского аппарата власти России следует отметить диссертационные исследования Л.Е.Лаптевой «Местное управление в пореформенной России (1864—1905 гг.): Историко-правовое исследование» (М., 2002) и В.А.Козлобаева «Институт губернаторской власти в механизме управления Российской Империей, 1860-е — начало 1880-х гг.: Историко-правовое исследование» (Тамбов, 2007). Изучению организации местного самоуправления и его взаимодействию с губернаторским институтом посвящено исследование Л.А.Ереминой «Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: структура, функции, основные направления деятельности» (Новосибирск, 2001).

Подводя итог анализу научной литературы, необходимо отметить, что к настоящему времени имеется солидная база научных исследований, в той или иной мере затрагивающих интересующую нас проблему. Между тем работ, ставивших задачу системного исследования механизмов влияния института власти на развитие торгового предпринимательства в Западной Сибири второй половины XIX — начала XX вв. с позиций исторического, источниковедческого, формально-юридического, институционального и социально-психологического подходов, с привлечением широкого круга источников (нормативно-правовых актов, материалов делопроизводства органов центрального и местного управления, преимущественно архивных, мемуаристики, периодики, статистики и др.), с анализом всероссийского и регионального материала, практически нет.

Серьезное изучение источниковой базы истории сибирского предпринимательства эпохи капитализма до сих пор не проводилось, отсутствует их единая классификация и типологизация, в то время как история предпринимательства изучается весьма активно.

Сегодня источники по истории Западной Сибири эпохи капитализма — это, как правило, емкие информационные ресурсы. В их состав входят разнообразные по содержанию, структуре, технологии формирования и организации информационные массивы: библиотечные, архивные и иные документальные фонды, базы данных, электронные издания и библиотеки, другие информационные продукты.

Экономическая история Западной Сибири эпохи капитализма — это сложная, многоаспектная тематика. История предпринимательства — одна из наиболее популярных тем исследования, но в настоящее время перед исследователями помимо поисков и введения в научный оборот новых фактов стоит задача в первую очередь теоретического осмысления феномена предпринимательства.

В последнее время активно используются компьютерные информационные технологии, стимулирующие вовлечение в научный оборот значительного числа источников за счет привлечения электронных документов, количество которых стремительно увеличивается. Введение в научный оборот новых документов далеко опережает их источниковедческое изучение, но способствует ли эта «электронизация» развитию истории? В рамках традиционного источниковедения специфика и место электронных документов (ЭД) пока не изучена и не определена. В конце XX в., выделив в самостоятельную группу электронные документы, архивисты предложили распределить их на 3 группы:

1) оцифрованные ЭД (документы, полученные в результате конверсии бумажных или технотронных документов в цифровую форму);

2) современные ЭД (документы, которые существуют только в цифровом виде);

3) ЭД, которые являются продуктами различных безбумажных технологий (электронная почта, цифровые фотографии)⁷.

Исследователь проблемы включения ЭД в научный оборот Ю.А.Русина закономерно ставит вопрос о необходимости изучения источниковедением проблем использования историками ЭД, разработки их классификации и определения их места в ряду других исторических источников⁸. Автор указывает, ссылаясь на мнение Е.В.Злобина⁹, что традиционно выделенные в источниковедении семь (Л.Н.Пушкарев) и четыре (И.Д.Ковальченко) типа

источников полностью или частично могут быть перенесены на цифровые носители. В таком случае ЭД можно представить как некую специфическую форму существования традиционных исторических источников в машиночитаемой форме, имеющей интегральный характер. В то же время как новый тип исторических источников ЭД имеют свои разновидности: базы данных, отдельные файлы, гипертекст и т.д. Возникает ряд вопросов: насколько такие источники жизнеспособны, как долго они будут сохранять свои свойства и существовать вообще; может ли историк-профессионал доверять электронным документам, ведь наличие технологического компонента усложняет источниковедческий анализ, который необходимо дополнять изучением программной оболочки, что уже относится к области исторической информатики. Историки, как правило, не имеют специальной технической подготовки.

Исследователю, как нам видится, более «комфортно», хотя и трудоемко работать с документом на бумажном носителе, исследовать первоисточник, нежели обращаться к весьма сомнительной его электронной копии. Хотя в данном случае, принимая во внимание принятую правительством России программу «Электронная Россия» и ведущуюся в рамках этой программы всеми государственными архивами страны работу по переводу большей части документального дореволюционного фонда в электронную форму, у исследователей остается все меньше выбора.

Любой документ, вне зависимости от цели его создания, места, времени возникновения, авторства, несет в себе информацию, которая может быть востребована через некий временной период. Где проходило накопление документов? Ответ очевиден — архивы, библиотеки, музеи. А где будут храниться новые источники — электронные документы, web-документы? Споры о том, как решить эти и многие другие проблемы, ведутся в научном сообществе уже несколько лет, но по-прежнему далеки от завершения.

Резкий рост информационных потоков ставит историков-профессионалов в тяжелое положение. Если ранее ученый был в состоянии прочитать практически все наиболее значимые публикации, связанные с интересующей его проблематикой, то сегодня, в век информационных технологий, сделать это нереально. Ежеминутно, как отмечает И.В.Сибиряков¹⁰, увеличивается сектор

информации, содержащий много «информационного мусора» и «информационного шума», отделить информационные зерна от плевел в условиях Интернет-технологий становится все труднее, но есть и пища для размышлений.

Проблема использования в исторических исследованиях ЭД — это, прежде всего, проблема понятия электронных документов, признания их исторической ценности и юридической силы, достоверности, подлинности. Юридическую силу документу на традиционных бумажных носителях придают различные признаки: внешний вид, носитель, реквизиты.

Анализируя исторические источники на бумажных носителях, исследователь самостоятельно, так сказать опытным путем, может установить дату, место происхождения источника, его авторство и т.д., а что считать юридической силой ЭД? Как определить его подлинность?

С хранением и использованием электронных документов связаны определенные технические и юридические сложности, по крайней мере в нашей стране. Как защитить электронный документ от возможного несанкционированного изменения, как определить его авторство, происхождение, время создания и историческую ценность, как правильно сделать ссылку на электронный документ, базу данных и т.д., как не попасть в ситуацию с обвинением в плагиате или нарушении авторского права, и наконец, какое оно авторское право на интернет-ресурсы и электронные документы? Отвечать на поставленные вопросы становится все сложнее.

Основным направлением развития теории и методики исторического исследования в XIX в. стала практическая разработка методов и приемов анализа источников, затем критики источников¹¹, в XX в. это направление активно совершенствовалось, XXI век ставит перед исследователями новые задачи.

Анализ современных научно-исследовательских публикаций показывает, что исследователи все чаще привлекают в своих работах материалы, не прошедшие стадию источниковедческого анализа, что, по нашему мнению, обусловлено многими факторами. Во-первых, краткие обзоры источников, которые, как правило, присутствуют в работах любого уровня, явно недостаточны, во-вторых, авторы, обращаясь к пристатейным ссылкам в публикациях

коллег-исследователей, совершенно естественно доверяют им и используют уже в своих работах, что приводит в ряде случаев лишь к декларированию факта, а не к его всестороннему осмыслению и выявлению закономерностей его появления.

Традиционной для исторической науки проблемой остается осмысление места Сибири в истории, экономике и в целом в развитии России. А современный контекст еще добавляет вопрос об осмыслении ее значения. Сибирь — как сырьевой придаток или самостоятельная динамично развивающаяся территория-субъект?

Развитие хозяйственных систем в Сибири шло по двум направлениям, основанным на сплаве двух «цивилизаций», — с одной стороны, капиталистического общества, представителями которого являлись предприниматели с капиталом в промышленности и производстве, а также торгующий класс — купечество и торговцы, с другой — крестьянства, породивших особую, пользуясь терминологией А.С.Ахиезера¹², «промежуточную» цивилизацию. В стране со столь разными экономико-географическими, этническими и политическими условиями центральная власть вынуждена была проводить гибкую административную политику, допуская в известных пределах региональный плюрализм.

Выделение в качестве объекта исследования властных институтов необходимо. Это обусловлено, с одной стороны, наличием их влияния на состояние и жизнедеятельность предпринимательской среды, с другой стороны, неизученностью данной проблематики, в особенности, неразработанностью источниковедческих и историко-правовых аспектов темы по причине слабой изученности источниковой базы периода капитализма по истории взаимозависимости органов управления и сибирского предпринимательства, в первую очередь — гильдейского купечества.

Сложившаяся в Российской империи к середине XIX в. система государственного управления с ее механизмами и принципами функционирования в сфере регулирования управления экономическим развитием Западной Сибири опиралась в первую очередь на институт губернаторской власти, а он в свою очередь взаимодействовал с выборными органами — городскими думами.

В то же время, как отмечают современные исследователи истории самоуправления России, не стоит преувеличивать стремление центральной администрации к гибкой сбалансированной

управленческой политике в Сибири после начавшихся в стране либеральных преобразований, вызванных отменой крепостного права. Реформа административного управления в 80—90-е гг. XIX в. (в период так называемых контрреформ) явилась одним из звеньев в цепи имперских преобразований в Сибири. В сибирской административной политике рубежа XIX—XX вв. отчетливо просматривается генеральная линия, нацеленная на постепенную унификацию сибирского управления и сближение административного устройства Сибири и центра России. Назревание кризиса традиционной имперской политики к концу XIX в. затронуло и сферу управления. Он был вызван усиливавшимся противоречием между центральными органами и органами местного самоуправления. Изначально, с началом проведения реформ 60—70-х гг. XIX в., децентрализация и развитие местного самоуправления рассматривались властью как средство сохранения в неизменном виде центральной власти и в то же время удовлетворения оппозиционных претензий русского общества.

Городские власти вынуждены были заниматься хозяйственной деятельностью, особенно в условиях формирования всероссийского рынка, чтобы обеспечить нормальное функционирование всего городского организма. Сибирские генерал-губернаторы безуспешно пытались расширить свои финансовые права, хотя бы в рамках расходования выделенных из бюджета средств. Закон запрещал генерал-губернаторам введение новых налогов, изменение росписи расходуемых средств по отраслям управления (за исключением сумм, предназначенных на экстраординарные нужды), передачу казенного имущества в частные руки. Трактую весьма широко обязанности генерал-губернаторов, закон при этом предписывал: «Генерал-губернатор, имея высший надзор над всеми вообще частями, не входит в подробный и внутренний распорядок ни одной из них отдельно, содержа каждую в том порядке, установленном законом»¹³.

У центра вызывало беспокойство растущее стремление генерал-губернаторов в связи с наделением их чрезвычайными полномочиями расширить свои властные функции. Упразднение Сибирского комитета явилось одним из шагов, направленных на то, чтобы устранить это противоречие. Генерал-губернаторы были вынуждены все чаще и чаще обращаться в Министерство

внутренних дел. В результате проведения финансовой реформы созданием единой кассы и усилением контроля центра за расходованием средств была сужена их финансовая самостоятельность, и без того весьма ограниченная.

Несмотря на усиление власти губернаторов к началу XX в. штат подчиненных и инструменты власти, которыми они обладали, все же оставались явно недостаточными по сравнению с теми масштабами задач, которые перед ними стояли. Однако все эти слабости и трудности парадоксальным образом повысили роль губернатора в провинции, включая и Сибирь. Поскольку начальник губернии не мог в полной мере положиться ни на приказ, ни на бюрократический механизм, он вынужден был сам входить во многие подробности местных дел.

Обычно суть вопроса о роли института власти в развитии экономики сибирских губерний сводится к общей характеристике деятельности городских дум, управ, форм ведения городского хозяйства. Проблема влияния местного управления и института губернаторства на состояние экономических районов Западной Сибири в условиях проведения структурных реформ, нацеленных на децентрализацию государственного управления, интегрирование институтов самоуправления, гражданской инициативы, определения полномочий и правового статуса различных институтов власти, всегда занимала важное место в административно-правовом регулировании отношений центральной власти с окраинными территориями и сегодня является значимым направлением как для науки, так и для региональной практики, призванной обобщить исторический опыт и применить его в деле построения эффективной системы регионального управления экономическим сектором современной России.

Внимание общественных наук к дореволюционному развитию Сибири в настоящее время не ослабевает, а усиливается, поскольку возрастает практическая необходимость использования потенциала ее природных, административных и трудовых ресурсов. В годы реформ правительство Российской империи ставило перед губернаторским корпусом новые задачи, побуждавшие «начальников губернии» к поиску новых решений. Сегодня эта задача сохраняет свою актуальность. Способность руководителей местных администраций ответить на вызов времени и соответствовать

его требованиям оказывала воздействие на состояние управляемых ими регионов, ход и эффективность реализации в них правительственных реформ. Реформы 60—80 гг. XIX в. существенно сократили prerogatives губернаторов по текущему управлению местным хозяйством. Многие традиционные полномочия губернаторов (хозяйственные, судебные и др.) были переданы вновь образованным органам. При этом возросли функции губернаторов в сфере надзора, направленные на поддержание общественного порядка и государственной безопасности.

О государственном управлении, экономическом развитии до-революционной Сибири написаны горы книг, но среди них практически нет таких, где бы предметом исследования был именно механизм влияния института власти на предпринимательскую сферу. Некоторое исключение составляют публикации самых последних лет. Эта проблема исследователями поставлена, но не решена.

Рыночные отношения современного индустриального общества (хотя многие исследователи склонны говорить о том, что процессы трансформации привели к переходу цивилизации на пост-индустриальные рельсы) требуют соответствующего регулирования со стороны государства.

На пороге XIX—XX вв. произошло количественное увеличение задач государственного управления, обозначилось их качественное усложнение. На рубеже третьего тысячелетия началось переосмысление парадигмы государственного управления, общество становится все более информационно открытым, мобильным, при этом происходит принципиальное обновление понимания роли государственного управления в экономике, его социальной обусловленности, масштабности и эффективности, что вызвано глобальными реформами определенных сфер, осуществляемыми в разных странах. Недостаточно изучены совокупность технологий, приемов и процедур, с помощью которых государство регулировало и регулирует соотношение и распределение общественных ресурсов и упорядочивает экономическую жизнь. Применительно к современной России в государственном управлении можно отметить причудливое переплетение двух противоречивых тенденций. Первая заключается в сокращении директивного начала управления, уменьшении государственного сектора

экономики, превращении государства в одного из (хотя и наиболее влиятельного) субъектов регулирования общественных процессов. Вторая тенденция реализуется в расширении и усложнении задач государства в силу создания рыночной инфраструктуры, формирования новых законодательных и иных нормативно-правовых процедур социальных, экономических и политических отношений, необходимости регулировать становление разных форм собственности и их взаимоотношений. Поэтому нельзя однозначно приветствовать призывы к сокращению объема государственного управления, особенно если оно не замещается самоуправленческими механизмами гражданского общества. В таком случае может усилиться состояние неуправляемости рынка, произвола и хаоса, элементы чего в той или иной степени всегда присутствуют в переходном обществе. Для России, в том числе для Сибири с ее многообразным историческим опытом и своеобразной восприимчивостью к административным новациям, огромными масштабами ресурсного потенциала и устойчивости, возможностями социального динамизма вполне реальна долгосрочная перспектива научного и эффективного управления развитием рыночного хозяйства. Именно Сибирь сегодня с ее запасами природных ресурсов (подразумеваем, нефтедолларами) выходит в ряд первостепенных условий и факторов преодоления эпохи кризиса и спада, перехода к подъему и развитию. Но Сибирь — это еще и регион огромных потенциалов для развития других сфер экономики, а не только и не столько газонефтедобывающей отрасли, о чем, несомненно, свидетельствует вся история этого края. Назрела необходимость переосмысления парадигмы государственного управления, устройства институтов власти, курирующих и контролирующих сферу экономики региона. Государственное управление в сфере предпринимательства на основе беспристрастной законодательно выверенной системы и современных технологий является для России желаемой целью. Изучение принципов функционирования института губернаторской власти, его места и роли в системе государственного управления экономикой Сибири на примере отдельно взятой губернии позволяет исследовать механизмы влияния института на развитие торгового предпринимательства более глубоко и всесторонне, с учетом внутренней динамики его развития, эволюции состава и модернизации функций.

Сравнение полученных данных с общероссийскими показателями позволяют выявить региональные особенности развития товарного рынка. Используемые государством в Сибири пореформенного периода методы воздействия на развитие организационной структуры рынка и форм товарообмена, механизмы его формирования и принципы деятельности властных институтов на материалах отдельной губернии не подвергались до сих пор специальному исследованию.

Россия сегодня переживает реформирование правовой и экономической системы: проводится структурная перестройка властных органов управления, восстанавливается жесткая административная вертикаль, блокируются опасные тенденции (взяточничество, откаты и тому подобные реалии нашего времени), приводятся в соответствие региональное и федеральное законодательство в сфере управления предпринимательством. Российскому бизнесу нужен спокойный период эволюционных изменений на основе права и осмысленной, разумной правовой политики со стороны государства. Немаловажен и вопрос о принципиальном обновлении региональной правовой политики в области торгового предпринимательства. Современные типы и форма конкуренции и предпринимательства — это итог предшествующего развития и, в свою очередь, база развития будущего. В этой связи немаловажное значение приобретает ретроспективный фактор, тем более что в отечественной исторической науке остается значительным пробелом изучение механизма влияния института государственного управления на развитие торгового предпринимательства в Сибири второй половины XIX — начале XX вв. Хотя, как показывает наш опыт изучения данной проблематики, на конкретном фактологическом материале можно проследить развитие и институционализацию правовой политики как одной из определяющих составляющих государственной деятельности, а также степень ее воздействия на различные процессы и динамику развития предпринимательства. С момента интеграции Сибири в пространство России перед российским правительством в качестве одной из важнейших стояла задача обеспечения эффективности государственной власти, организации местного управления и административного устройства в соответствии с нуждами и потребностями государства и населения, большую часть которого составлял

именно класс предпринимателей (купцы, торговцы, кооператоры, артельщики и т.п.), так как присутствие других общественных слоев, в силу известных региональных особенностей, на территории Сибири было незначительно. В современной России, начиная с 90-х гг. XX в., формируется класс собственников, отношение к которому скорее негативное. Во второй половине XIX — начале XX вв. подобным было и отношение к представителям предпринимательства. Сегодня наше общество по-прежнему готово верить в незаконность способов создания первоначального капитала и отрицать наличие личностных талантов у бизнесмена как такового, несмотря на то, что предпринимательство — это не профессия, а способность к нестандартным решениям, готовность начать новое дело, отсутствие боязни риска быть разоренным. Как и в конце XX в., в конце XIX в. Сибирь предоставляла возможности быстрого обогащения, пути которого все так же далеки от легальности. Обращение к историческому опыту, изучение свидетельств современников позволит понять сложность отношений между государством, обществом и людьми, обладающими талантом создавать и приумножать капиталы. Наличие схожих черт в ситуациях конца XIX в. и конца XX в. позволяет говорить о сохранении в менталитете русского человека явного неприятия богатства, тем более богатства для одного или для немногих. Н.А.Бердяев утверждал, что главная причина неприятия на ментальном уровне русским человеком богатства заключается в неспособности русского народа жить с учетом ценностей буржуазного общества, в отсутствии понятия собственности. В начале XX в. отношение к купцам в обществе изменилось, что стало результатом так называемой европеизации облика представителей сословия. Они осознали необходимость повышения собственного культурного, образовательного уровня, жертвования части средств на общественные нужды, что создавало более доверительные отношения с обществом в целом. То же происходит в наши дни.

Анализ законодательства, архивных материалов, свидетельства современников подтверждает тезис о том, что русское купечество развивалось в условиях ограниченной свободы действий со стороны государства, отсутствия «хозяйственной этики», что не способствовало осознанию себя как собственника, творческого человека. При этом не до конца остаются ясны мотивы благотворительности

и меценатства. В изучаемый нами период ни купцы, ни буржуазия не смогли объединить экономическую и политическую власть в своих руках, результатом чего стали три русских революции и смена политической системы, повлекшей за собой ликвидацию сословия. Та часть общества, которая до революции считалась «хозяином жизни», не могла занимать ведущие позиции в будущем. Требовалось доказать, что прошлая жизнь носила исключительно отрицательный характер. В советский период нашего государства переписывалась история в угоду политической власти, было сделано максимум для того, чтобы общество забыло свое прошлое. В связи с этим сословие предпринимателей, а этот термин до введения его в оборот являлся синонимом определения «купечество», представлялось как «темное царство», способное только грабить, обманывать, вести разгульный образ жизни. В этой массе растворились имена ведущих меценатов, попечителей, людей, которые делом своей жизни считали развитие и процветание Сибири и России. На первый план вышли только негативные суждения.

В научном плане изучение истории купечества стало неблагоприятной темой, при этом в распоряжении ученых находились свидетельства современников о жизни сословия, архивные материалы органов государственного управления и местного самоуправления. Изучение данного исторического опыта, возможно, позволит осознать ошибки прошлого и избежать их повторения в настоящем и будущем, реконструировать историческую память об отдельно взятой эпохе. Опыт написания подобных работ необходим современному обществу, которое привыкло воспринимать историю шаблонно. Проблема управления регионами, а следовательно, и определения их правового статуса всегда занимала важное место в административно-правовом регулировании отношений центральной власти с окраинными территориями. Таким образом, необходимость исследования правовой политики Западной Сибири обусловлена научной и практической значимостью данного аспекта проблемы.

Изучение механизма влияния института государственного управления на развитие торгового предпринимательства в Сибири второй половины XIX — начале XX вв. стало предметом пристального внимания со стороны ученых сравнительно недавно,

поэтому проблема на общетеоретическом уровне разработана еще недостаточно. Вопросы правовой политики государства и правового регулирования управления предпринимательской сферой применительно к условиям Сибири рамках комплексного исследования подробно не освещались. Предпринимательская деятельность в Сибири имела ряд особенностей, которые были обусловлены географическими, социально-политическими и экономическими факторами и, прежде всего, колониальным положением региона в системе российской государственности.

Со времени приобретения статуса российской территории в практике хозяйственного освоения Сибири всегда доминировали интересы социально-экономического развития Европейской России. Как отмечают исследователи, «высшие иерархи столичной элиты обращаются к Сибири каждый раз, когда возникает проблемная, кризисная ситуация в этнической России, в ее традиционных демографических и экономических центрах». Негативное воздействие на хозяйственную и социальную жизнь Сибири оказывали природно-климатические и географические особенности региона, отсутствие развитой инфраструктуры, штрафная колонизация, использование уголовных ссыльных и каторжан в качестве рабочих, а также ограничения свободного переселения в Сибирь, что вело к сокращению рынка рабочей силы и консервации феодальных пережитков в экономике края. Вторая половина XIX — начало XX вв. — период значительных изменений в российском обществе.

Развитие капитализма привело к преобразованиям во многих сферах жизни Российской империи. Активно протекали в это время и демографические процессы. Купечество как основное сословие предпринимателей также было затронуто этими процессами.

Необходимо изучить нормативно-правовые основы деятельности губернаторов, выявить изменения в их полномочиях, вызванные реформами 1860—1870-х гг., определить основные направления деятельности начальников губерний в отношении производства торговли и развития коммерческой деятельности. Интересен вопрос о контроле со стороны властей за качеством продукции, оказанием услуг населению. Основным актом, регламентировавшим деятельность губернаторов пореформенного времени, являлся «Общий наказ гражданским губернаторам», утвержденный

3 июня 1837 г. и вошедший во второй том Свода законов Российской империи. В соответствии с ним деятельность губернатора имела двойственный характер: как высшего представителя власти и охранителя законов и как местного администратора. Законодательно губернатор являлся «начальником губернии», обладающим закрепленными правами и обязанностями, а также установленной ответственностью. Служебные обязанности и права губернатора пореформенного периода определялись в разделах 1—14 I части II тома Свода законов¹⁴.

Губернатор занимал главенствующее положение в системе местного управления; его ключевыми функциями являлись «охрана неприкосновенности самодержавия» и надзор за точным исполнением законов в своем регионе. В числе обязанностей губернаторов по «делам общего управления» значились обнаружение законов, Высочайших манифестов и повелений, указов Правительствующего Сената и др. Компетенция губернатора включала также обязанности в сфере «охранения общественного благоустройства и благочиния». Законодательно устанавливались также обязанности губернатора по обеспечению «народного продовольствия» и развитию «общественного хозяйства». Обеспечение поступлений в казну налогов и сборов, забота о здоровье народа, надзор за губернскими подразделениями министерств финансов, государственных имуществ, юстиции — все эти полномочия отражались в Своде законов и вменялись губернаторам в обязанности. Судить о качестве их осуществления верховная власть могла на основании всеподданнейших отчетов, ежегодно составляемых губернаторами. Реформы 60—70-х гг. XIX в. внесли существенные коррективы в компетенцию губернаторов.

Проведение крестьянской реформы 1861 г. вызвало необходимость дополнения обязанностей губернаторов полицейскими функциями, а именно контролем над предотвращением и подавлением крестьянских волнений в губерниях, вызываемых ложными слухами, высылкой из губернии лиц, их распространяющих. Сибирь являлась окраинной территорией, обладающей особым правовым статусом. Административные реформы первой половины XIX в. закрепили за Сибирью особую модель управления, основанную на соединении принципов централизации и децентрализации власти в государстве. Во второй половине XIX в. положение

в Сибири изменяется: она приобретает статус внутренней окраины, что обуславливает необходимость проведения очередной административной реформы¹⁵.

Повседневная государственно-управленческая деятельность осуществляется на различных уровнях разнообразными учреждениями и должностными лицами (институтами власти). Субъекты этой деятельности проводят в жизнь определенную целенаправленную государственную политику средствами и методами, присущими конкретно-исторической форме организации исполнительной власти государства. В сфере предпринимательства такое управление властно воздействует на многие процессы, происходящие в ней, ускоряя или замедляя их, способствуя совершенствованию сформировавшихся типов и форм торговой деятельности или препятствуя их развитию.

Поиск эффективного решения в современной России проблем оптимальной организации управления в сфере бизнеса, ответственности государства за его развитие, сочетания государственно-го управления и самоуправления предпринимательством, совершенствования качества предлагаемых продукции и услуг путем внедрения систем менеджмента качества, основанных на международных и национальных стандартах, добровольной сертификации, подтверждениях соответствия, а также разработка целей, принципов, моделей и механизмов реализации национальной концепции в области качества требуют нового осмысления накопленного исторического опыта.

Между тем комплексных исследований истории российской системы государственного управления и законодательной политики в сфере торгового предпринимательства, актуальных для страны в настоящее время, проводится недостаточно. Редкими являются новации в области методологии, в том числе выходы на междисциплинарные исследования проблем формирования и влияния институтов власти на развитие предпринимательства в России в целом и Сибири в частности.

Примечания

¹ Хорькова, Е.П. История предпринимательства и меценатства в России / Е.П.Хорькова. — М., 1998. — С. 3.

² Старцев, А.В., Гончаров, Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX вв) / А.В.Старцев, Ю.М.Гончаров. [URL]: <http://new.hist.asu.ru/biblio/predpri1/1-12.html>

³ Гиндин, И.Ф. Банки и промышленность в России до 1917 г. К вопросу о финансовом капитале в России / И.Ф.Гиндин. — М., 1927; Дихтярь, Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России / Г.А.Дихтярь. — М., 1960; Гиндин, И.Ф., Иванов, Л.М. О неравномерности развития капитализма / И.Ф.Гиндин, Л.М.Иванов // Вопросы истории. — 1965. — № 9. — С. 125; Бородавкин, А.П., Рабинович, Г.Х., Сухотина, Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири / А.П.Бородавкин, Г.Х.Рабинович, Л.Г.Сухотина. — Томск, 1965; Лисовина, А.П. Годовые отчеты промышленных предприятий как исторический источник / А.П.Лисовина // Советские архивы. — 1968. — № 2; Мосина, И.Г. Состав и численность буржуазии в Сибири в период империализма / И.Г.Мосина // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. 1969. — № 25. — С. 91; Лаверычев, В.Я. Крупная буржуазия в пореформенный период / В.Я.Лаверычев. — М., 1974; Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. — М., 1979; Шацилло, М.К. Источники по социальной структуре российской буржуазии начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. / М.К.Шацилло. — М., 1986 и др.

⁴ Блинов, И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк / И.А.Блинов. — СПб., 1905; Градовский, А.Д. Собр. соч. / А.Д.Градовский. — СПб., 1908; Корф, С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России / С.А.Корф // Вестник права. — 1901. — № 9; Гессен, В.М. Губернатор как орган надзора / В.М.Гессен. — СПб., 1912; Лохвицкий, А.В. Губерния, ее земские и административные учреждения / А.В.Лохвицкий. — СПб., 1864; Эйхельман, О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России / О.Эйхельман. — М., 1910.

⁵ Richard G. Robbins, Jr. The Tsar' Viceroyes. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Cornell University Press: Ithaca and London, 1987; Робенс Р. Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы? // Родина. — 1995. — № 5.

⁶ Шумилов, М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. / М.М.Шумилов. — М., 1991; Дятлова, Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник / Н.П.Дятлова // Проблемы архивоведения и источниковедения: Мат-лы науч. конф. архивистов Ленинграда (4—6 февраля 1964 г.). — Л., 1964; Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. / Б.Г.Литвак. — М., 1979; Минаков, А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX — начала XX веков / А.С.Минаков // Отечественная история. — 2005. — № 3.

⁷ Залаев, Г.З. Анализ и классификация электронных документов / Г.З.Залаев // Вестник архивиста. — 1999. — № 2—3.

⁸ Русина, Ю.А. От машиночитаемых к электронным документам: развитие понятия / Ю.А. Русина // Документ в системе социальных коммуникаций: Сб. мат-лов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 2008. С.46.

⁹ Злобин, Е.В. Интернет как исторический источник для изучения военных проблем новейшей российской истории / Е.В.Злобин // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. — М., 1999. — С. 263—290; Он же. О некоторых

проблемах классификации и описания электронных документов как исторического источника / Е.В.Злобин // Там же. С. 7—36.

¹⁰ Сибиряков, М.В. Профессиональные историки и вызовы XXI века / М.В.Сибиряков // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. — Челябинск, 2006. — С. 191.

¹¹ Пронштейн, А.П., Данилевский, И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования / А.П.Пронштейн, И.Н.Данилевский. — М., 1986. — С. 6.

¹² Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему / А.С.Ахиезер. — Новосибирск, 1997.

¹³ Еремян, В.В., Фёдоров, М.В. История самоуправления в России в XIX — начале XX вв. / В.В.Еремян, М.В.Фёдоров. — М., 1992. — С. 237.

¹⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. — СПб., 1830. XXXV Ш. № 29124.

¹⁵ Ремнёв, А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX вв.: проблемы регионального управления / А.В.Ремнёв // Отечественная история. — № 2. — 1994. — С. 64.

Глава 8

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОГО ФОНДА ТЮМЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Исследование в целом истории правоохранительных органов страны и ее отдельных сторон выдвигает на первый план задачи выявления, анализа и систематизации комплекса документов, отложившихся в результате деятельности надзорных учреждений дореволюционной России. Делопроизводственная документация жандармских полицейских управлений раскрывает не только страницы борьбы самодержавия с оппозиционным движением, но и отражает события внутренней жизни городов и селений, организацию оперативной работы по предупреждению и пресечению преступлений, охране общественной безопасности и правопорядка, наблюдению за исполнением законодательства, выдаче иностранцам видов на жительство, контрразведке, политическому сыску и пр.

Документы жандармских управлений — массовый, формализованный и во многом унифицированный исторический источник, к которому сегодня обращаются исследователи как в конкретно-исторических¹, так и в источниковедческих трудах². Однако следует констатировать, что в настоящее время документы надзорных органов досюветского периода исследованы недостаточно: не разработана комплексная методика изучения, отсутствует детальная классификация, включающая все виды и разновидности жандармской документации, не полностью раскрыта содержательная часть отдельных архивных источников, не проверена полнота и достоверность их сведений. В данной работе представлен обзор документов архивного фонда Тюменского отделения Тобольского губернского жандармского управления³, предпринята попытка показать степень их информативности для исследования различных аспектов жизнедеятельности.

В Российской империи порядок ведения делопроизводства регламентировался на законодательном и ведомственном уровне,

в данном случае Департаментом полиции МВД⁴. Так, правила оформления и рассмотрения, организации движения, исполнения, учета и хранения документов, установленные нормативными актами 60—70-х гг. XIX в., действовали до 1917 г. Вследствие этого сложилась система жандармской документации, которая имеет целостный, системный характер, стандартную и однотипную форму, взаимосвязанность и взаимозависимость.

Общая схема документооборота жандармских управлений состояла из трех уровней: местный (городское/сельское отделение), губернский (главное управление) и центральный (МВД). На каждой ступени иерархии создавались, обрабатывались, учитывались и формировались в дела различные документы. В канцеляриях губернских жандармских управлениях делопроизводство возлагалось на адъютантов, в уездных пунктах — на вахмистров. В нашем случае Тобольское губернское жандармское управление состояло из трех местных отделений (пунктов), трех помощников, вахмистров и унтер-офицеров (см. схему). В 1911 г. штат Тюменского отделения включал 1 помощника начальника, 1 вахмистра и 10 унтер-офицеров⁵.

Схема

Структура Тобольского губернского жандармского управления (начало XX в.)

Делопроизводственная документация жандармских управлений наиболее полно отражает практическую реализацию их функциональных обязанностей. Систематизировать данные документы можно по видам: организационно-распорядительные (приказы, циркуляры, инструкции, предписания); справочно-информационные (протоколы, переписка, донесения, акты дознаний, списки,

ведомости и др.); отчетно-статистические акты (обзоры, ежемесячные отчеты и др.); документация по личному составу (приказы по корпусу жандармов, формулярные списки, ведомости на выдачу жалования, обмундирования и пр.).

Документооборот учреждений политического сыска подразделяется на три группы потока документов: входящие, исходящие и внутренние. К первым двум относится переписка с учреждениями и частными лицами. К первому блоку (переписка с учреждениями) можно причислить нормативные правовые акты, поступающие в уездные жандармские отделения: указы и определения Правительствующего Сената, циркуляры и предписания МВД, приказы по Отдельному корпусу жандармов, приказы начальника губернского жандармского управления, выписки из журналов общего губернского присутствия и др.

Каждое направление в работе жандармских отделений предполагало наличие как общей системы документации, так и специальных подсистем. К примеру, в сфере полицейского сыска можно выделить общую нормативную часть в виде указов, постановлений, циркуляров (в частности, Положение о негласном полицейском надзоре, утвержденное министром внутренних дел 1 марта 1882 г.⁶) и специфические документы, не выходящие за пределы этого направления (списки лиц, подлежащих надзору, списки агентов, сводки, отчеты, протоколы дознаний, переписка и др.).

В архивном фонде Тюменского отделения губернского жандармского управления насчитывается 275 единиц хранения (сумма по двум описям). В подавляющем большинстве дел представлены документы текущей работы отделения, малую часть составляют входящие «бумаги». В канцелярии Тюменского отделения аккумулировались донесения от унтер-офицеров вверенных ему уездов (на пунктах в городах Туринск, Тюмень и Ялуторовск). Вместе с тем, можно обнаружить дела других отделений⁷, что объясняется неразберихой в передаче, фондировании и хранении документов в первые десятилетия советской власти.

Среди документов фонда следует выделить дела с копиями приказов начальника Тобольского губернского управления⁸. Зачастую приказы не выделены в отдельные дела, а разбросаны по делам различной тематики, что лишает возможности их целостного и подробного изучения. Из приказов можно извлечь различные

факты: о задержанных бродягах, об обнаруженных фальшивых деньгах, о краденных вещах и животных, розыске лиц, раскрытых преступлениях, а также о награждениях служащих и кадровых перестановках в жандармских органах. В частности, в честь трехсотлетия царствования дома Романовых были награждены нагрудной медалью начальник Тобольского губернского жандармского управления В.А.Добродеев и его помощники: в Курганском, Ишимском и Тюкалинском уездах — Н.В.Кривцов; в Тюменском, Туринском и Ялуторовском уездах — Д.Ф.Чуфаровский; в Березовском, Сургутском и Тарском уездах — В.Ф.Постников⁹.

Наибольший исследовательский интерес представляют содержащиеся в архивном фонде «политические обзоры». По циркуляру Департамента полиции МВД от 21 мая 1887 г. № 1348 (с грифом «секретно») чины общей и политической полиции обязаны были ежегодно представлять губернскому жандармскому управлению «обзоры» о положении дел в порученных им для наблюдения районам (участкам). Формуляр донесения включал 8 разделов: 1) Краткий очерк общего настроения народонаселения в уезде; 2) Случаи вредного направления или неправильных действий со стороны городских, земских и крестьянских учреждений; 3) Случаи предосудительного поведения со стороны расквартированных в уезде войск; 4) Результаты наблюдения за всеми учебными заведениями; 5) Случаи волнений среди крестьян, фабричных и заводских рабочих; 6) Сведения о публичных лекциях и чтениях; 7) Случаи вредного направления и влияния местных органов печати; 8) Сведения о лицах, замеченных в политической неблагонадежности¹⁰.

Для исследуемых обзоров характерны структурированность изложения материала, многоаспектная тематика, что обеспечивает им высокий уровень информативности. Кроме ежегодных обзоров, жандармы в штатном режиме рапортовали обо всех происшествиях в порученных им районах. Основная цель докладов состояла в представлении правительству сведений об общественно-политических настроениях населения. Например, тарский унтер-офицер Голубев в обзоре за 1907 г. подразделял местное население на три группы: 1) аборигены (татары, остяки, инородцы); 2) русские; 3) добровольные переселенцы и ссыльные элементы. Кроме того, он сообщал губернскому начальству, что в его районе

действовали как минимум три секты: старообрядцев, баптистов и штундистов¹¹.

В архивном фонде выявлено шесть годовых (за 1907, 1908, 1909, 1911, 1912 и 1915 гг.) и ряд месячных обзоров¹². Анализ обзоров и других донесений позволяет сделать вывод о том, что общественно-повседневная жизнь Зауралья в 1909—1913 гг. была относительно спокойной. Лишь изредка фиксировались случаи разбрасывания прокламаций и небольшие стачки, большей частью в г.Тюмени. Например, в обзоре за 1911 г. отмечалось, что «ни голодный год, вследствие неурожая, ни влияние ссыльных не отразились на общем настроении народонаселения уездов в смысле подготовки удобной почвы для пропаганды, создания каких-либо вредных политических организаций... вообще настроение, по примеру, прежних лет, вполне спокойное и никаких брожений не замечается»¹³.

Следует заметить, что в связи с Первой мировой войной содержательная часть «политических обзоров» была изменена (табл. 1): расширена их тематика (включены новые разделы), отчетливо прослеживалось стремление к стройности текста, унификации, использованию шаблонов, общепринятых формулировок и обстоятельности изложения¹⁴.

Таблица 1

Обзоры положения дел в уездах (февраль 1916 г.)¹⁵

Вопросы обзоров	Березовский уезд	Сургутский уезд	Тарский уезд
1. Отношение крестьян и рабочих уезда к войне	благожелательное, сочувственное	«все хотят победы над врагом»	«сочувственное с уверенностью в победе над врагом»
2. Настроение среди педагогического, врачебного персонала и учащихся	«самое патриотическое»	педагогического и прочего персонала нет	обыкновенное
3. Разговоры о работах Госдумы	нет	нет	«ведутся не выходя из рамок обсуждения газетных статей»

4. Союзов, просветительных и профессиональных обществ	нет	нет	нет
5. Сekt и общин в уезде	нет	старообрядческие общины	старообрядческие общины, секты баптистов, штундистов
6. Кооперативных и потребительских обществ	в г.Березове продовольственная комиссия, тов-во мелкого кредита, тов-во «Экономия», в уезде нет	в г.Сургуте потребительское общество, в уезде нет	общества по маслоделению во всех волостях уезда; потребительские общества в г.Таре
7. Газет и журналов в уезде	нет, из-за отсутствия типографий	печатных изданий нет	выходят телеграммы и бюллетени Петроградского телеграфного общества
8. Беженцы	не проживают	нет	до 800 человек
9. Евреи	нет	не обнаружено	не замечается
10. Военно-промышленный комитет	не создан	не создан	создан в г.Таре
11. Выступлений городских управлений с политическими резолюциями	не было	не было	не было

Обобщив данные обзоров по уездам, можно получить достаточно полную панораму развития социально-политической ситуации в регионе, исследовать динамику различных процессов с детальной разбивкой по районам и точностью в хронологическом контексте. В то же время, надо учитывать, что современное состояние архивных документов неудовлетворительное. Ретроспективной публикации подверглись лишь отдельные обзоры¹⁶. Значительная их часть, к сожалению, не сохранилась, что требует внимательного отношения к тому, что осталось.

Широко представлена в исследуемом фонде официальная переписка (донесения) — основной источник сведений о взаимодействии властных органов. Переписка велась на типографских бланках ведомств, изготовленных по специальным формам. Причем использовались как бланки учреждений, так и бланки должностных лиц губернского жандармского управления¹⁷. В служебной переписке представлен большой фактический материал по различным аспектам городской и сельской жизни, что полиция использовала в процессе работы. Донесениям как массовым источникам информационно-справочного и отчетно-аналитического характера придавалось особое значение: им свойственна оперативность, достоверность, взаимосвязанность, краткость, обстоятельность, описательность, однородность, повторяемость и аналогичность содержания.

Содержательный анализ жандармских донесений показал, что неизменной темой служебной переписки начала XX в. являлись вопросы пресечения распространения революционной пропаганды: агентурный надзор за политически «неблагонадежными», обнаружение расклеенных прокламаций, разгон массовых демонстраций, митингов, забастовок и т.п. Причем такие акции отмечались во всех городах и отдельных селениях Зауралья, вследствие чего стали заметным явлением повседневной жизни. К примеру, ротмистр Емельянов 18 июня 1906 г. докладывал начальству, что в 4-х верстах от города, за мельницей Текутьева состоялся митинг рабочих тюменских заводов. При приближении чинов полиции многие его участники разбежались¹⁸. Его преемник на посту, ротмистр Поляков 9 января 1909 г. донес, что случаев волнений среди рабочих не было, хотя противоправительственная пропаганда среди них идет путем распространения нелегальной газеты «Тюменский рабочий», издающейся Тюменским комитетом РСДРП; в городе две нелегальные организации: социал-демократов и социал-революционеров, по мнению ротмистра, «они развиты слабо и враждуют между собой»¹⁹.

Служебные донесения — незаменимый источник сведений о стихийных бедствиях, эпидемиях и чрезвычайных случаях (пожарах, наводнениях, засухе, ураганах и т.п.), бывших в городах и селах страны. Причем достоверность таких фактов не вызывает сомнений и подтверждается их подробным и обстоятельным

описанием, с указанием даты, причин, хронологической канвы, пострадавших и последствий. Согласно рапорту тарского унтер-офицера Бетехтина (март 1912 г.), в результате большого наводнения и разлива реки Ишим крестьяне, живущие вдоль реки, пострадали так, что озимые посевы и пахотные земли затоплены, мелкие постройки жителей разрушены, многих из них постигло абсолютное бедствие²⁰. Туринский жандарм Тютрюмов 4 марта 1908 г. доложил, что в уезде свирепствует брюшной тиф и сыпь, есть смертельные случаи, а что «касается медицинской помощи, то таковая оказывается не вполне удовлетворительно»²¹.

Чины полиции подчас не могли установить все обстоятельства того или иного дела. Тот же Бетехтин в донесениях сообщал губернскому начальству, что во время бывшей морозной бури 19—20 января 1912 г. в разных деревнях уезда замерзли до смерти 6 человек; в г.Таре от неисправной печи сгорело до основания здание общественного собрания (в ночь на 11 февраля 1913 г.); тарский жандарм Безденежных 17 августа 1913 г. доложил, что покончил собой волостной писарь Букатов, однако «причина самоубийства неизвестна»²². В селе Сладковском Туринского уезда 11 июля 1911 г. «от неизвестной причины» произошел пожар, в ходе которого сгорело 33 дома со всеми надворными постройками и хлебом в закромах²³. В селе Обдорском (сегодня г.Салехард) в ночь с 5 на 6 сентября 1914 г. сгорело здание Народного дома. Вину сваливали на прикомандированного унтер-офицера Решетникова, бывшего в состоянии сильного опьянения, пожар начался в комнате, в которой он ночевал²⁴.

Изучая донесения, трудно не заметить, что в начале XX в. в регионе заметно увеличилось число преступлений, в том числе бытовых. Причем такие правонарушения фиксировались повсеместно, стали «заурядным» явлением как городской, так и сельской повседневности. Скажем, тюменским отделением только в сентябре 1908 г. было заведено шесть дел об убийствах²⁵.

Согласно донесениям причины убийств были различны, например, 25 февраля 1907 г. в Тюмени крестьянином Е.Тищенко был убит турецкий подданный («угадыватель мыслей»), как выяснило следствие, намеренно, «за то, что тот обманывает народ»²⁶. Полицейский надзиратель г.Туринска 21 декабря 1910 г. доложил об убийстве двух кавказцев на почве межнациональной

вражды, в результате драки между политическими ссыльными (грузинами и армянами)²⁷. Однако зачастую в докладах причины преступлений не раскрывались. В частности, тарский жандарм Бетехтин 20 октября 1912 г. рапортовал о лютеранской девушке, заподозренной в удушении ребенка и взятой под стражу; что подтолкнуло ее на совершение убийства, чиновник не указал²⁸. Из донесения унтер-офицера г.Турина Тютрюмова следует, что ночью 20 июня 1907 г. неизвестными убиты в своей квартире писец полицейского управления и его сожительница. Они были убиты спящими, скончались, не вставая с постели, в результате ударов тупым предметом по голове²⁹. Старший унтер-офицер г.Ялуторовска Абрамов 24 ноября 1907 г. донес об ограблении Вознесенской церкви, но злоумышленники не обнаружены³⁰.

Документы архивного фонда свидетельствуют о том, что большая часть преступлений была вызвана чрезмерным употреблением и производством алкоголя. К примеру, по жандармским данным (1916 г.), во время остановки пассажирских и других пароходов на пристани в селе Уватском Тобольского уезда, жители приносили и продавали пассажирам самогон, последние напивались допьяна и устраивали на пароходах скандалы и драки³¹. Сургутский унтер-офицер Молостов 21 июля 1916 г. сообщал об убийстве человека в доме крестьянской семьи, занимавшейся производством и продажей браги. Здесь часто собиралась компания для выпивки и карточной игры. В ходе одной из посиделок завязалась драка, в результате которой был убит посетитель³². В селе Туринского уезда на праздновании Рождества Предтечи и Крестителя Господня 24 июня 1910 г. среди подвыпившей молодежи (около 20 человек) разгорелся скандал и завязалась драка. Для разбирательства прибыл урядник Боярский. Скандалисты набросились на него, избили до бессознательного состояния, урядника увезли в приемный покой, где он, не приходя в сознание, через несколько дней скончался³³. Иностранка села Туринского уезда в сентябре 1913 г. заявила местному полицейскому приставу, что ее муж, явившись домой в пьяном виде, избил ее, разбил в доме оконные рамы, расколол и выкинул на улицу стол³⁴.

Массовое, латентное распитие алкоголя как характерная черта сибирской жизни являлось одной из основных причин роста таких преступлений, как хулиганство, изнасилования, убийства и пр.

В частности, тарский унтер-офицер доложил руководству о расстреливании четырнадцатилетней девочки местным становым приставом и об убийстве казенного лесного ревизора, находящегося при исполнении служебных обязанностей, крестьянами, взятыми под стражу³⁵. И подобных фактов в документах зафиксировано достаточно много.

В исследуемом фонде отложились дела об убийствах и покушениях на местных чиновников. Так, донесение туринского жандарма от 4 апреля 1908 г. свидетельствует о покушении на уездного исправника Крекова. Преступник (административно-ссыльный), выстреливший несколько раз из револьвера, после попытки скрыться был задержан в кузнечно-слесарной мастерской и доставлен в полицейское управление³⁶. В Тюмени в ночь на 8 декабря 1908 г. рядом с Загородным садом неизвестным был убит заведующий продовольственным магазином местного гарнизона чиновник Ботченко³⁷.

Жандармские документы указывают на то, что основной причиной нарастания социальной напряженности в регионе являлись экономические факторы: устойчивый рост цен, отсутствие тех или иных товаров, низкая оплата труда и т.п. Особенно ситуация обострилась в годы Первой мировой войны, в связи с чем местные чиновники в своих донесениях неоднократно подчеркивали, что дороговизна отягощает жизнь населению. Согласно секретному циркуляру начальника губернского жандармского управления от 25 ноября 1915 г. «непомерное вздорожание и недостаток предметов первой необходимости является одним из наиболее острых и насущных вопросов настоящего времени. Это явление, постепенно разрастаясь, приобретает характер народного бедствия». В связи с этим начальник приказал своим подчиненным: 1) доносить о всякого рода случаях спекуляции; 2) наблюдать за появлением злонамеренных лиц; 3) собирать о них негласные сведения; 4) войти в тесное соглашение с местными исправниками³⁸.

Так, сургутский унтер-офицер Молостов 6 июля 1916 г. доложил, что местными коммерсантами было скрыто 3471 пудов муки разных сортов, 650 пудов соли и мыло. Купцы отказывались продавать эти товары обывателям³⁹. В Таре, всегда спокойном в общественно-политическом отношении городе, согласно докладу жандарма Голубева от 4 мая 1916 г., отмечалось «возвышение

народного волнения», вследствие недостатка в городе мяса. Торговцы прекратили забой скота и его продажу по губернаторской таксе, полагая, что при такой цене они будут нести большие убытки⁴⁰. Старший унтер-офицер на пункте г.Березова Решетников в секретном донесении от 25 января 1916 г. указывал на рост цен продуктов первой необходимости в селе Обдорском в зимнее время: цена на сахар поднималась с 20 копеек до 30—35 копеек за фунт, чай кирпичный — с 1 рубля 20 копеек до 2 рублей 20 копеек за 1 кирпич и пр. Местные купцы отказывались продавать товары по губернаторским таксам; чиновник отмечал свое бессилие в решении этого вопроса, отсутствие у него механизмов влияния на торговый класс⁴¹.

По функциональному назначению жандармские документы (дела) можно подразделить на несколько групп, к одной из которых относятся дела о гласном и негласном надзоре за «политически неблагонадежными» лицами. Эти документы насчитывают несколько разновидностей (списки, сводки, ведомости), в основном, стандартной (однотипной), табличной формы.

В канцелярии Тюменского отделения большая часть документации по надзору и розыску подшивалась в отдельные дела. В архивном фонде эти источники также сгруппированы в особые дела⁴². Получается, что они фактически перешли на хранение в том виде, в котором были заведены. Дела «о политически неблагонадежных» — наиболее сохранившийся в фонде источник (за все годы надзора). По спискам можно исследовать динамику политического сыска в регионе. Так, в 1890 г. в Тюменском, Туринском и Ялуторовском уездах под внутренним агентурным наблюдением находилось всего 9 человек (по губернии 49), а в 1908 г. — уже 57 (по трем уездам)⁴³.

Для примера возьмем список лиц, состоящих под внутренним агентурным наблюдением с 1 января по 31 декабря 1908 г. в указанных уездах. В списке зафиксированы фамилии, имена и отчества поднадзорных лиц, их сословный статус, занятость, а также дата и основание для ведения наблюдения (как правило, предписание начальника Департамента полиции или губернского начальства). Данный список, выполненный рукописным способом, включает 57 человек. Интересно, что в нем можно встретить известных государственных и общественных деятелей Сибири:

в частности, тюменского хлеботорговца В.П.Буркова, аптекаря Н.П.Тартаковского, ялutorовского купца И.В.Первухина и др.⁴⁴ В списках также значились депутаты Государственной думы от Тобольской губернии (В.И.Дзюбинский, С.М.Рысев, Н.Л.Скалзубов, А.С.Суханов) и ряд служащих общественных учреждений⁴⁵. За деятельностью депутатов, особенно в каникулярное время, устанавливалось негласное наблюдение. Например, жандарм доложил, что в Туринске 18 апреля 1913 г. членом IV Госдумы М.С.Рысевым перед крестьянами была произнесена речь о ходе работ Госдумы, по его словам, «в Сибири предполагается в скором времени ввести земство..., наделить крестьян землей как собственников»⁴⁶.

Списки лиц, подлежащих гласному и негласному надзору, направляемые в губернское жандармское управление, как исторические источники далеки от совершенства. В них часто не выдерживалась алфавитная последовательность, не было единообразия в наименовании чинов и званий подозреваемых, многие из которых указывались без имени и отчества, что свидетельствует о поспешности и небрежности при их составлении. При этом списки — незаменимый источник для изучения политической ссылки в Сибири. Они позволяют установить как персональные данные отдельных ссыльных, их сословную принадлежность и сроки высылки, так и в целом проследить политику властных органов в этой сфере, ее количественные и качественные показатели. Так, в 1908 г. административных ссыльных по политическим делам в исследуемых уездах было 274, в 1909 г. — 501, в 1911 г. — 353⁴⁷. Можно сделать вывод об ослаблении карательных мер к 1911—1912 гг.

Отдельно выделим статистическую отчетность по различным сферам жизнедеятельности, отложившуюся в канцелярии Тюменского отделения. Например, в годы Первой мировой войны правительство страны в особенности опасалось каких-либо эксцессов, призывов к забастовкам и манифестациям со стороны печатных изданий и библиотек. Этим объясняется большое число директив к пресечению любой преступной пропаганды. Так, в исследуемом фонде сохранились списки служащих типографий и библиотек, к примеру, в 1908 г. в Тюмени было четыре типографии: Крылова (издавал «Сибирскую торговую газету») — 18 служащих; Буркова — 6; Житкова — 25 и Высоцкого — 18⁴⁸.

По данным списков в 1915 г. здесь действовало 6 типографий с 76 служащими из мещан и крестьян (примерно в равных долях), причем не уроженцев города. Лишь на двух типографиях использовался женский труд (см. табл. 2).

Таблица 2

Состав служащих типографий г.Тюмени. 1915 г.⁴⁹

№	Владелец типографии	Всего служащих	в том числе			
			мужчин/ женщин	мещан	крестьян	из других сословий
1	Л.И.Альтшуллер, полоцкий купец	3	3 / —	1	1	1
2	А.М.Афромеев, тюменский мещанин	11	4 / 7	3	7	1
3	М.А.Брюханов, тюменский купец	27	15 / 12	8	17	2
4	Г.И.Житков, тюменский купец	18	18 / —	13	4	1
5	А.А.Крылов, чиновник	13	13 / —	8	5	—
6	П.Н.Токмаков, тюменский мещанин	4	4 / —	1	3	—
	Итого	76	57 / 19	34	37	5

Научный интерес представляют списки просветительских и профессиональных обществ, а также религиозных общин⁵⁰. Согласно спискам в 1914 г. существовало 16 сектантских общин: Тюкалинский уезд — 3 общины (2 баптистов и 1 старообрядцев); Тюменский — 1 община старообрядцев; Тарский — 2 общины старообрядцев; Курганский — 9 общин старообрядцев; Ишимский — 1 община старообрядцев⁵¹.

Весьма интересные сведения содержатся в списках артистов театров, цирковых трупп, воспитанников высших учебных заведений, педагогического, медицинского и прочего персонала, чем можно воспользоваться при написании трудов по краеведению, социальной истории страны и развитию культурной инфраструктуры⁵². Например, в списке учителей г.Ялуторовска (1915 г.) указано 30 человек, из них только один — уроженец города⁵³.

В архивном фонде сохранились списки торгово-промышленных фирм, что является информационной основой для изучения

истории предпринимательства в регионе⁵⁴. Кроме того, можно обнаружить краткие обзоры промышленности Тобольской губернии: в обзоре за 1915 г. отмечалось, что губерния является преимущественно сельскохозяйственной, фабрично-заводская промышленность здесь развита слабо: всего 64 предприятия с 4753 рабочими⁵⁵.

Среди отчетной документации отдельно следует выделить ведомости, в которых фиксировались такие вопросы, как число донесений чинов Тюменского отделения губернскому начальству; число поездок унтер-офицеров по своим участкам за год; число входящих и исходящих бумаг в течение года и пр. По этим данным можно судить о роли и месте жандармского управления в жизни общества, в частности, сравнение данных 1908 и 1909 гг. показывает динамику роста по всем показателям (см. табл. 3).

Таблица 3

Отчетность тюменского жандармского отделения за 1908—1909 гг.⁵⁶

Сведения	1908	1909
число донесений и докладов начальника Тюменского отделения губернскому жандармскому управлению	307	353
число поездок унтер-офицеров по участкам	115	130
число лиц, состоящих под негласным надзором	44	53
количество административных ссыльных по политическим делам	274	501
число входящих бумаг в течение года	1331	1802
число исходящих бумаг в течение года	1370	2087

Кадровые документы жандармского отделения составляют отдельную группу источников: ведомости личного состава; приказы по строевой части; формулярные списки служащих; заявления, рапорты, ведомости об изменениях в составе служащих и размерах их содержания. Документация по личному составу имеет особое функциональное назначение — подтверждает факт назначения на должность, перевода и увольнения, предоставления отпуска, пенсии, пособия и др. Для этих источников характерна табличная форма построения⁵⁷. В частности, приказом по строевой части от 19 ноября 1914 г. был произведен осмотр служащих губернского жандармского управления. В строю находилось

37 человек: в Тобольском управлении — 12, в Березовском отделении — 4, в Курганском — 10, в Тюменском — 11. Наружный вид чинов был признан «здоровым и довольно бодрым», а «выправка удовлетворительной»; делопроизводство в канцеляриях помощников велось правильно, однако было замечено, что в Тюмени унтер-офицеры при переписке искажают фамилии лиц, упомянутых в бумагах⁵⁸.

Следующая группа архивных источников — финансово-хозяйственная документация. К ведению бухгалтерского учета жандармские отделения подходили с особой тщательностью. Например, отчеты о расходах на секретную агентуру показывают, что штаты агентов в периоды социальных потрясений увеличивались: в Тюмени в среднем было 10—12 шпииков, работавших под кличками: «профессор», «солдат», «быстрый», «солидный», «мастеровой», «коммерсант», «бывалый», «мешанка», «высокий», «техник», «надворный»⁵⁹. Деятельность секретной агентуры представляет большой научный интерес и может являться предметом специального диссертационного исследования.

Обзор фонда показал, что жандармские документы всесторонне отражают надзорную и розыскную деятельность местного отделения (политический сыск). С их помощью можно анализировать закономерности и особенности формирования и функционирования системы правоохранительных органов в регионе в дореволюционный период. Более того, тематика архивных дел достаточно обширна, подчас в них содержатся материалы, напрямую не связанные с обеспечением правоохранительной работы. Использование методов количественного анализа и классификации позволяет утверждать об однотипности делопроизводственной документации надзорных учреждений, сопоставимости их сведений и взаимодополняемости.

Информативность архивных документов исследуемого фонда достаточно высока. Они содержат по большей части первичные сведения, что дает возможность изнутри раскрыть проблемы в организации сыскной и филерской службы, взаимоотношений властных органов с населением и целый ряд других. Сегодня, как представляется, заложен прочный базис для дальнейшего исследования роли и места жандармерии в жизни общества. Актуальным направлением является введение в научный оборот новых

массивов источников, в частности, документов текущего делопроизводства, их публикация в обобщающих и тематических сборниках, которых разработано недостаточно⁶⁰.

Примечания

¹ См.: Воронцов, С.А. Правоохранительные органы: Спецслужбы: История и современность / С.А.Воронцов. — Ростов н/Д, 1998; Кочкарев, Г.В. На страже интересов Российской империи / Г.В.Кочкарев. — Ижевск, 2001; Лаврик, Т.М. Политика по формированию кадрового состава жандармерии на рубеже XIX—XX вв. / Т.М.Лаврик // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. 2008. — № 8. — С. 297—300; Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880—1917) / З.И.Перегудова. — М., 2000; Тимофеев, В.В., Тимофеев, В.Г. Полиция и милиция в России: цифры, факты и события / В.В.Тимофеев, В.Г.Тимофеев. — Чебоксары, 2004; Хорошун, К.Ю. Российская полиция и жандармерия в 60—90-е гг. XIX в. / К.Ю.Хорошун // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. 2007. — № 2. — С. 141—144.

² См.: Додонов, Б.Ф., Кирьянов, Ю.И. Обзор архивных источников об основных формах массового рабочего движения в России (1895 — февраль 1917 гг.) / Б.Ф.Додонов, Ю.И.Кирьянов. — М., 1990; Жандармы России / Сост. В.С.Измозик. — СПб., М., 2002; Зиновьев, В.П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX в. / В.П.Зиновьев // Документ в контексте истории: Мат-лы II междунар. науч. конф. — Омск, 2009. — С. 28—33; Тютюнник, Л.И. Источники по истории Департамента полиции (1880—1904 гг.) / Л.И.Тютюнник // Советские архивы. 1984. — № 3. — С. 51—54; Шиловский, Д.М. Полицейская статистика как источник изучения преступности в Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.) / Д.М.Шиловский // Документ в контексте истории: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Омск, 2006. — С. 143—146.

³ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО): Ф. И-239 Помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления в Тюменском, Туринском и Ялуторовском уездах.

⁴ См., напр.: Циркуляр Департамента полиции от 21 мая 1887 г. о предоставлении отчетности жандармскими управлениями (ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 3. Л. 133—134).

⁵ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 239; Д. 127. Л. 312.

⁶ Там же. Д. 8. Л. 3—4 об.

⁷ См.: Документы помощника начальника губернского жандармского управления в Тарском, Сургутском и Березовском уездах (ГАТО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 2, 5, 6, 7, 8, 10, 12).

⁸ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 5. Л. 2—3; Д. 7. Л. 1—1 об.; Д. 10. Л. 1—2.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 3—3 об.

¹⁰ Там же. Д. 80. Л. 128.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 130—131 об.

¹² См.: Политический обзор по Тюменскому, Туринскому и Ялуторовскому уездам за 1907 г. (Ф. И-239. Оп. 1. Д. 72. 12—15); Политический обзор по Тюменскому, Туринскому и Ялуторовскому уездам за 1908 г. (Там же. Д. 80.

Л. 128—129); Политический обзор по Тюменскому, Туринскому и Ялуторовскому уездам за 1909 г. (Там же. Д. 93. Л. 87—89 об.); Политический обзор по Тобольскому и Тарскому уездам за 1911 г. (Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 16—19); Политический обзор по Тобольскому и Тарскому уездам за 1912 г. (Там же. Д. 7. Л. 22—23); Политический обзор по Березовскому, Сургутскому и Тарскому уездам за 1915 г. (Там же. Д. 12. Л. 71—73 об.); Донесение старшего унтер-офицера на пункте в г.Таре о положении дел за апрель 1916 г. (Там же. Д. 19. Л. 73—75 об.); Донесение Березовского уездного исправника о положении дел в уезде за июль 1916 г. (Там же. Д. 12. Л. 83—84 об.).

¹³ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 5. Л. 16.

¹⁴ Там же. Д. 12. Л. 67—68.

¹⁵ Там же. Л. 81—82 об.; 83—84 об.; 100—101 об.; Д. 19. Л. 73—75 об.

¹⁶ См.: Политический обзор г.Тары и уезда за 1907 г. // Тарская мозаика (история края в очерках и документах. 1594—1917 гг.). Омск, 1994. — С. 167—170; Донесение Тюменского уездного исправника о политическом положении в уезде за июль 1913 г. // Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914 гг.): Сб. док. Свердловск, 1981. С. 355—356; Отчет Тобольского губернского комиссара МВД о политическом положении в Тобольской губернии в августе 1917 г. // Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.): Сб. док. Свердловск, 1967. С. 78—81; Отчет Тюменского уездного комиссара о политическом положении в городе и уезде за октябрь 1917 г. // Там же. С. 113—116.

¹⁷ ГАТО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 10. Л. 2, 41, 42—42 об., 43, 106—107, 108, 110, 111, 240.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 44. Л. 11.

¹⁹ Там же. Д. 80. Л. 128—129 об.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 36—36 об.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 81. Л. 9.

²² Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 14; Д. 7. Л. 58.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 126. Л. 17.

²⁴ Там же. Д. 4. Л. 137—137 об.

²⁵ Там же. Д. 81. Л. 40.

²⁶ Там же. Д. 66. Л. 18—18 об.

²⁷ Там же. Д. 126. Л. 1—2.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 75—75 об.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 31—32 об.

³⁰ Там же. Л. 55.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 149.

³² Там же. Д. 19. Л. 148—150 об.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 40—40 об.

³⁴ Там же. Д. 151. Л. 237—237 об.

³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 33; 65—66 об.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 81. Л. 17.

³⁷ Там же. Л. 64.

³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 106—107.

³⁹ Оп. 2. Д. 7. Л. 166—170 об.

- ⁴⁰ Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 77—77 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 12. Л. 104; Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. С. 477—478.
- ⁴² ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 21, 23, 28, 31, 35, 124, 143; Д. 47. Л. 6—6 об., 21—22, 35—35 об.; Оп. 2. Д. 9. Л. 26—27.
- ⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 57—60.
- ⁴⁴ Там же. Д. 80. Л. 109—111.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 18 об.—19; Д. 7. Л. 67; Оп. 1. Д. 84. Л. 29—30; Д. 62. Л. 1, 22 об.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 151. Л. 93—93 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 80. Л. 124; Д. 93. Л. 83; Д. 143. Л. 14, 24, 45 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 72. Л. 63—66 об.
- ⁴⁹ Сост. по: ГАТО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 208. Л. 4—9.
- ⁵⁰ Там же. Д. 72. Л. 12—15; Д. 88. Л. 22—22 об.; 30—32.
- ⁵¹ Там же. Д. 179. Л. 34—34 об.
- ⁵² Списки воспитанников высших учебных заведений в 1912 г. (Там же. Д. 160); Список артистов японской цирковой труппы в 1911 г. (Там же. Д. 113. Л. 8); Список артистов театра А.И.Текутьева (Там же. Д. 230. Л. 4—5); Списки педагогического и медицинского персонала в 1915 г. (Там же. Д. 199. Л. 3—11, 13—15, 31—36, 39—40, 44—44 об., 46—46 об., 48—53 об., 55—55 об.).
- ⁵³ Там же. Д. 199. Л. 13—15.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 29—30, 37—101, 102—109, 110—117, 118—125.
- ⁵⁵ Там же. Л. 173—175.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 80. Л. 122—124; Д. 93. Л. 83.
- ⁵⁷ Там же. Д. 4. Л. 3—3 об.; 20—20 об.; 39, 70 об., 95, 116, 147—151; Д. 67. Л. 73; Д. 127. Л. 312; Д. 151. Л. 179—180; Д. 191. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. Д. 4. Л. 116.
- ⁵⁹ Там же. Д. 227. Л. 5, 10, 41, 52, 84.
- ⁶⁰ См.: Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966; Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914 гг.): Сб. док. Свердловск, 1981; Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Сб. док. М., 2001; Февральская революция 1917: Сб. документов и мат-лов. М., 1996.

Глава 9

ОТРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ССЫЛКИ НА СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТАХ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Одной из важнейших, но пока малоизученной страницей истории является судьба спецпереселенцев. Преимущественно это были раскулаченные крестьяне, лишённые избирательных прав и выселённые со своими семьями из пределов сёл и деревень, в которых они проживали. В основной своей массе это были честные и добросовестные труженики, на долю которых выпали тяжелейшие жизненные испытания.

Север Западной Сибири был одним из регионов страны, где широко использовался труд спецпереселенцев как постоянной кадровой рабочей силы в освоении и разработке значительных лесных площадей, в развитии рыбного хозяйства и на строительстве.

Безусловно, работы исследователей В.Н.Земскова, Н.А.Ивницкого, Н.Я.Гущина, Т.И.Славко и А.Э.Бедея, Е.И.Плотникова, Л.В.Захаровского, С.Красильникова дают возможность исторической реконструкции механизма осуществления, положения, численности и последствий массовых принудительных спецпереселений различных категорий и групп населения в сталинском обществе.

Наиболее полную информацию по вопросам изучения Обь-Иртышского Севера представляет группа источников о проблеме ссылки крестьян на Север Уральской области, которую извлекла из архивов и ввела в научный оборот Л.В.Алексеева¹.

В числе наиболее значимых сборников документов следует выделить серию публикаций документальных материалов о спецпереселенцах Западной Сибири, подготовленную под руководством В.П.Данилова и С.А.Красильникова². Включённый в сборник материал освещает технологию и этапы массового раскулачивания, знакомит с режимом изоляции сосланных крестьян, с условиями их существования, правовым статусом спецпереселенцев. Подробно показаны также различные уровни управления жизнью спецпереселенцев. Кроме того, авторами сборников в предисловиях дается тщательный анализ государственной политики спецпереселения,

ее целей и задач. Многие документы, которые ранее были секретными и хранились в центральных государственных архивах, опубликованы В.Н.Земсковым³. В них раскрывается деятельность властных структур и нормативная база спецпереселений.

Особое место среди документальных публикаций по вопросу крестьянской ссылки в Северо-Западную Сибирь занимает труд «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание»⁴. Эта документальная публикация задумана и осуществлялась историками России (Н.Ивницкий), Австралии (С.Уиткрофт), Англии (Р.Девис), Канады (Л.Виола и Р.Джонсон), Корейской республики (Хан Чжонг Сук), США (Р.Маннинг), Франции (А.Берелович) под общим руководством выдающегося исследователя истории советского крестьянства профессора В.П.Данилова (Россия).

Второй том содержит документы по истории крестьянской ссылки и позволяет уточнить количество высланных крестьян и их семей из различных районов СССР на север Западной Сибири.

Особую ценность представляют рукописи воспоминаний участников и очевидцев крестьянской ссылки, отложившиеся в научных фондах Тобольского городского правозащитного историко-просветительного общества «Мемориал», а также опубликованные в документальном сборнике «Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа»⁵ из серии «Судьба моя — Югра». Несмотря на фрагментарность выявленного документального комплекса публикуемые в основном впервые материалы являются весьма интересными. Они существенно дополняют картину политических репрессий, воссоздаваемую на основе управленческого делопроизводства, раскрывают субъективное восприятие событий их очевидцами и участниками.

В начале 1990-х гг. уральскими учеными Т.И.Славко и А.Э.Беделем был составлен сборник документов «Раскулаченные спецпереселенцы на Урале»⁶, в который вошли новые документы и материалы, извлеченные из архивов Свердловской области и ранее не публиковавшиеся. Данная проблема в 1990-х гг. также получила освещение в документальных публикациях курганского историка Е.И.Плотникова⁷, известного своими разысканиями о положении крестьян Зауралья в период коллективизации, раскулачивания и ссылки. В середине 1990-х гг. И.Е.Плотниковым был подготовлен

к печати сборник документов, в котором в числе других источников помещены материалы о сосланных на север Тобольского округа крестьянах. Однако в большей степени им уделено внимание ссыльным на севере Западной Сибири в документальном сборнике, вышедшем в 2004 г. в издательстве Нижневартковского пединститута под редакцией Л.В.Алексеевой⁸.

Одним из ценнейших источников по теме крестьянской ссылки является коллективная работа российских и зарубежных исследователей «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940», вышедшая в свет в 2005—2006 гг.⁹ В издание включены документы Архива Президента Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, посвященные разработке и осуществлению антикрестьянской репрессивной политики в форме высылки и пребывания на спец(труд)поселении сотен тысяч крестьянских семей. Хранящиеся в фондах директивных инстанций и исполнительных звеньев партийно-государственной машины документы — от инициативных записок и телеграмм до материалов отчетного характера — отражают основные этапы политики раскрестьянивания.

Основу корпуса источников составляют постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о кулаках и спецпереселенцах, подготовительные материалы к ним, решения центральных органов государственной власти (СНК и ЦИК СССР), а также инициативная и отчетная документация органов ОГПУ—НКВД о проводимых массовых и локальных депортациях крестьянства и формировании системы спец(труд)поселений. Представленные в публикации документы, на наш взгляд, если не устраняют, то в немалой степени восполняют информационный пробел по данной проблематике.

Значительная часть документов, отражающих процесс ссылки крестьян на Север, находится в центральных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Не менее важными для изучения крестьянской ссылки являются документы государственных архивов Урала и Сибири: государ-

ственных архивов Свердловской и Тюменской областей (ГАСО; ГАТО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОООС), Государственного архива общественно-политических организаций Тюменской области (ГАОПОТО).

В ГАРФ находятся документы фонда Р-9479 «Четвертый специальный отдел МВД СССР (1931—1934 гг.)». В фонде содержится переписка ОГПУ (письма, телеграммы), а также различная распорядительная документация — секретные циркуляры, приказы, инструкции ОГПУ полномочным представительствам на местах. Эти источники позволяют проследить деятельность репрессивного ведомства, процесс выработки и принятия им решений по спецпереселенцам в динамике, в зависимости от изменяющихся целей политики спецпереселений крестьян.

Основную массу документов составила текущая делопроизводственная документация — переписка центральных, региональных и местных органов власти, ОГПУ и его полномочных представительств (ПП) в регионе, изучение которой позволяет выявить реальную ситуацию в деле спецпереселений крестьян на Обь-Иртышский Север.

Среди архивных документов наибольший интерес представляют неопубликованные документы нормативно-директивного характера (секретные постановления, указания, директивы, циркуляры). Так, в циркуляре главного управления лагерями ОГПУ всем начальникам отделов, отделений и инспекций ПП ОГПУ № 541272, от 21 декабря 1932 г. «О порядке проведения в спецпоселках обязательных постановлений РИК, ГИК и С/С.», говорится: «...ввиду запросов с мест разъясняется: 1. все обязательные постановления издаваемые Сельсоветами, РИКаами, Горисполкомами по вопросам борьбы с эпидемиями, с эпизоотиями, по вопросам, регулирующим пастьбу и выгон скота, пользования лесами местного значения, проведения в жизни агрозоомероприятий и т.д.

2. эти постановления доводятся до сведения спецпереселенцев комендантами путём вывешивания в помещении комендатур, в бараках, объявления по бригадам и т.д.

3. штрафы, взимаемые с лиц, не выполняющих или нарушающих обязательные постановления в спецпосёлках, накладываются и взыскиваются комендантами в размерах, установленных этими постановлениями.

Все суммы, полученные от штрафов, обращаются в фонд культурно-массовой работы...»¹⁰.

Не менее интересными являются документы организационно-исполнительного и учетно-отчетного характера (особенно имеющие критическую направленность материалы инспекторских проверок, контрольных обследований различных комиссий). В них содержится подробная схема доклада о состоянии спецпереселенцев на местах, предложенная центральными органами¹¹.

Данная схема включала несколько разделов: 1. Администрация поселковых и районных комендатур; 2. Жилищные условия; 3. Санитарно-медицинское обслуживание; 4. Культурно-воспитательная работа; 5. Бытовые вопросы; 6. Продовольственное и промтоварное снабжение; 7. Спецпереселенцы в промышленных предприятиях; 8. Производительность труда; 9. Зарплата и доходность; 10. Настроения; 11. Спецпереселенцы в сельском хозяйстве; 12. Другие виды деятельности; 13. Побег¹².

При этом для каждого раздела данной схемы существовал определенный алгоритм, по которому необходимо было строить доклад. Например, о побегах докладывали по следующей схеме:

«1. Описание наиболее характерных случаев побегов (групповые, связанные с убийством, грабежом, организованные побег^и с документами и т.д.), принятые меры.

2. Привести цифровые данные добровольно вернувшихся беглецов, отметить наиболее характерные объяснения их о причинах побега и возвращения.

3. Пути, маршруты и средства, коими пользуются беглецы.

4. Описание наиболее интересных разработок о попытках и подготовках побегов (примен. к п.п. 1 и 3). Их ликвидации.

5. Причины побегов (материально-бытовые условия, слабость охраны и т.д.).

6. Постановка борьбы с побегами (ответственность десятников, старост и уполномоченных в поселках, организация групп содействия, насаждение сети, связь с милицией, райотделениями ОГПУ), организация пеших и конных застав.

7. Отношение окружающего населения к беглецам (содействие в поимке, укрывательство). Описание характерных фактов (таблица имевших место побегов за отчетный период)»¹³.

Территория Обь-Иртышского Севера в годы коллективизации и раскулачивания крестьянских хозяйств входила в состав Уральской области, именно поэтому огромный интерес представляют документальные материалы по численности, транспортировке, условиям жизни спецпереселенцев, хранящиеся в государственных архивах города Екатеринбурга.

Большой пласт документации по истории спецпереселенческой политики хранится в бывшем партийном архиве Уральской области — Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Материалы по спецпереселенцам отложились в фонде 4 «Уральский областной комитет ВКП (б)» и в фонде Р-88.

В фондах архива различные организационно-распорядительные документы-протоколы заседаний бюро краевых, окружных и районных комитетов партии дают сведения о проведении операций по высылке «кулаков» из той или иной местности, о количестве высылаемых хозяйств, о принятии районами крестьян-спецпереселенцев из других регионов СССР.

Как известно, ссылка на Обь-Иртышский Север проходила в три этапа с 1930 по 1933 гг.

Первый этап ссылки менее всего изучен отечественной наукой, нет пока точных данных о числе ссыльных, их поло-возрастном, национальном, религиозном, социальном составе, смертности.

Потоки спецпереселенцев документально прослеживаются со второй волны ссылки, а именно с 1931 г. Поэтому документов по первым спецпереселенцам, датированных 1930-м г., сохранилось очень мало, а те, которые сохранились, свидетельствуют о неготовности власти к столь массовому приему крестьян-спецпереселенцев в регионе. Первые партии ссыльных оказались в тяжелом положении, поскольку никто их не ждал. В постановлении Тобольского окружкома ВКП(б) № 41 от 29 марта 1930 г. говорилось: «Просить обком ВКП(б) воздействовать на соответствующие организации о скорейшей высылке исследовательской партии для исследования лесных массивов и рыбоугодий по рекам: Надым, Полуи — Обдорского района; Югану и Тром-Югану — Сургутского района; с целью их возможной эксплуатации вселяемым кулачеством»¹⁴.

Этот факт, а также отсутствие информации о каторжанах-первопроходцах, косвенно свидетельствуют о том, что власти не знали

географии расселения и полагались исключительно на революционную волю. Людей с первой же навигацией буквально выбрасывали по берегам на многочисленных притоках Оби, где спецпереселенцы рыли землянки, делали шалаши, а впоследствии строили поселки. Согласно докладной записке заместителя председателя УОСНХ Терехова в Уралобком ВКП(б) товарищу Кабакову, от 2.03.1930 г., к тому времени спецпереселенцев на Тобольском Севере насчитывалось около 2000 семей¹⁵.

Все поселения были распределены по специфике работ, соответственно на лесо- и рыбозаготовки. Политика руководства сводилась к выполнению плана заготовок, что сказывалось на хозяйственном обустройстве самих спецпереселенцев. В протоколе № 76 от 30.10.1930 г. заседания бюро Тобольского ОК ВКП(б) по резолюции доклада тов. Белоусова об устойчиве переселенцев сказано: «...Общее состояние работы по хозяйственному устройству переселенцев остается неудовлетворительным (Рыбтресту необходимо 1127 домов — построено 400). До сих пор большая часть спецпереселенцев размещается по крестьянским домам и домам туземцев, что связано с трудностями административного обслуживания и благодаря скученности и антисанитарными условиями вообще не гарантирует от возможности возникновения эпидемии»¹⁶. (Здесь и далее по тексту статьи цитаты приводятся с сохранением грамматики и орфографии источника).

Снабжение продовольствием первых переселенцев тоже не было налажено. Пароходство страны абсолютно не было готово к перевозке грузов на Север, что повлекло скопление огромного количества продовольственных товаров в г.Тобольске. Из протокола № 81 заседания бюро Тобокружка ВКП(б) от 3.12.1930 г.: «...в истекшую навигацию Госпар абсолютно не был подготовлен к перевозкам грузов на Север, благодаря чему значительное количество грузов осталось в Тобольске и будет вывезено гужом, что значительно удорожает стоимость товаров (завозимых) и кроме того создает перебои в снабжении и этим самым срывает работу по сырьевым заготовкам»¹⁷.

Перевозка той части товаров, которая все же попадала на Север, осуществлялась в ужасных условиях. Доказательством тому может служить докладная записка тов. Н.Долгирева от 24.09.1930 г., в Уралобком ВКП(б) секретарю Обкома ВКП(б) Зубареву: «Уважаемый

товарищ Зубарев, ...ехал я на пароходе „Коммунист“ ровно 12 суток от Тюмени до Тобольска. В то время как езды одне сутки... Пароход „К“ прибыл с грузом рыбы в Тюмень в ночь на 10-е сентября и приступил к разгрузке... Грузчики рвут кули, ломают рыбу, разбивается бочка рыбы, мигом ее разбирают, а тара выкидывается за борт, никто за это не отвечает... Но вот выгрузили рыбу, началась погрузка муки, овса, на Север, мешки бросают в трюм с плеча, мешки не выдерживают — рвутся, мука летит по всему пароходу, овес кули порваны, все смешано... Командир парохода пытается пройти мель, хотя за 6 километров от переката пароход принял полный груз, зная заранее, что на переходе воды всего 140 см, в то же время берет нагрузку на 160 и более... садимся на мель... командир пьяный уходит с мостика... сидим пять суток... Снять не смогли в течении десяти суток, а пришлось подать баржу из под керосина, и началась разгрузка хлеба в керосинные баржи под снегом и дождем, в результате 48 тыс. пудов хлеба, муки, овса... смешали с грязью... и керосином... Пассажиры парохода 12 суток голодают... меняют свое белье, шинели населению на хлеб и картошку...»¹⁸.

На первом этапе крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север спецпереселенцев планировалось использовать в рыбной и лесной промышленности. В первый год план по заготовке рыбы не выполнялся, о чем свидетельствует протокол № 32 заседания секретариата Тобольского окружкома ВКП(б) от 10.06.1930 г.: «По отдельным районам выполнение майского плана рыбозаготовок характеризуется следующими %: Самаровский район — 95%; Сургутский — 6,0%; Уватский — 22%... Основные причины плохого выполнения плана: 1. Отсутствие надлежащего руководства рыбозаготовками. 2. Недостаточно крепкая связь с местным населением. В результате чего часть рыбацкого населения выловленную рыбу не сдает, а продает на вольном рынке. 3. Слабое уплотнение рабочего дня: не был введен непрерывный лов рыбы; 4. Недостаточное количество катеров для обслуживания рыбозаготовок, в следствии чего прием рыбы задерживался, что приводило к порче выловленной рыбы»¹⁹.

Одной из главных трудностей в рыбозаготовительной кампании, с которой столкнулись власти на Севере, явилось обучение крестьян спецпереселенцев (по сути земледельцев) рыбной ловле, а также отсутствие связи с местным населением. Об этих трудностях

докладывал в своей служебной записке от 3.09.1930 г. товарищу Мирзояну один из комендантов: «...Трудность работы с туземцами (остяком, самоедином) по существу с основным ловцом на Севере, обучение и приспособление к лову завезенных нами переселенцев (земледельцев), боящихся даже сесть в лодку, канитель с ими, тяжелые ошибки в коллективизации на Севере, повлекшие значительный уход туземца ловца в тундру, все это создавало чрезвычайно тяжелые условия в работе»²⁰.

Огромные пласты документальных материалов по крестьянской ссылке на Север Западной Сибири, в том числе и по первому периоду, хранятся в местных архивах и архивах Урала. Многие из них еще не востребованы историками.

Вовлечение их в круг научных исследований позволит во многом обогатить конкретными сведениями изучение крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север, представляющей немалый интерес для понимания истории нашей страны.

Однако документация по истории советского крестьянства, хранящаяся в бывших партийных архивах, имеет определенную специфику. Так как ВКП(б) была силой, руководящей всеми сферами жизни советского общества, и важнейшие постановления, касающиеся советского крестьянства, принимались совместно партийными и советскими органами, в архивных фондах обкомов, крайкомов, райкомов, парторганов высшего звена отложились отчеты о состоянии советского крестьянства подчиненных им территорий, подготовленные в структурах различных ведомств.

Эти документы составлялись, как правило, специально для партийных, советских органов и были адаптированы для восприятия партийно-советской номенклатуры. Райкомы, обкомы, республиканские комитеты партии предпринимали самостоятельные исследования, по результатам которых и составляли отчеты и записки.

При использовании партийных материалов необходимо помнить, что они имеют ярко выраженную идеологическую окраску, так как их появление было связано с проведением политических кампаний. Положительным моментом данных материалов является изобилие примеров из жизни, что позволяет наполнить историческое исследование яркими описаниями.

Большой интерес представляют документы «Уральского областного исполнительного комитета» (Ф. Р-8823), хранящиеся

в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Это информационные сводки прокурора Уральской области о проведении сплошной коллективизации в округах, перегибах местных властей, депортации крестьянских семей в места ссылки; переписка партийных и советских органов с Полномочным представительством ОГПУ на Урале, содержащая секретные циркуляры и меморандумы, касающиеся организации сети спецпоселений в регионе; жалобы крестьян, подвергшихся «раскулачиванию» и ссылке; статистические данные о количестве и составе крестьянской ссылки; документы о приеме и размещении спецпереселенцев в северных округах, их трудовом и бытовом устройстве. Анализ этих документов и материалов позволят определить миграционные потоки ссылки, дислокацию спецпоселков. Например, уже в марте 1930 г. комендантский отдел Уралобласти сообщал председателю Уральского исполнительного областного комитета данные о количестве, составе и трудовом использовании спецпереселенцев. Общее число населения спецссылки составляло по северным районам 134 421 человек, из них трудоспособных — 56 685 или 42,1%, нетрудоспособных — 29 245 или 21,7%, детей — 48 491 или 36,2%²¹.

В том же документе сообщалось, что в рыбных промыслах занято 6 204 человек, в прочих производствах — 23 576. Число привлеченных на работы спецпереселенцев составляло 66% от общего числа ссыльных (взрослых)²².

В вышеуказанных фондах имеется значительное число документов, определяющих условия труда и быта спецпереселенцев, материальное обеспечение семей раскулаченных, правовой статус спецпереселенцев. Так, для спецпереселенцев устанавливались двойные нормы выработки, т.е.: «...вместо нормального 2,5 кубометра в день на человека 5 куб. м., и если даже у семьи один трудоспособный сделает 5 куб. метров, то он получит муки или печеного хлеба 1 кг 200 гр, а семья у него 6 чел., то приходится по 200 гр. на каждого члена семьи, но есть семьи по 8 человек, этим придется только по 150 гр...»²³.

Несмотря на трудности и лишения, некоторые лесоучастки выполняли и даже перевыполняли производственные планы. «...контратировать, что план лесозаготовок перевыполнен (лесозаготовка — 135%; вывозка — 125; экспорт — заготовки и вывозка — 103%). Однако это достигнуто исключительно административными

методами при наличии ряда отрицательных моментов, затрудняющих лесозаготовительные кампании:

- неоднократное изменение лесозаготовительных программ;
- отсутствие выявленных лесных массивов;
- необеспеченность рабочих прод. и промтоварами, спецодеждой и жилищем (вместимость бараков — 1695, число лесорубов — 3665 человек), что повлекло за собой заболеваемость и бегство лесорубов с лесозаготовок (вместо необходимых 3580 человек работало лишь 1900 чел.)»²⁴.

Интерес представляют также документы о развитии на Обь-Иртышском Севере огородничества и животноводства, кустарных промыслов и использовании в них спецпереселенцев.

В начале 1930-х гг. одним из первых предприятий местной промышленности в Остяко-Вогульском округе стал Самаровский лесозавод, являвшийся подсобным предприятием консервного комбината. В некоторых пунктах Самаровского и Кондинского районов были сооружены небольшие маслозаводы, снабженные только сепараторами для перерабатывания молока в сливки, а затем — в масло. Однако следует отметить, что отдельные Уральские областные организации планировали развитие кустарного производства уже весной 1931 г., например, Уралпромкредит. Так, в докладной записке Уралсовету от 7.04.1931 г. председатель правления Уралпромкредсоюза Бретт докладывал о том, что благоприятные экономические предпосылки (наличие на месте производственного сырья, свободной рабочей силы, малоемкой для других производств, а также квалифицированных специалистов по всем видам производств) давали возможность при минимальных капиталовложениях развернуть в большей части северных районов, в основном в местах лесоразработок, кустарные производства и промыслы²⁵.

Необходимость развития кустарной промышленности в округе диктовалась также большой потребностью рыбной, лесной и других видов промышленности в обозах, твердой и мягкой таре, а также в бондарных изделиях.

В 1931 г. на основании этого Уралпромкредсоюз наметил ориентировочный план развития кустарных промыслов по следующим основным отраслям:

1. Бондарное производство в том числе и твердой тары.

2. Производство группы щепных изделий массового потребления.
3. Мочало-рогожное производство.
4. Лаптеплетение.
5. Сетевязание.
6. Обозострение (в том числе санное производство).

Наряду с развитием данных отраслей с целью создания сырьевой базы и выработки подсобных материалов планировалось вести заготовки обруча и клепки для бондарных производств, лыка и корья для кожевенной промышленности, а также заготовки хмеля, кедрового ореха, ягод, грибов, лекарственного сырья.

Планировалось также по мере выявления экономической базы на местах развивать и такие виды производства, как углежжение, лесохимическое, кирпичное, гончарное, столярное, а также производство рыбацких лодок, твердой тары и даже игрушек. Причем стоимость изготавливаемой продукции при всех затратах на развитие местных кустарных производств, по подсчетам Уралпромкредсоюза, была ниже на 30% стоимости той же продукции, принимаемой от кустарей-одиночек²⁶.

Сравнение данных документов с материалами деятельности высших партийных и государственных органов позволяет выявить результативность спецпереселенческой политики в регионе, степень выполнения решений центральных органов власти.

Значительная часть архивных документов по рассматриваемой проблеме хранится в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО).

Информационную ценность представляют отчеты и акты обследования представителями ОГПУ различных предприятий, которые использовали труд крестьян-спецпереселенцев. Информацию о применении труда спецпереселенцев на промышленных предприятиях Обь-Иртышья дополняют отчеты самих хозработников о деятельности предприятий региона²⁷.

Однако использовать данные документы необходимо с известной долей критики, поскольку иногда информация из рапортов была далека от реального положения вещей.

Одним из приоритетных направлений, проводимых сталинской администрацией мероприятий по проведению спецколонизации на Обь-Иртышском Севере, являлось использование спецпереселенцев на рыбных промыслах. Об этом свидетельствует

постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях Уральской области» от 9 марта 1930 г.: «...3. Признать необходимым при проведении спецколонизации:

а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесозаготовках, на рыбных и иных промыслах, в отдаленных, остро нуждающихся в силе районах...»²⁸.

Деятельность государственных органов по отношению к спецпереселенцам 1930 — начала 1940-х гг., а также весомость вклада этой специфической категории населения в освоение районов Западной Сибири отражены в документах из рассекреченного фонда «Омский (Обской) государственный рыбопромышленный трест», находящегося на хранении в Государственном архиве Тюменской области²⁹.

Различные организационно-распорядительные документы — протоколы заседаний бюро краевых, окружных и районных комитетов партии — дают сведения о проведении операций по высылке «кулаков» из той или иной местности, о количестве высылаемых хозяйств, о принятии районами крестьян-спецпереселенцев из других регионов СССР. Эти документы обнаружены в Государственном архиве общественно-политических организаций Тюменской области (ГАОПОТО) (Ф. 107. Остяко-Вогульский окружном ВКП (б)).

В фондах ГАОПОТО хранятся уникальные материалы по вопросам регулирования и регламентации производственной и социальной сфер жизни спецпереселенцев 1930-х гг.: документы, касающиеся взаимоотношений спецпереселенцев и чрезвычайных органов. Значительное место занимают различного рода решения и постановления, выписки из протоколов заседаний Уралобкома ВКП(б). Примером может служить секретное письмо Уралобкома ВКП(б) в Остяко-Вогульский ОК ВКП(б) от 8.06.1932 г., в котором под грифом «совершенно секретно» содержится постановление бюро Уралобкома ВКП(б) по вопросу о хозяйственном использовании спецпереселенцев и культурно-массовой работе среди них. При изучении этих документов, необходимо обращать внимание на то, что большинство из них носит директивный характер и в основном не отражает действительного положения дел в тех отраслях производства, где были заняты спецпереселенцы.

Довольно крупный блок архивных документов по спецпереселенческой политике — это протоколы совещаний и заседаний различных уровней, деловая переписка. Эти источники дают возможность глубже разобраться в истории развития отраслей хозяйства, в которых были задействованы спецпереселенцы, выяснить многие частные факты: о снабжении, зарплате, хозяйственном обустройстве. Однако эти документы отличаются наибольшей долей субъективизма. Так, например, доклад заведующего строительной частью Попова «О состоянии переселенческого строительства» на распорядительном заседании по вопросу переселенческого строительства от 5 октября 1931 г. и аналогичный документ, составленный при проверке работы этого же треста вышестоящим органом (представителем «Союзрыба»), существенно отличаются (ГАОПОТО. Ф. 107).

Если первый объясняет плохую работу объективными причинами: «...1) поздняя доставка лесоматериала; первая партия леса прибыла в середине августа; запасов лесоматериалов на месте не было ни каких, 2) острый недостаток в рабочей силе, в особенности в плотниках, 3) недостаток прочих строительных материалов, пиломатериалов, гвоздей, кирпича, дверных и оконных приборов и кровельного железа...»³⁰, то во втором документе причины субъективны: «...1) крайне низкая оплата труда спецпереселенцев по Сургутскому и Березовскому районам, неприменение к ним республиканских расценок; 2) слабая организация рабочей силы, нераспорядительность администрации на местах; 3) отсутствие увязки в работе стройучастков с директорами комбинатов и промыслов, директора промыслов в большинстве своем остались пассивными зрителями строительства... по всем районам наблюдалось недостаточное содействие администраций промыслов переселенческому строительству., также слишком недостаточно проявлено инициативы к замене дефицитных стройматериалов материалами местными (кирпич, дверные, оконные приборы, глинобитные очаги и т.п.)»³¹.

Большую ценность для исследования самых разнообразных проблем крестьянской ссылки на Север Западной Сибири представляют годовые отчеты предприятий, объединений, трестов Остяко-Вогульского округа. Данные отчеты составлялись по единой методике по утвержденным формам, которые практически не ме-

нялись, что позволяет сделать вывод о полной сопоставимости этих источников. Годовые отчеты содержат главным образом информацию о темпах хозяйственного освоения той или иной территории; об организации строительства (как производственных объектов, так и жилых помещений для спецпереселенцев); о выплате зарплаты спецпереселенцам и снабжении их; о медицинском обслуживании; о школьном деле, а также культурном обслуживании (ГАОПОТО. Ф. 107). К большому сожалению, этих документов в архивах обнаружено мало, что объясняется принадлежностью предприятий (в которых были заняты спецпереселенцы) к различным ведомствам и их многократными реорганизациями.

Наибольший интерес представляют документы, характеризующие положение детей спецпереселенцев на Обь-Иртышском Севере.

Отчетный документ «Работа по охране материнства и младенчества по Остяко-Вогульскому округу» дает нам полную характеристику положения детей спецпереселенцев дошкольного возраста по состоянию на 1 октября 1933 г.: «...Окружным планом на 1933 год намечено открытие детяслей по округу — 88 (из них 30 постоянных и 58 летних) с охватом 2 645 детей, в том числе детей спецпереселенцев — 608...»³².

По районам округа количество детей спецпереселенцев дошкольного возраста составляло: Самаровский район — 179 человек, Сургутский — 45, Кондинский — 99, Березовский — 225, Шурышкарский — 60 человек³³.

Качественная сторона работы детских яслей также не удовлетворяла требованиям: «...По обследованию бригадой Окрздравотдела в некоторых районах работа поставлена далеко неудовлетворительно как частично — Самаровский район. Плохо подготовлены кадры, недостаточное оборудование помещений и сами помещения не соответствуют ясельным требованиям, нет при яслях изоляторов. Хозяйственные организации не выполняют договора (Самаровский к/комбинат должен построить помещение под ясли — такового не построил).

<...> Районные инспектора Здравоохранения по охране материнства и младенчества правильной постановке работы таковых совершенно не уделяют внимания. На ряд запросов Окрздравотделом сведений по этому вопросу райздравотделы отмачиваются, несмотря на ряд выговоров, объявленных за непредставление

сведений. При таких условиях сведения о ясельной сети приходится собирать всевозможными путями через уполномоченных и работников, приезжающих из районов.

Питание детских ясель проходит по целевому снабжению колхозов. Колхозы имеют овощи, молоко, но хлеба, сахара и крупы не имеют, этим грозит опасность срыва работы постоянных детских ясель»³⁴.

Во многих спецпоселках не работали школы из-за отсутствия преподавателей, а также помещений для школ. Часто педагогами были сами спецпереселенцы, на начало 1932 г. они составляли 42,2% от всего педагогического состава. Свидетельством такого положения в Остяко-Вогульском округе является политсводка по Ларьякскому району на 26 сентября 1931 г.: «...Школьная сеть утверждена Краем — 6 школ, из них одна кочевая «Кр.Чум», учителей имеется на 20.09.1931 г. всего 3 чел., будут ли остальные — РИК не знает. Намеченные к открытию школы в Б-Ларьяке, Охтеурии, К-Егане и Тархово не выстроены, хотя в некоторых Тузсоветах имеется заготовленный лес, постройка не производится за отсутствием в районе плотников, найти какие-нибудь помещения в тузсоветах под школы на эту зиму, Пред. Тузсоветов говорят — нет. Приехавшие учителя совершенно никакой работы к учебе не проводят...»³⁵.

Еще более сложное положение по линии школьного обеспечения было в Сургутском районе, о чем свидетельствует протокол № 32 заседания Сургутского райкома ВКП(б) от 27 июня 1931 г.: «...Школ ни в одном поселке нет, дети школьного возраста нигде не обучаются за исключением отдельных лиц, посещающих школы в местных поселках. В большинстве же в местных поселках в учебе в школах детей спецпереселенцев до февраля м-ца с/г отказывают как детям кулаков. По линии же ОкрОНО по части разрешения школьного вопроса до сих пор ничего не сделано...»³⁶.

Эта ситуация очень тревожила административные органы, прежде всего в связи с боязнью негативного политического влияния и зачастую низкого уровня знаний педагогов. Задачи максимального экономического использования спецпереселенцев требовали особого внимания к вопросам повышения уровня их грамотности и профессионально-технического обучения. Поэтому в течение первых двух месяцев 1932 г. была проведена мобилизация части педагогов из ряда регионов страны.

К примеру, в Самаровском районе по состоянию на 1 декабря 1932 г. имелось 47 школ: из них 35 школ кадровых и 12 на спецпоселках. Для того чтобы обеспечить все школы района учителями, требовалось 108 человек, а в действительности было только 94. Безусловно, для администрации первоочередной задачей являлось укомплектование кадровых школ. Поэтому в докладе о состоянии работы по всеобщему начальному обучению в Самаровском районе в разрезе выполнения решения ЦК ВКП(б) на заседании бюро РК ВКП(б) от 1.12.1932 г. приводились следующие данные: «...Укомплектовано школ педагогами полностью 34 школы, не укомплектовано 10 школ, не открыто ввиду отсутствия учителей три школы. Всего подлежало охватить всеобщим начальным обучением контингент учащихся на 1932/33 год 3316 человек, из них детей на спецпоселках 957 человек... Охвачено же по состоянию на 1.12. с/г детей спецпереселенцев 664 чел., или 69,5%...»³⁷.

Данный документ позволяет сделать предположение, что некомплектованные и неоткрытые школы находились на спецпоселениях.

Но даже в тех школах, которые были открыты, выявлялся ряд недостатков:

1. Школы к началу учебного года не были полностью отремонтированы и не обеспечивались своевременно дровами и инвентарем.

2. Школьные занятия, вместо 1 сентября, начинались 30 октября.

3. Точного учета детей дошкольного, школьного возраста и «переростков» в РайОНО не было.

4. Учебниками, наглядными пособиями, тетрадями и карандашами школы обеспечивались плохо, а в ряде школ их и вовсе не имелось.

5. Тетрадей почти во всех школах не было, большинство школьников писали на газетах.

6. Школьные завтраки в школах не были налажены, были случаи перебоев в снабжении учителей продуктами питания и промтоварами.

7. В отдельных школах не было программ и производственных планов, учителя работали в «бесплановом порядке»³⁸.

Продолжающаяся нехватка педагогов была связана и с тем, что многих из них УралОНО использовало не по назначению, а для

укомплектования основной сети школ. Но несмотря на все недостатки в строительстве и обеспечении, учебных заведений в спецпоселениях Остяко-Вогульского округа с каждым годом становилось больше.

Безусловно, большой интерес представляют документы, которые позволяют выявить занятость детей в производственной сфере региона.

По данным учета различных производственных организаций подростки от 14 до 16 лет и старше использовались на работах в рыбной, лесной отраслях, на строительстве и в сельском хозяйстве, а также в кустарном производстве, но по учету входили в число детей.

Свидетельством использования детей в производственной сфере может служить докладная записка «О трудовом использовании спецрабсилы по системе Уралобллестреста и Лесокустоюза» начальнику ОСП ПП ОГПУ по Уралу тов.Черепанову по состоянию на 1 ноября 1932 г.: «...Использование рабсилы по линии рыбпромыслов в Березовском, Сургутском и Шурышкарском районах ко всему наличию спецрабсилы, которая закреплена за промыслами, используется трудоспособных мужчин: 3 905 чел., женщин 3 263 чел., кроме подростков от 14 до 16 лет, которые по учету входят в число детей, а используются на работах по данным учета промыслов: мужчин 3 687 чел., женщин 2 255 чел.. подростков 681 чел.»³⁹.

Анализ архивных документов дает возможность отметить такой факт, что уже в 1932 г. из общего количества детей спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе (11 402 человека) в рыбной, лесной промышленности, в «Интегралсоюзе» и на сельхозколониации был занят в общей сложности 971 подросток, что составляло 8,5% от общего количества детей, закрепленных за предприятиями округа, и 9,3% от общего количества трудоспособного населения спецссылки.

В фондах ГАОПОТО имеется большой комплекс документальных материалов районных исполнительных комитетов, которые в 1930-е гг. являлись исполнительными органами власти. РИКи осуществляли руководство хозяйственным и социально-культурным строительством; проводили в жизнь декреты, постановления и распоряжения центральных органов власти; руководили деятельностью всех находящихся в пределах района

советских учреждений, созывали совещания председателей сельсоветов, издавали обязательные постановления и налагали административные взыскания за нарушения постановлений в пределах территорий Сургутского, Березовского и других районов округа.

Привлеченные архивные документы позволили расширить представления по ряду сюжетов исследуемой темы, в частности, о географии крестьянской ссылки, социально-экономическом положении спецпереселенцев Остяко-Вогульского национального округа, о неуставных сельскохозяйственных артелях спецпереселенцев.

Источники, извлеченные из архивов, позволили конкретизировать факты о развитии подсобных хозяйств в округе, о режиме содержания спецпереселенцев.

Благодаря обнаружению новых документов удалось установить не только численность спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе по этапам крестьянской ссылки, но и число занятых в сельском хозяйстве, рыбной, лесной, кустарной промышленности. Выявлена статистика по применению детского труда на предприятиях округа.

Примечания

¹ См.: Алексеева, Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: Национально-государственное строительство и население / Л.В.Алексеева. — Нижневартовск, 2002; Она же. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада / Л.В.Алексеева. — Екатеринбург, 2003.

² См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири 1930 — весна 1931 гг. Сб. док. / Отв. ред. В.П.Данилов, С.А.Красильников. — Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг.: Сб. док. / Сост. С.А.Красильников и др. — Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938 гг.: Сб. док. / Сост. С.А.Красильников и др. — Новосибирск, 1995. и др.

³ См.: Земсков, В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы / В.Н.Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 10. — С. 3 — 21; Он же. К вопросу о масштабах репрессий в СССР / В.Н.Земсков // Социологические исследования. — 1995. — № 10. — С. 118—127, и др.

⁴ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Док. и мат-лы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг. / Под ред. В.П.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. — М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Док. и мат-лы: В 5 т. Т. 3. Конец 1930—1933 гг. / Под ред. В.П.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. — М., 2000.

⁵ См.: Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. док. / Сост. Е.М.Брагина, Ю.В.Лазарева, Л.В.Набокова. — Ханты-Мансийск, 2002.

⁶ См.: Славко, Т.И., Бедель, А.Э. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.): Сб. док. / Сост. Т.И.Славко, А.Э.Бедель. Екатеринбург, 1993.

⁷ См.: Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье: Сб. док. / Сост. И.Е.Плотников. — Курган, 1995.

⁸ См.: Раскулачивание в Зауралье (на материалах Тюменского, Ишимского, Ирбитского и Тобольского округов). 1928—1930 гг.: Сб. док. / Сост. И.Е.Плотников; Под ред. Л.В.Алексеевой. — Нижневартовск, 2004.

⁹ См.: Политбюро и крестьянство: высылка, поселение. 1930—1940 гг.: В 2 кн. / Отв. ред. Н.Н.Покровский. — М., 2005. — Кн. 1; М., 2006. Кн. 2.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 11. Л. 51.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 347. Л. 72.

¹⁵ Там же. Оп. 9. Д. 218. Л. 7.

¹⁶ Там же. Оп. 8. Д. 347. Л. 147.

¹⁷ Там же. Л. 217.

¹⁸ Там же. Д. 133. Л. 13.

¹⁹ Там же. Д. 348. Л. 87.

²⁰ Там же. Д. 133. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 92—101.

²² Там же.

²³ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Л. 64.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 21. Д. 74. Л. 149.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 3. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 58

²⁹ Там же. Л. 1.

³⁰ См.: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. С. 76.

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же. Д. 53. Л. 51.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 12.

³⁷ Там же. Д. 37. Л. 26.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Ф. П-107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

Глава 10

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О КОМИ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XX в.

На территории Северного Зауралья в автономных округах среди русских, украинцев, ненцев, хантов, манси более полутора веков живут коми — мигранты бывшего Печерского уезда Архангельской губернии. Основной фамильный состав коми зафиксирован в метрических книгах бывших церквей на территории севера Западной Сибири. Это Витязевы, Терентьевы, Вокуевы, Филипповы, Ларионовы, Беляевы, Коневы, Каневы, Поповы, Семяшкины, Истомины, Сметанины, Чупровы, Кустышевы, Артеевы, Ануфриевы, Афанасьевы, Рочевы, Дьячковы, Хозяиновы¹. Местом их компактного проживания до сих пор являются г.Салехард, п.Мужи, Приуральский район на Ямале, п.Саранпауль, с.Казым в Югре.

По данным Всероссийской переписи 2002 г., сегодня в Ханты-Мансийском автономном округе живет 3821 коми, в Ямало-Ненецком автономном округе — 7179 коми². Если в XIX в. локальные группы коми Северного Приобья занимались в основном оленеводством, рыбным и охотничьим промыслами, торговлей, то в XX в. коми влились во все сферы промышленного производства, в социальную сферу, оставив за собой из традиционных видов хозяйствования только оленеводство.

Материалы газетных статей 30—40-х гг. посвящены в целом развитию той или иной отрасли сельского хозяйства, становлению колхозов. За общими сводками о рыбодобыче, уборке зерна (к примеру, зерновые культуры выращивали в Саранпауле, Няк-символе), заготовках сена, состоянии в оленеводстве, борьбе с неграмотностью и клубной работе не видно жизни коми. В этот период личность была на втором плане, люди всех национальностей были равны перед задачей обобществления средств производства. Публикации могут иметь интерес с точки зрения фиксации развития традиционных видов хозяйствования коми, во время обобществления средств производства, вливания их в новую социальную среду и социалистическую культуру. Иногда встречается

интересный материал, например, статья Небыкова о проводимых довоенных научных исследованиях в оленьих стадах³.

Обобщенных научных статей о развитии материальной и духовной культуры коми Северного Зауралья со второй четверти XX в. в периодической печати практически нет. В статьях, появившихся в конце XX и начале XXI вв., в основном отражена материальная культура. Особенно это заметно в статьях газеты «Красный Север» (г.Салехард). В них сказано в основном о старинных традициях и обычаях коми. Встречается перепечатанный из газет и журналов Республики Коми материал о традициях и быте коми-ижемцев. В СМИ Зауралья говорится в основном о личностях, их достижениях в той или иной отрасли хозяйства, печатаются легенды, материалы исторического характера о жизни этноареальных групп коми Северного Зауралья.

Газета «Северная панорама» Шурышкарского района выпускает страничку на языке коми (ижемском диалекте). В течение 20 лет ее постоянным автором является Л.М.Конева — бывшая преподавательница языка коми в Мужевской средней школе. Эта страница отражает события, происходящие в коми-среде региона, в публикациях речь идет о старинных обычаях, традициях, об интересных людях, народных умельцах, о фестивалях коми-песни «Чужан-Войтыр» («Родные люди»), контактах общественной организации коми-движения «Изьватас» с людьми ижемской земли Республики Коми⁴. Одна из последних публикаций Л.М.Коновой — «Дорогая, любимая Ижемская земля: Встречи на Ижемской земле» — посвящена поездке коми с. Мужи на историческую родину в Республику Коми, на научную конференцию «Ижемские чтения» и межрегиональный праздник Луд, традиционный для коми⁵.

Анализ публикаций газет Березовского райкома партии «Путь к коммунизму» за 1960, 1967, 1980 гг. и «Жизнь Югры» за 1997 г. показал, что статьи являются источником дополнительной информации о жизнедеятельности коми-региона. Например, статья «Неотложные задачи оленеводов» рассказывает о необходимости осуществления селекции, охраны стад от хищников⁶, сводки соревнований среди доярок дают фамильный состав доярок коми — победительниц соревнования. Подтверждается факт социальной активности женщин коми, участия их в производстве. На общем фоне публикаций сельскохозяйственного направления в 1960 г.

примечательна статья А.Сторожева (инженера-геолога Березовской комплексной геологоразведочной экспедиции) «Выездная сессия ученых в Березово» о выездной сессии в Березово отдела геологии нефти и газа Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья, в которой приняли участие более 100 ученых Тюмени, Новосибирска, Москвы⁷.

По спискам избирательных комиссий, спискам кандидатов в депутаты, опубликованным в газете, есть возможность выявить фамилии коми, занимающихся управлением на общественных началах, а также представителей коми в органах власти (обычно это 10% от общего числа депутатов)⁸. К примеру, в статье «Об утверждении состава окружной избирательной комиссии по выборам в районный совет народных депутатов 17 созыва» в газете «Путь к коммунизму» за 1980 г. опубликовано 377 фамилий, из них 44 — коми. Все они занимаются различными видами деятельности: авиаторы — 2, медицинские работники — 2, работники культуры — 2, образования — 6, торговли — 2, работники совхоза «Саранпаульский» — 4, совхоза «Ванзетурский» — 2, работники «Игримэнергогаза» — 6, автобазы № 4 — 1, треста ПТПС, из Игримской связи — 1, рыбокомбината — 3, промкомбината, коопзверопромхоза — по 1, работников исполкома — 2, остальные — представители от территориальных комсомольских организаций. Эти данные характеризуют коми района как людей социально активных, адаптированных ко всем сферам производства⁹.

В год празднования 50-летия Великого Октября (1967 г.) в газетных статьях подводятся итоги по всем направлениям развития социализма.

Замечательна заметка корреспондента коми В.Филиппова «В семье братской вольной» о взаимоотношениях и работе среди представителей разных национальностей: хантов, манси, ненцев, коми, немцев, русских, украинцев, корейцев в с.Полноват¹⁰. Автор подчеркивал торжество «ленинской национальной политики» в рамках одного села, отмечал, что выполнение задач по рыбодобыче, планов колхоза не зависит от национальности. «Они все живут по-братски, — пишет газета, — нет даже тени национальной неприязни, унижения, все равны».

Серия опубликованных в 1980 г. статей, посвященных 50-летию Ханты-Мансийского автономного округа, — «Новь древней

Югры» — содержит информацию об изменениях в экономике, социальной сфере, культуре округа, раскрывает состояние социальной среды в советский период, в которой проживали и коми¹¹.

В 80-е гг. после провозглашения очередного лозунга коммунистической партии — «о повышении человеческого фактора в социалистической экономике» — в рубрике о хороших производителях печатались фотографии и заметки об оленеводах, рыбаках, охотниках, социальных работниках национальности коми. Это фотографии и информация о М.Г.Филипповой — санитарке Саранпаульской больницы, В.П.Каневой — чумработнице совхоза Казымский, А.А.Головине — фельдшере скорой помощи в п.Березово, об В.С.Артееве — охотнике, а также оленеводах К.В.Хозяинове, Г.Попове¹². Ряд фотографий женщин коми подтверждает, что они носили национальные костюмы вплоть до 80-х гг. XX в. К сожалению, в поле зрения журналистов не попали коми, работающие в других отраслях экономики региона. Лишь статья Л.Губина «Трудный рейс» рассказывает о том, как с помощью опытного тракториста экспедиции Алексея Филиппова была выведена сбившаяся с пути колонна новых тракторов¹³.

В публикациях газеты «Жизнь Югры» за 1997 г. преобладает информация о жизни коренных малочисленных народов Севера — хантов и манси, об их борьбе за выживание в новых социальных условиях, об организации общественного движения народов севера на территории Ханты-Мансийского автономного округа «Спасение Югры». Коми, занимающиеся традиционным видом хозяйствования, относящиеся к языковой финно-угорской группе, в данную организацию не входят, о их правах в сфере оленеводства не упоминается¹⁴.

О с.Саранпауль в газете за этот год есть две публикации: заметка «О Саранпауле — юбиларе и его славных жителях» и статья главного специалиста окружного архива Л.В.Набоковой «Из истории Саранпаульского сельсовета». В последней приводятся фамилии коми, стоявших у истоков органов советской власти в селе, о составе сельсовета и туземного совета. В статье приведены данные из протокола общего собрания жителей Саранпауля, содержащего следующие сведения: в селе «в 1926 г. 294 двора, 2150 жителей, из них 1032 — зыряне, 851 — ханты, 244 — ненцы, 470 человек ведут кочевой образ жизни». В ведении туземного совета —

7 ближайших деревень, в которых проживает 1600 жителей, из них 818 зырян, 567 — манси, 130 русских, 93 ненца. Сообщается о том, что в селе с 1932 г. начали сеять зерновые культуры, в 1934 г. зерновыми (ячменем, пшеницей, овсом) было занято 35,9 га, картофелем — 9,7 га, огородными культурами — 2,4 га¹⁵.

В конце 90-х гг. на страницах газеты отражалась борьба за всеобщее образование в сфере образования. В последующее десятилетие появились статьи, посвященные качеству профессиональной подготовки школьников, практике изучения национального языка, обучению школьников в национальных школах традиционным видам хозяйствования. Опыт Саранпаульской школы по обучению детей (в том числе детей коми) азам оленеводства отражен в статье «Опыт Саранпаульской национальной средней школы по организации допрофессиональной и профессиональной подготовки учащихся 10—11 классов»¹⁶. Среди коми утвердилась новая традиция — занятия национальными видами спорта (прыжки через нарты, метание тынзяна на хорей). О ней, а также об участии коми в олимпиадах оленеводов, говорится на страницах газеты «Жизнь Югры». Это заметки А.Д.Филиппова «Соревнование по северному многоборью», «Традиционная 66-я олимпиада оленеводов в Саранпауле. Делу — время, потехе — час»¹⁷.

Дополнительную информацию о процессе адаптации коми в новых социальных условиях дают публикации газеты о национальных традициях, о родословных семей коми. Например, в статье «Династия Каневых» говорится об охотнике Алексее Каневе, который первым вступил в артель в 30-е гг. в с.Няксимволь Березовского района, о его детях. Пятеро из них остались жить и работать в селе, четверо уехали в города Ханты-Мансийск и Белоярский, работают в газовой промышленности¹⁸. История династии Артеевых на Березовской земле прослежена в публикации С.Ивановой «История появления Артеевых на Березовской земле». В ней содержатся воспоминания о переходе коми через Урал по Сибиряковскому тракту (возле Саранпауля) во время голода и Гражданской войны. Автор рассказывает о работе Артеевых в торговле, в Березовской геологоразведочной экспедиции¹⁹. Корреспондент газеты «Жизнь Югры» С.Петров в статье «Ижемская национальная кукла-акань» рассказывает о традициях и способах изготовления кукол из ткани и бумаги, ее символическом значении²⁰.

В последнее десятилетие на страницах прессы часто встречаются публикации, посвященные сохранению песенного фольклора коми. О работе фольклорных песенных коллективов повествуют статьи «Когда поют зыряне» (п.Березово, коллектив «Изьватас») и «Сельский клуб — дело семейное. Саранпаульские распевы» (с.Саранпауль, ансамбль «Изьбэксяс») в окружной газете «Новости Югры». Здесь говорится о проблемах сохранения традиций песенного фольклора в современном мире²¹.

В газете «Новости Югры» иногда встречаются публикации, касающиеся жизнедеятельности региона. Это статьи корреспондентов А.Глухих «Мы — зыряне», Т.Северской «Саранпауль — зырянская деревня»²². Есть анонс Е.Игошева о выходе самоучителя по языку коми — «Видза олан — здравствуйте!», составленного профессором Югорского университета Е.А.Ципановым для жителей Югры и Ямала²³.

В постсоветский период увеличилось число статей о коми и в газете «Красный Север» г.Салехарда. Они посвящены обычаям и традициям зауральских коми, общественному движению коми, работе первичных организаций на базе созданных фольклорных коллективов. Это публикации Е.Г.Мендэ «Зауральские коми. Обычаи и традиции в г. Приуралье», Т.В.Гостюхиной «Изьватас», «Изьватас» — общественное коми-движение». В той же газете помещена статья Т.Копыловой «Если встречу с тобой среди звезд негасимых...» о песенном фольклоре коми²⁴, опубликован анонс «Старинные и современные песни коми». Сборник с таким названием вышел в Салехарде в 2000 г. (на базе накопленного с 1942 г. репертуара коми-ансамбля «Обдорьянка»). Тематика песен коми широка: веселые шуточные зарисовки о сельском труде, о быте, семейно-бытовые, календарно-обрядовые, стилизованные фольклорные²⁵. Об особенностях коми-этноса — присвоении прозвищ, по которым определяется родство, принадлежность к роду, пришедшему из-за Урала, — говорится в статье «Прозвища обдорьянских зырян». Результаты исследования антропонимов, патронимов и прозвищ содержатся в статье Т.Б.Лаптандер «Краткая характеристика говоров коми-зырян (ижемцев) и комизированных ненцев Нижнего Приобья с привлечением местного антропонимического материала». Автор характеризует две подсистемы — официальные антропонимы по паспорту и неофициальные —

прозвища, полученные по наследству или принадлежности к определенному клану. К примеру, прозвище одного рода Филипповых в Березово — Ляль Гриш, что означало «прародитель Василий с озера Ляль на Ижемской земле»²⁶.

В региональном научно-популярном журнале Ханты-Мансийского автономного округа «Югра» напечатаны статьи В.В.Фарносовой об адаптации зауральских коми в XX в.: «Зырянская деревня Саранпауль», «Щекурья», «Пусть им сегодня не 30...», «Детство, юность, зрелость...». Это публикации о приспособлении коми с.Саранпауль, д.Щекурья к социальным условиям в советский период, об их участии в работе Полярно-уральской 118-й экспедиции, добывающей кварц, о работе в сфере торговле, об изучении коми-языка детьми 1—3 классов, об учителях, преподающих язык, и связанных с этим проблемах, о народном коллективе зырянской песни п.Березова «Изьватас» и ее солистке З.П.Лапиной (в девичестве Филипповой). В последней статье рассказывается о судьбе тракториста Березовской геологоразведочной экспедиции А.П.Филиппове, о работе экспедиции, о судьбе деда А.П.Филиппова, связанной с Березовским Воскресенским собором²⁷. В журнале за 2003 г. опубликована статья Л.Лушай «Большая семья Коневых» о родословной Коневых из с.Долгий Плес Ханты-Мансийского района²⁸.

Ряд интересных статей напечатан в журнале «Ямальский меридиан». О традициях коми, связанных с рождением ребенка, использовании при этом оберегов для сохранения здоровья матери и ребенка говорится в статье Т.В.Ануфриевой «Оберег, обычаи и обряды, связанные с рождением и охраной здоровья ребенка». О свадебных традициях и обрядах коми повествуется в ее же статье — «Традиционные свадебные обряды коми». Научная работа Татьяны Васильевны об обрядах жизненного цикла коми, о национальных традициях и перспективах развития опубликована в материалах «Словцовских чтений» за 1995 г.²⁹ О коми-писателе Иване Истоминае из села Мужы Шурышкарского района рассказал Ю.П.Прибыльский³⁰.

Л.Мезина в работе «Народы — соседи. Взаимное культурное обогащение народов севера: ненцев и коми» дает исторический экскурс в отношения ненцев и коми в VII—XIX вв., подчеркивает, что эти отношения носили сначала враждебный, а затем мирный

торговый характер. По словам автора, «позаимствовав у ненцев оленеводство и связанные с ним орудия производства, средства передвижения, многие элементы материальной культуры, коми воспринимали все это не пассивно, а активно. Ижемцы внесли довольно существенные изменения в систему выпаса оленей. Они ввели меридианное кочевание стада — с юга на север, регулярное круглосуточное окарауливание оленей, что не всегда имело место у ненцев... Такая система нарушала традиционные маршруты кочевий ненцев, у которых они были ограничены родовыми территориями, имели широтный характер. В отличие от ненцев, оленеводство у коми носило явно выраженный товарный характер. Одна из статей дохода была выделка и продажа замши»³¹.

В газете «Приуралье» напечатан ряд статей Е.Г.Мендэ «Зауральские коми. Обычай и традиции». В них подробно описаны обычаи коми в традиционных видах хозяйствования, особенно в оленеводстве, рассказывается об использовании коми различных примет, связанных с выпасом оленей, которые они переняли у ненцев. Автор подчеркивает, что происходит взаимовлияние культур³².

Среди политических событий XX в. журналисты не обошли вниманием сталинские репрессии. В списках репрессированных есть 22 фамилии коми, они указаны в статье «Югорский лимит». «О контрреволюционной бандитской повстанческой организации в приуральской тундре» — деле, сфабрикованном в НКВД, сообщается в статье В.Патрановой «Цепная реакция». Из 107 осужденных, кроме коми, было 22 ханты, 49 манси, 14 русских. Среди репрессированных коми было 6 рыбаков-охотников, 2 оленевода, 5 охотников, 3 работника торговли, 1 единоличник, 1 десятник Полярно-уральской экспедиции, 1 конюх, 1 безработный, 1 инвалид. История судеб людей в период репрессий рассматривается также в статье «Под жерновами сталинских репрессий: Воспоминания жителей Ханты-Мансийского автономного округа о политических репрессиях 1930—1940 гг.», опубликованной в журнале «Архивы Югры» за 2003 г.³³

В постсоветский период в связи с «парадом суверенитетов» в стране коми Северного Зауралья также объединились и на учредительном собрании делегатов Югры и Ямала в Березово в 1997 г. было создано общественное движение коми — «Изьватас». Анализу этого движения посвящена статья Т.В.Гостюхиной «Изьватас»³⁴.

Ряд передовых и тематических статей и заметок можно считать существенными для освещения жизнедеятельности и адаптации коми Северного Зауралья в советский и постсоветский периоды. Эти публикации отражают историю региона в целом и этноса коми, подтверждая, что коми Северного Зауралья адаптировались в советский период, принимая активное участие во всех видах производства и в общественной жизни. Публикации способствовали популяризации обрядов традиций коми среди молодежи, освещали проблемы сохранения языка, обучения коми языку детей в школах. Судя по газетным статьям, коми Северного Зауралья поддерживают связь с родиной — селом Ижма. Вместе с тем надо отметить, что наиболее полно о коми Северного Зауралья сообщается в периодической печати Ямала.

Примечания

¹ Фарносова, В. Зырянская деревня Саранпауль / В.Фарносова // Югра. — 2007. — № 6. — С. 66—69; Папка материалов автора (далее — ПМА) № 12.

² Там же.

³ Небыков. Саранпаульский оленеводческий научно-исследовательский пункт // Сталинская трибуна. 1941. 23 апреля.

⁴ Информатор Л.М.Конева (ПМА № 10).

⁵ Конева, Л.М. Дорогая, любимая Ижемская земля: Встречи на Ижемской земле / Л.М.Конева // Северная панорама. 2009. 18 июля; ПМА № 12.

⁶ Неотложные задачи оленеводов // Путь к коммунизму. 1960. 25 марта; Архивный отдел администрации Березовского района (далее — АО). Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 19.

⁷ Сторожев, А. Выездная сессия ученых в Березово / А.Сторожев // Путь к коммунизму. 1960. 22 июня; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 19.

⁸ Об утверждении состава сельских и поселковых избирательных комиссий по выборам в сельские и поселковые советы депутатов трудящихся // Путь к коммунизму. 1967. 25 января; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 26, 71; Список кандидатов в депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа по Березовскому району // Жизнь Югры. 1997. 21 ноября.

⁹ Об утверждении состава окружной избирательной комиссии по выборам в районный совет народных депутатов 17 созыва // Путь к коммунизму. 1980. 5 января; АО. Ф. 48. Ед. хр. 42.

¹⁰ Филиппов, В. В семье братской вольной / В.Филиппов // Путь к коммунизму. 1967. 7 ноября; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 26.

¹¹ Новь древней Югры // Путь к коммунизму. 1980. 6, 8, 11, 18 марта; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 42.

¹² М.Г.Филиппова — санитарка Саранпаульской больницы // Путь к коммунизму. 1980. 24 апреля; В.П.Канева — чумработница совхоза Казымский // Там же. 1980. 3 июня; А.А.Головин — фельдшер скорой помощи в п.Березово // Там же.

1980. 14 июня; Владимир Филиппов — военнослужащий // Там же. 1980. 7 июля; Артеев В.С. — охотник // Там же. 1980. 28 сентября; К.В.Хозяинов — оленевод // Там же. 1980. 7 ноября; Григорий Попов — оленевод // Там же. 1980. 7 декабря; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 42.

¹³ Губина, Л. Трудный рейс / Л.Губина // Путь к коммунизму. 1960. 13 мая; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 19.

¹⁴ Ханты и манси в кругу проблем // Жизнь Югры. 1997. 10 декабря; Блок коренных народов // Там же. 1997. 5 декабря; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 71.

¹⁵ Набокова, Л.В. Из истории Саранпаульского сельсовета / Л.В.Набокова // Жизнь Югры. 1997. 25 июня; О Саранпауле-юбиляре и его славных жителях // Там же; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 71.

¹⁶ Профессиональная подготовка в школах // Жизнь Югры. 2004. 5 ноября; Опыт Саранпаульской национальной средней школы по организации допрофессиональной и профессиональной подготовки учащихся 10—11 классов // Там же; ПМА № 12.

¹⁷ Традиционная 66 олимпиада оленеводов в Саранпауле «Делу — время, потехе — час» // Жизнь Югры. 2006. 21 марта; Филиппов, А.Д. Соревнование по северному многоборью / А.Д.Филиппов // Там же. 2007. 1 июня; ПМА № 12, 21—22.

¹⁸ Династия Каневых // Путь к коммунизму. 1980. 24 мая; АО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 42.

¹⁹ Иванова, С. Маршруты жизни. История появления Артеевых на Березовской земле / С.Иванова // Жизнь Югры. 2008. 13 июня; ПМА № 12.

²⁰ Петров, С. Ижемская национальная кукла-акань / С.Петров // Жизнь Югры. 2007. 10 августа; ПМА № 12.

²¹ Копнов, В. Сельский клуб — дело семейное / Саранпаульские распевы / В.Копнов // Новости Югры. 2008. 15 апреля; Когда поют зыряне // Жизнь Югры. 2007. 10 августа; ПМА № 12.

²² Глухих, А. Мы — зыряне / А.Глухих // Новости Югры. 1998. 19 января; Северская, Т. Саранпауль — зырянская деревня / Т.Северская // Там же. 2003. 9, 11 декабря; ПМА № 12.

²³ Игушев, Е. Видза олан — здравствуйте! / Е.Игушев // Новости Югры. 2008. 15 апреля; ПМА № 12.

²⁴ Если встречусь с тобой среди звезд негасимых // Красный Север. 1997. 23 октября; ПМА № 12.

²⁵ Песня в наследство // Красный Север. 2000. 7 декабря; ПМА № 12.

²⁶ Прозвища обдорянских зырян // Красный Север. 1997; ПМА № 12; Лаптандер, Т.Б. Краткая характеристика говоров коми-зырян (ижемцев) и комизированных ненцев Нижнего Приобья с привлечением местного антропонимического материала / Т.Д.Лаптандер // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 140—150.

²⁷ Фарносова, В. Зырянская деревня Саранпауль / В.Фарносова. — С. 66—69, Она же. Пусть им сегодня не 30... / В.Фарносова // Югра. 2007. № 1—2. С. 134; Она же. Детство, юность, зрелость / В.Фарносова // Там же. 2002. № 1. С. 42.

²⁸ Луцай, Л. Большая семья Коневых / Л.Луцай // Югра. 2003. № 5. С. 22—26; ПМА № 12.

²⁹ Ануфриева, Т.В. Оберег, обычаи и обряды, связанные с рождением и охраной здоровья ребенка / Т.В.Ануфриева // Ямальский меридиан. 1997. № 6. С. 31—34; Она же. Традиционные свадебные обряды коми / Т.В.Ануфриева // Там же. 1997. № 5; Она же. Обряды жизненного цикла коми-ижемцев. Традиции и перспективы развития / Т.В.Ануфриева // Словцовские чтения. Тюмень, 1995; ПМА № 12.

³⁰ Прибыльский, Ю. Подвижники земли Ямальской / Ю.Прибыльский // Ямальский меридиан. 2000. № 10.

³¹ Мезина, Л. Народы — соседи. Взаимное культурное обогащение народов севера: ненцев и коми / Л.Мезина // Ямальский меридиан. 1993. № 1. С. 13—18.

³² Мендэ, Е.Г. Зауральские коми. Обычаи и традиции / Е.Г.Мендэ // Приуралье. 2006. 1, 8, 15 сентября; ПМА № 12.

³³ Югорский лимит // Новости Югры. 1998. 2 апреля; ПМА № 12; Патранова, В. Цепная реакция / В.Патранова // Там же; Под жерновами сталинских репрессий: Воспоминания жителей Ханты-Мансийского автономного округа о политических репрессиях 1930—1940 г. // Архивы Югории. 2003. № 2. С. 54—60; ПМА № 12.

³⁴ Гостюхина, Т.В. Изъватас / Т.В.Гостюхина // Красный Север. 1998. 22 января.

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ XVII ВЕКА В ОЦЕНКЕ С.В.БАХРУШИНА

До сих пор многие вопросы истории Сибири остаются дискуссионными. Их решение требует введения в научный оборот новых источников, ранее казавшихся второстепенными. В значительной мере это относится к агιοграфическим памятникам.

В XVII столетии в Сибири возникает ряд повестей-легенд о местных чудесах и житий первых сибирских святых, явившихся впоследствии, на взгляд С.В.Бахрушина, ценными историческими свидетельствами по истории Сибири. Православное духовенство в целях искоренения и предупреждения дальнейшего распространения раскола боролось с такими явлениями, способствующими его усилению, как небрежность в обрядах, низкий нравственный уровень духовенства. Одним из средств в борьбе являлось использование особого вида христианских легенд — «чудес от икон» и «чудес святых».

Для Сибири указанные проблемы имели большее значение, чем для европейской России, поскольку «бесчинство» не только паствы, но и духовенства здесь всегда было особенно сильно. Уже архиепископ Киприан пытался бороться с этим явлением. Известны его челобитные и ответная грамота патриарха Филарета 1622 г. по поводу несоблюдения местными жителями христианского вероучения. Именно этим обуславливалась «противогреховная» направленность сибирской агιοграфической литературы XVII столетия.

Хотя в то время за Уралом действовало немало монастырей¹, официальной церкви при низком образовательном и нравственном уровне ее служителей трудно было бороться с расколом, тем более что среди староверов в Сибири существовала значительная прослойка грамотных людей, которые имели собственные библиотеки и были сильны в богословских спорах.

Следует отметить, что проблемы использования житийных произведений в качестве исторического источника чаще рассматривали

литературоведы, историки же в гораздо меньшей степени обращались к вопросам происхождения и содержания таких сочинений. Поэтому выполненный С.В.Бахрушиным источниковедческий анализ одного из интереснейших памятников агиографической литературы Сибири XVII века — «Жития Василия Мангазейского» — представляет несомненный интерес.

К изучению этого жития С.В.Бахрушин подошел со стороны его фактического содержания, отвергая формальный подход к анализу агиографических произведений. По мнению ученого, выделение из отдельного жития исторического зерна и выяснение процесса развития легенды является важнейшей задачей исследователя ранней сибирской агиографии². Другой главной задачей при рассмотрении соответствующей легенды С.В.Бахрушин считал сравнение житийной литературы о Василии Мангазейском с активным материалом того периода³.

Для успешного решения этих проблем крупнейший знаток сибирской истории XVII в. привлек богатые архивные фонды. Им были использованы материалы приказного делопроизводства: отписка архиепископа Сибирского и Тобольского Симеона в Москву осенью 1653 г. о находке мощей мангазейского чудотворца, расспросные речи жителей Мангазеи (1656—1660 гг.), список досмотра 1659 г., список чудес 1699 г., список со «сказки» иеромонаха Тихона, отписка митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия в Москву о «дерзновенном» перенесении попом Тихоном мощей мангазейского чудотворца в Туруханский монастырь и даже отрывочные, второстепенные материалы по вопросу о культе Василия Мангазейского — фрагмент дела о канонизации его в 1653 г., дело о краже из часовни в 1652 г.⁴

На основании перечисленных документов С.В.Бахрушин выяснил, что в 1652 г. в Мангазее из-под земли вышел гроб с неизвестными нетленными останками. Тогдашний мангазейский воевода И.С.Корсаков распорядился перенести останки в сухое место и выстроить над ним часовню, в которой вскоре начали служить молебны о здравии. В 1653 г. тобольский архиепископ Симеон обратился к царю за разрешением «учинить указ для свидетельства тех мангазейских новых чудотворцев и перевезти мощи из Мангазеи в Тобольск», но, видимо, получил отказ, поскольку мощи так и остались в Мангазее⁵. В 1659 г. по распоряжению архиепископа

в Мангазею был отправлен дьякон тобольской Богоявленской церкви Иван Семенов «для производства „досмотра“ мощей Василия». Результаты досмотра и списки чудес были отправлены в Москву.

Весной 1670 г., когда Мангазея стала утрачивать свое экономическое и административное значение, туруханский иеромонах Тихон перенес нетленное тело в недавно отстроенную Троицкую церковь в Туруханске. Вслед за своим покровителем город оставили его последние жители. Весной 1671 г. воевода Д.Т.Наумов получил грамоту об оставлении Мангазеи и переводе жителей в Туруханск. По поводу «дерзновенного» открытия мощей Тихоном в Сибирском приказе завели специальное дело.

Детально изучив документальные сведения о мангазейском чудотворце, С.В.Бахрушин подверг сомнению действительное существование мученика Василия, хотя отмечал, что в представленном царю в 1671 г. докладе этот факт признается.

По заключению С.В.Бахрушина, Мангазея в силу своего географического расположения сыграла важную роль в продвижении русских на восток. Этот крупный промышленный центр конца XVI — первой половины XVII вв. нуждался в патрональной святине — особом покровителе местного люда. Случившийся в 1642 г. большой пожар и голод 1641—1643 гг. еще более укрепили горожан в мысли, что Мангазее нужен свой небесный защитник, и во второй половине XVII в. там начинает зарождаться культ собственного святого.

Образ этого, по выражению С.В.Бахрушина, «патрона русских промышленных людей в Сибири» создавался постепенно: сначала вышедшая из земли в Мангазее гробница дала основание для толков о неизвестном чудотворце, покоящемся в ней; затем предание стало обрастать деталями, в результате чего возник трогательный рассказ о пятнадцатилетнем мальчике (легенда нарекла его Василием Федоровым), который в самом начале XVII в. служил лавочным сидельцем у какого-то торгового человека и по навету хозяина был несправедливо замучен воеводой. Под влиянием этих толков воевода И.С.Корсаков (именно его С.В.Бахрушин считает инициатором канонизации Василия Мангазейского) в 1653 г. написал о чудесах местного подвижника архиепископу Симеону, а тот отправил списки с «чудесами чудотворца» в Москву.

За 20 лет стихийного почитания сложились культ и «биография» новоявленного чудотворца. Этому способствовала, с точки зрения ученого, сама обстановка мрачного и холодного севера, полуголодное существование в тундре, отсутствие широкого общения с людьми. С.В.Бахрушин заключает, что большое влияние на развитие легенды оказала среда, в которой она возникла. Мелкий промышленный люд, страдавший как от жадности своих хозяев, так и от произвола властей, хотел видеть в святом мученике одного из своих — простого человека, не вынесшего жестокости господина.

Созданный воображением этого люда Василий Мангазейский «явился» как особый покровитель рядовых промысловиков, населявших Мангазею, и неслучайно рассказы о его чудесах в первую очередь отражали тяготы существования людей в тундре и тайге, трудности соболиного промысла и похода за ясаком. Даже исцеление от болезней — наиболее традиционный вид «чудес» любого святого — связывалось с обстановкой промыслов. По мнению С.В.Бахрушина, все рассказы о Василии Мангазейском наглядно демонстрируют отражение реального быта, конкретной обстановки складывания культа нового святого.

Проанализировав актовые материалы о мангазейском чудотворце, С.В.Бахрушин обратился к различным редакциям жития и пришел к выводу, что почти все они имеют общий источник — «Повесть о блаженном Василии Мангазейском и начале Туруханского Троицкого монастыря», относящийся к XVIII в. Эта повесть представляет собой сборник отдельных статей, расположенных в хронологическом порядке; некоторые из них являются самостоятельными законченными литературными произведениями разновременного происхождения⁶. Сборник, как полагал С.В.Бахрушин, был составлен не ранее 1719 г., т.к. повесть завершается сообщением о перенесении мощей в новую церковь, а именно тогда мощи Василия Мангазейского, хранившиеся в Троицком монастыре, очутились во вновь отстроенной Благовещенской церкви. О подобной датировке памятника, по мнению исследователя, свидетельствуют и характер вошедших в него статей.

Особое внимание С.В.Бахрушин обратил на статью «Слово о явлении мощей». Он высказал предположение, что эта часть жития создана на основе самого раннего описания чудес новоявленного

святого, поскольку имеющиеся в ней сведения практически полностью подтверждаются актовым материалом. В ней патрон Мангазеи еще называется «мучеником и новоявленным чудотворцем», а не Василием, как во всех остальных статьях. Содержание источника навело исследователя на мысль, что данная часть жития была написана в 1650-е гг. С.В.Бахрушин связывал дату составления этой статьи с первой попыткой канонизации новоявленного святого. По документам воевода И.С.Корсаков возбудил вопрос о канонизации в 1653 г., собрав и отправив архиепископу Симеону «списки чудесам чудотворца», на которые и ссылается составитель «Слова о явлении мощей»⁷.

Как указывает С.В.Бахрушин, наиболее ранний вид жития, созданный между 1671 и 1676 гг., содержит лишь повесть о вскрытии и перенесении мощей Василия в 1670 г. из Мангазеи в Туруханск. В нем еще явно прослеживаются следы использования документов. Сопоставление памятника с делом Сибирского приказа о «дерзновенном» вскрытии мощей Василия туруханским попом Тихоном позволило С.В.Бахрушину выявить ряд деталей, совпадающих с документом, но отсутствующих в позднейших списках.

Более поздние редакции жития по содержанию четко разделяются на две части: первая — рассказы о ранних чудесах и явлениях чудотворца, относящихся к Старой Мангазее (1649—1669 гг.); вторая — повествование о вскрытии могилы, перенесении мощей святого в Туруханск (1670 г.) и связанных с подвижником «чудесах». Если первые рассказы о «чудотворце из гробницы», как отмечал С.В.Бахрушин, дают нам яркое представление о быте Старой Мангазеи, то позднейшие уже тесно связаны с жизнью туруханского Троицкого монастыря.

По заключению историка, источником жития послужили «скаски» о чудесах, которые собирались в разное время мангазейской администрацией. Но составитель памятника литературно переработал эти свидетельства, заменив народную речь условным церковно-литературным языком.

При сравнении различных редакций жития обнаруживается, писал С.В.Бахрушин, как из бесхитростного рассказа о чудесах от неизвестной гробницы постепенно создается сложное произведение, связанное прежде всего с официальным церковным прославлением «Божиего угодника». (Такое признание новоявленного

святого началось только со времени перенесения мощей Василия Мангазейского в Туруханск — новый административный центр, нуждавшийся в небесном покровителе).

Таким образом, по определению С.В.Бахрушина, составители сборника первых лет XVIII в. и авторы более поздних редакций жития использовали актывый материал, а все записи о чудесах были заимствованы из списков «скасок» 1653—1670 гг. «Этот материал давал очень много данных для прославления чудодейственной силы патрона Троицкого монастыря, но почти ничего для восстановления его биографии», — уточняет историк⁸. Поэтому, предполагает исследователь, позднейшая агиография внесла в житие яркие дополнения, подчеркивающие святость мангазейского чудотворца.

Агиографический вымысел играл особую роль, считал С.В.Бахрушин. Он должен был заставить поверить читателя или слушателя жития в то, что все чудесное и необычайное, связанное со святым, было на самом деле. Дабы убедить их в этом в рассказах о свершившихся чудесах обозначались точные даты, назывались реальные имена, определенные географические пункты, т.е. создавалась иллюзия подлинности, что, с точки зрения ученого, определяло значение жития как исторического источника. Наиболее наглядно это можно увидеть, если рассмотреть разные редакции Жития Василия Мангазейского.

Ученый относит складывание культа Василия Мангазейского к типичному полуязыческому почитанию чудодейственных могил, примеров которого достаточно имелось в старорусском быту, но которое в Сибири переплелось с аналогичным явлением в магометанстве.

С.В.Бахрушин отмечает, что еще один такой же культ сложился вокруг могилы Симеона Верхотурского, мощи которого были обретыны в 1692 г. в селе Меркушине Верхотурского уезда, где жил и скончался пришедший с Руси праведник. Это событие явилось причиной создания на рубеже XVII—XVIII вв. одного из крупнейших памятников сибирской агиографии — «Повести известной и свидетельствованной о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона, нового Сибирского чудотворца», больше известный как Житие Симеона Верхотурского.

Это житие С.В.Бахрушин признавал одним из самых любопытных агиографических памятников как по заключающимся в нем историческим данным, так и по своей литературной форме. Сказание, состоящее из предисловия и пятидесяти одного сюжета, относится к позднему типу древнерусских житий, где собственно агиографическая часть почти отсутствует, но, несмотря на скудость сведений о жизни и личности святого, житие сохранило не только наиболее раннюю, но и самую достоверную информацию о верхотурском святом. По мнению С.В.Бахрушина, Симеон Верхотурский воплотил в себе «тип гулящего человека, каких много забредало в Сибирь через Верхотурские ворота, подобно тому как Василий Мангазейский олицетворял собой сидельца и промышленного человека, подвизающегося в северных лесах»⁹. Его имя, подобно имени мангазейского чудотворца, было определено сновидениями, от его мощей якобы тоже наступало исцеление.

По своему характеру сочинение о верхотурском чудотворце заметно отличается от легенды о Василии Мангазейском, хотя при его написании была использована та же схема, что и в мангазейском произведении («чудеса» от неизвестной гробницы, выяснение имени святого в последующих видениях, отсутствие собственно «жития» как связной биографии). Сказание о праведном Симеоне, на взгляд ученого, с самого начала было подчинено принципам официальной литературы и почти не сохранило деталей чисто народной легенды. Житие Симеона Верхотурского фактически знаменовало завершение развития сибирской агиографии XVII века, считал С.В.Бахрушин.

На взгляд исследователя, Сказание о Верхотурском праведнике, занимавшее значительное место в культурной жизни далекого края, может служить важным источником по истории Сибири, поскольку оно отражает общественное сознание сибиряков той эпохи и позволяет проследить, как складывался культ новоявленного сибирского чудотворца.

Анализ этих двух известнейших памятников сибирской житийной литературы XVII столетия позволил С.В.Бахрушину провести аналогию с античными традициями — «культ мертвых переродился в культ святых, подобно тому, как в древней Греции из культа мертвых вырос культ местных героев»¹⁰.

Из двух рассмотренных памятников сибирской агиографии более ценным источником находил С.В.Бахрушин житие Мангазейского чудотворца, поскольку оно позволяет взглянуть на жизнь исчезнувшего города с историко-психологической точки зрения, а различные редакции этого памятника помогают проследить, как происходило становление сибирской литературы. Являясь частью общерусской агиографии, Житие Василия Мангазейского вместе с ней постепенно трансформируется, превращается лишь в документ, необходимый местной церковной администрации для обоснования ее действий, резюмирует исследователь.

Известный современный литературовед, член-корреспондент РАН Е.К.Ромодановская считает блестящим источниковедческое исследование С.В.Бахрушиным Жития Василия Мангазейского, но замечает, что ученому были известны лишь позднейшие обработки данного произведения, а не ранние редакции памятника, представляющие как источник наибольший интерес¹¹. Позднее М.Г.Кротов подтвердил это мнение, обнаружив новые документальные свидетельства складывания культа Василия Мангазейского. Проанализировав их, ученый высказал предположение, что в основу всех редакций «Повести о Василии Мангазейском» легли «расспросные речи» 1656—1660 гг. тобольского архиепископа Симеона, пытавшегося разобраться в деле «об мангазейских новоявленных»¹². М.Г.Кротов отметил, что именно С.В.Бахрушин первым обнаружил отписку архиепископа Симеона, тогда как в повести о Василии Мангазейском данные этой отписки использованы не были¹³.

По заключению С.В.Бахрушина, жития Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского могут считаться важными источниками по истории Сибири, поскольку отражают не только быт русского населения Зауралья, но и общественное сознание сибиряков той эпохи, хотя следует помнить, что «качество» исторического материала, заключающееся в житиях, зависело от обстоятельств, при которых оно писалось, и от целей, которые ставили себе авторы.

Долгое время считалось, что изучение агиографических произведений с точки зрения выявления достоверного исторического материала малоперспективно. С.В.Бахрушин же находил, что несмотря на абстрактно-графаретное содержание любого жития,

на то, что многие агиографические повести были написаны спустя многие годы после смерти святого, те из житий, которые принадлежали перу современников, сохранили ценные исторические свидетельства о прошлом. Исследование С.В.Бахрушина житий о Василии Мангазейском и Симеоне Верхотурском явилось, несомненно, серьезным вкладом в источниковедение истории Сибири.

Однако для исследователей проблем сибирской агиографии существует еще немало вопросов, на которые предстоит найти ответы. Ведь данные агиографические памятники больше проанализированы с литературоведческой точки зрения, а степень изученности этих произведений как исторических источников, сохранивших значительный фактографический материал, пока явно недостаточна. Современное состояние источниковедения позволяет более оптимистично взглянуть на возможности привлечения агиографии в исторических исследованиях. В агиографических памятниках можно найти сведения о местностях, где жили подвижники, о монастырях, о том, каким образом обитатели получали земли. Обращение к избранной проблеме позволяет по-новому взглянуть на историко-культурные процессы освоения Сибири, узнать о людях, создававших агиографические произведения, о том обществе, которому эти сочинения предназначались, и по достоинству оценить источниковый потенциал агиографических сочинений.

Примечания

- ¹ Архив Российской академии наук. Д. 52. Л. 97; Д. 859.
- ² Бахрушин, С.В. Научные труды. — Т. 3. — Ч. 1. / С.В.Бахрушин. — М., 1955. — С. 331.
- ³ Там же. — С. 333.
- ⁴ Там же. — С. 332.
- ⁵ С.В.Бахрушин не обнаружил документов, подтверждающих это предположение.
- ⁶ Бахрушин, С.В. Научные труды. — Т. 3. — Ч. 1. / С.В.Бахрушин. — С. 345.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. — С. 349.
- ⁹ Там же. — С. 353.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. — Новосибирск, 1982. Т. 1. — С. 92.

¹² М.Г.Крогов считает, что первоначально речь шла о находке в Мангазее не одного, а двух тел. Документы «об мангазейских новоявленных» были тогда же отделены от отписки для прочтения царю и, видимо, не сохранились. Возможно, то, что от запроса Симеона в Москву до освидетельствования гроба прошло немало времени, объясняется именно колебаниями властей относительно участи второго тела. См.: Крогов, М.Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском / М.Г.Крогов // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма / Отв. ред. Н.Н.Покровский. — Новосибирск, 1988. — С. 128.

¹³ Крогов, М.Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском. — С. 128.

Глава 2

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕВОДСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ

Впервые воеводская форма управления складывается в Поволжье после присоединения к России Казанского края¹. Сходные условия вхождения в состав Московского государства обусловили дальнейшее развитие данной формы управления в Зауралье, а также на «крымской Украине» европейской России.

Актуальность изучения становления воеводской системы управления в Сибири обусловлена, прежде всего, необходимостью выяснения причин и условий развития там воеводской власти, ее последующей эволюции. На наш взгляд, без рассмотрения первоначального этапа оформления местной системы управления трудно судить о специфике тех или иных явлений в дальнейшем ее развитии.

В историографии проблема становления воеводской системы управления рассматривалась мимоходом, в контексте процесса колонизации сибирских земель.

Г.Ф.Миллером изучался процесс освоения сибирских территорий русскими людьми. Исследователь привлек богатый источниковый материал, но специфика деятельности первых городских воевод выдающимся сибиреведом рассматривалась попутно².

И.А.Андриевский в обобщающем очерке «О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждения» не останавливается на этапе становления воеводской власти, а рассматривает ее историю за XVII в. в целом и применительно к России вообще³.

Эта тема хоть и не стала отдельным аспектом исследования, но более широко освещена в трудах П.Н.Буцинского. В его книге о заселении Сибири и статьях цикла «К истории Сибири» раскрывается история русских городов Зауралья первых десятилетий их существования. Ученый привлек богатый фактографический материал для исследования проблемы присоединения Сибири к России. В этой связи П.Н.Буцинский затронул проблему становления воеводской власти в Сибири. Но в основном им бегло

очерчены полномочия воевод, участвовавших в строительстве острогов и городов, хотя порой упоминается и об их административно-хозяйственных функциях, в основном при организации солеварения и заведении пашни. Несмотря на ценность материалов, имеющих в его трудах, П.Н.Буцинский не ставил перед собой цели изучить процесс становления административной власти в Сибири⁴.

Справочно-биографические сведения о первых сибирских администраторах приведены в работах К.Б.Газенвинкеля. Исследователь подробно остановился на деятельности сибирских воевод из корпорации князей Ростовских и Ярославских⁵.

Ценные сведения о составе сибирской администрации в начальный период становления воеводского аппарата управления, предписаниях первым сибирским воеводам, изложение содержания первых сибирских наказов есть в составленном Н.Н.Оглоблиным «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа»⁶.

В советской историографии не было работ, которые позволили бы разносторонне судить о функциях первых сибирских администраторов. Как правило, уделялось внимание какому-то отдельному аспекту их деятельности, причем опять-таки вскользь.

В книге С.В.Огородникова «Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVII вв.» наиболее целенаправленно рассматривается ясная политика правительства в Сибири. Порядок сбора, размер и формы ясака исследователь находит важными для выяснения взаимоотношений между московской администрацией и коренным населением Зауралья, в том числе в интересующий нас период, когда происходило складывание воеводской власти, но С.В.Огородников не преследовал специальной цели выделить при этом особенности деятельности воевод⁷.

С.В.Бахрушин в «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.» попутно касался полномочий первых воевод зауральских городов и их роли в реализации политики Москвы. В статье «Воеводы Тобольского разряда» С.В.Бахрушин писал о принципах назначения на воеводские должности, но рассматривал более поздний, «послесмутный» период, лишь упоминая о первых тобольских администраторах, которые принадлежали к знати (С.Ф.Сабуров, Ф.И.Шереметев)⁸.

Ясачную политику и взаимоотношения русских торговцев с местным населением Сибири с конца XVI в. позднее рассмотрел П.Н.Павлов. Ясачный режим, сложившийся на рубеже XVI—XVII столетий, автор называл «хищническим» и находил, что его можно было изменить, отказавшись от прямого вымогательства, откровенных обчетов и «поминков» со стороны сибирской власти. Но анализ ясачной политики был выполнен П.Н.Павловым на материалах XVII в., деятельность первых сибирских администраторов исследователь не затронул⁹.

В.И.Сергеев, исследуя правительственную политику в Сибири «накануне и в период основания первых русских городов», выделил такой важный аспект, как процесс утверждения государственной власти за Уралом в конце XVI — начале XVII вв. Хотя В.И.Сергеев конкретно не останавливался на военных и градостроительных функциях сибирских воевод, но сумел нарисовать достаточно широкую картину борьбы русских с Кучумом, считая, что в то время военно-функциональный принцип организации власти был основным¹⁰.

А.А.Преображенский на основе русских дипломатических документов конца XVI — начала XVII вв. определил, что одним из приоритетных направлений в русской политике этого времени в Зауралье стал сбор ясака. Деятельность первых городских воевод при этом опять-таки не анализируется¹¹.

В одной из глав обобщающей «Истории Сибири» более подробно, чем остальные стороны деятельности первых воевод, рассматриваются их военные функции в процессе колонизации новых территорий и закрепления на них, в частности, говорится о формировании воеводами отрядов служилых людей, руководстве войсками, принятии предупредительных мер относительно нападений неприятеля¹².

В монографии В.А.Александрова и Н.Н.Покровского «Власть и общество: Сибирь в XVII в.» выполнен анализ воеводского управления, но применительно к XVII в. В.А.Александров, касаясь также колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., писал о роли воевод и голов при основании Мангазейского острога¹³.

Проблема развития пашенного земледелия, попутно рассмотренная в работах Г.Ф.Миллера, П.Н.Бущинского, С.В.Бахрушина, более подробно раскрыта В.И.Шунковым в исследованиях,

посвященных колонизации Зауралья в конце XVI — начале XVII вв. Но о роли в этом процессе администраторов снова говорилось мимоходом¹⁴. К проблеме аграрного освоения сибирских земель обращается Н.А.Балюк, исследуя развитие земледельческого хозяйства на территории Тобольского уезда в конце XVI—XIX вв.; но автор не рассматривает роль и место в этом процессе сибирской администрации в интересующий нас период¹⁵.

В.И.Корецкий, проанализировавший правительственную политику относительно заведения в Сибири «государевой пашни», специально на роли воевод как проводников этой политики также не останавливается. Вскрывая основные источники пополнения контингента рядовых земледельцев, В.И.Корецкий выяснял причины ссылки и распределение ссыльных на пашню в сибирские города, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться переселенцам при заведении пашни¹⁶.

Н.И.Никитин остановился на социально-экономическом аспекте освоения Сибири, включая интересующий нас период. Исследуя развитие торговли, ремесла, солеварения, заведения пашни, ученый акцентирует внимание на социальном составе русских служилых людей, но не касается полномочий первых сибирских администраторов¹⁷.

Проблема реализации этими администраторами военных и градостроительных функций попутно, в русле процесса колонизации Западной Сибири, рассматривалась вслед за С.В.Бахрушиным Р.М.Кабо в книге «Города Западной Сибири»¹⁸.

В трудах Д.Я.Резуна обозначена хронология возникновения первых городов и острогов Сибири, в основном по данным сибирских летописей¹⁹.

К исследованию истории возникновения первых сибирских городов обращались и Д.И.Копылов, В.И.Кочедамов²⁰, З.Я.Бояршинова²¹, Е.Н.Евсеев²², М.П.Черная²³, но без акцента на деятельность местных администраторов.

Группа екатеринбургских историков недавно выпустила серию работ о Югорске, Сургуте, Березове, Коде и Югре. В соответствующих разделах этих книг, написанных А.Т.Шашковым и Е.М.Главацкой, попутно рассматриваются некоторые аспекты занимающей нас темы, в частности, роль воевод в колонизации Западной Сибири, их военные и судебные функции, но зачастую

только в форме изложения отдельных фактов, даже не на иллюстративном уровне²⁴.

В 1980—1990-х гг. появились работы екатеринбургского историка Е.В.Вершинина, который рассмотрел генезис сибирской воеводской системы, а ее историю проследил почти исключительно на материалах XVII в., учитывая и образование, и судьбы воеводского аппарата. Но в его монографии, изданной в 1998 г., ставится и вопрос о необходимости изучения раннего этапа существования воеводского управления в Зауралье. По мнению Е.В.Вершинина, «первые десятилетия присоединения Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI в. оказались синхронны становлению воеводского управления в общероссийском масштабе», и несмотря на особенности воеводской администрации за Уралом, «она не явилась каким-то особым, колониальным аппаратом власти, имела те же принципы и основные функции, что и в Европейской России». Ценной частью книги Е.В.Вершинина является справочник о сибирских воеводах и головах, где содержатся данные и о первых администраторах, хотя с некоторыми лакунами и неточностями. На основании этих данных можно определить социальный статус сибирских «начальных людей» интересующего нас времени²⁵.

Я.Г.Солодкиным изучаются мотивы назначения «начальных людей» в Сибирь, определяется их сословная принадлежность, а также влияние зауральской службы на их последующую карьеру в начальный период русской колонизации Сибири. В его работах содержатся ценные сведения, существенно дополняющие «Хронологический перечень сибирских воевод с конца XVI в.», представленный в монографии Е.В.Вершинина. Я.Г.Солодкин также предлагает новый взгляд на проблему принципов назначения на воеводские должности в начальный период воеводского управления в Сибири²⁶.

Сведения биографического характера о первых воеводах Тобольска, а также основателях Тюмени, Пельма, Березова и Сургута содержатся в книге Н.Л.Конькова «Тобольские воеводы конца XVI — начала XVIII веков». Автор, в частности, пишет о роли первых тобольских воевод в организации солеварения²⁷.

А.П.Павлов в монографии «Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.)» останавливается

и на проблемах зарождения воеводского управления, но весьма бегло и применительно к России вообще²⁸.

Десятилетие тому назад появилась кандидатская диссертация О.Ю.Шаходановой «Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVIII вв.», где рассмотрены принципы и специфика взаимоотношений центральных и местных органов власти в весьма широком хронологическом диапазоне. Исследовательницу интересует и период становления воеводской власти в Сибири, но не специально, а для определения исходных рубежей формирования местной власти. При этом внимание на функциональной деятельности сибирской администрации в то время не акцентируется²⁹.

Из последних исследований, касающихся данных вопросов, можно отметить комплексное исследование «Власть в Сибири: XVI — начало XX вв.»³⁰ и монографию И.Г.Шишкина «Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV—XVI вв. (1917 г. — начало XXI в.)»³¹.

В книге «Власть в Сибири: XVI — начало XX вв.» представлен обзор административной политики, истории регионального управления и самоуправления в Сибири конце XVI — начале XX вв. Ценной частью работы является справочная информация о деятельности органов государственного и местного управления, а также биографические статьи о лицах, руководящих административным аппаратом в Сибири, но в разделе, посвященном воеводско-приказному управлению, практически не рассматривается период, связанный с процессом становления воеводской системы управления³². В разделе «Тобольские воеводы» содержатся сведения биографического характера, в том числе и о первых воеводах, но без анализа их функциональной деятельности³³.

В историографическом исследовании И.Г.Шишкина предпринята попытка комплексно проанализировать отечественную литературу по истории государственного и местного управления в Российском государстве в конце XV—XVI вв., опубликованную в период с 1917 г. и до настоящего времени. В разделе «Воеводская форма управления» автор представляет мнения исследователей на проблему складывания воеводской системы управления, в том числе и в Западной Сибири, но делает это не совсем точно и последовательно. И.Г.Шишкин утверждает, что исследователи

«достаточно полно охарактеризовали особенности функционирования органов воеводского управления в Сибири». На наш взгляд, эта тема имеет перспективы исследования, в частности, в расширении взгляда на принципы административно-судебной юрисдикции первых сибирских воевод и голов и их взаимоотношений с центральными органами власти³⁴.

Складывание воеводской власти в Казанском крае, а также функциональные обязанности первых тамошних администраторов были монографически исследованы И.П.Ермолаевым³⁵. В трудах В.Н.Глазьева определяется специфика функционирования воеводской системы управления начального периода на южных рубежах Русского государства³⁶. Эти работы дают наиболее полное представление об основных принципах воеводского управления в Среднем Поволжье и на полевой окраине России во второй половине XVI в., что позволяет определить типологические особенности развития воеводского аппарата и в Сибири.

Нами была предпринята попытка провести многосторонний анализ основных функциональных обязанностей городских воевод, принципов и методов реализации правительственной политики в военной, ясачной, финансовой, административно-судебной, хозяйственной сферах, а также определить роль воевод и голов в ходе колонизации Сибири, выявить типологические особенности становления воеводской власти на материалах Сибири, а также Поволжья и Поля, определить принципы и своеобразие взаимоотношений местных органов власти Сибири с центральными³⁷.

Таким образом, при наличии работ, посвященных персональному составу и структуре сибирской администрации конца XVI — начала XVII вв., все-таки пока недостаточно исследованы отдельные аспекты функционирования и специфики деятельности сибирской администрации на начальном этапе освоения Зауралья.

Примечания

¹ Ермолаев, И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем) / И.П.Ермолаев. — Казань, 1982.

² Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф.Миллер. — М.; Л., 1937—1941. — Т. 1—2.

³ Андриевский, И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждения / И.А.Андриевский. — СПб., 1864. — С. 53—106.

- ⁴ Будицкий, П.Н. Соч. / П.Н.Будицкий. — Тюмень, 1999. — Т. 1—2.
- ⁵ Газенвинкель, К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVII века. К истории Сибири XVII в. / К.Б.Газенвинкель. — Тобольск, 1892; Он же. Материалы для справочно-биографического словаря сибирских деятелей. Князя Ростовского дома / К.Б.Газенвинкель. — Тобольск, 1895. — С. 1—8, и др.
- ⁶ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. — М., 1900. — Ч. 3. — С. 212, 214; М., 1901. — Ч. 4. — С. 30, 33, 124—127, 133—137.
- ⁷ Огородников, С.В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVII вв. / С.В.Огородников. — Иркутск, 1920. — С. 69—113.
- ⁸ Бахрушин, С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1 / С.В.Бахрушин. — М., 1955.
- ⁹ Павлов, П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. / П.Н.Павлов. — Красноярск, 1974. — С. 5—17.
- ¹⁰ Сергеев, В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение / В.И.Сергеев // Вестник истории мировой культуры. — 1960. — № 3 (21). — С. 113—124; Он же. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых сибирских городов / В.И.Сергеев // Новое о прошлом нашей страны. — М., 1967. — С. 174—179.
- ¹¹ Преображенский, А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века / А.А.Преображенский. — М., 1972. — С. 44—55.
- ¹² История Сибири. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 25—35.
- ¹³ Александров, В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край) / В.А.Александров. — М., 1964; Александров, В.А., Покровский, Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. / В.А.Александров. — Новосибирск, 1991.
- ¹⁴ Шунков, В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков / В.И.Шунков. — Л., 1946. — С. 97—137; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.) / В.И.Шунков. — М., 1956. — С. 11—18.
- ¹⁵ Балюк, Н.А. Тобольская деревня в конце XVI—XIX вв. / Н.А.Балюк. — Тобольск, 1997.
- ¹⁶ Корецкий, В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «Смуты» (конец XVI — начало XVII вв.) / В.И.Корецкий // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). — М., 1973. — С. 37—59.
- ¹⁷ Никитин, Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми / Н.И.Никитин. — М., 1987; Он же. Служилые люди в Западной Сибири XVII века / Н.И.Никитин. — Новосибирск, 1988.
- ¹⁸ Кабо, Р.М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии / Р.М.Кабо. — М., 1949. — С. 17—49.
- ¹⁹ Резун, Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири / Д.Я.Резун // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1981. — С. 35—57, и др.
- ²⁰ Копылов, Д.И., Прибыльский, Ю.П. Тобольск / Д.И.Копылов, Ю.П.Прибыльский. — Свердловск, 1975; Копылов, Д.И. Тюмень / Д.И.Копылов. — Свердловск, 1986; Кочедамов, В.И. Первые русские города Сибири / В.И.Кочедамов. — М., 1978.

²¹ Бояршинова, З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию г.Томска) / З.Я.Бояршинова // Томску — 375 лет. Сб. статей. — Томск, 1979. — С. 11—20, и др.

²² Евсеев, Е.Н. Тара в свои первые два столетия / Е.Н.Евсеев // Сибирские города... С. 78—109.

²³ Черная, М.П. Нарымский острог / М.П.Черная // Земля парабельская: Сб. науч.-популярных очерков к 400-летию Нарыма. — Томск, 1996. — С. 94—115.

²⁴ Древний город на Оби. История Сургута. — Екатеринбург, 1994; Очерки истории Коды. — Екатеринбург, 1995; Югорск от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997; Очерки истории Югры. — Екатеринбург, 2000; Березово (с древности до наших дней). — Екатеринбург, 2008.

²⁵ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век) / Е.В.Вершинин. — Екатеринбург, 1998.

²⁶ Солодкин, Я.Г. Первые воеводы и головы Сургутского уезда / Я.Г.Солодкин // Западная Сибирь: история и современность. Вып. 2. — Екатеринбург, 1999. — С. 5—11; Он же. О становлении воеводской системы управления Сибири / Я.Г.Солодкин // Тез. докл. и сообщ. IV региональной музейной науч.-практ. конф., посвященной 30-летию г.Нижневартовска. — Нижневартовск, 2001. — С. 67—71 и др.

²⁷ Коньков, Н.Л. Тобольские воеводы конца XVI — начала XVIII веков / Н.Л.Коньков. — Б.м., 2001. — С. 51—52, 68—69.

²⁸ Павлов, А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.) / А.П.Павлов. — СПб., 1992. — С. 239—250.

²⁹ Шаходанова О.Ю. Центральное и местное управление в Сибири в конце XVI — начале XVIII веков / О.Ю.Шаходанова // Россия и мировые исторические процессы: Мат-лы межвуз. науч. конф. — Бийск, 1999. — С. 105; Она же. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук / О.Ю.Шаходанова. — Тюмень, 2000.

³⁰ Власть в Сибири: XVI — начало XX в. / Сост. М.О.Акишин, А.В.Ремнев. — Новосибирск, 2005.

³¹ Шишкин, И.Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV—XVI вв. (1917 г. — начало XXI в.) / И.Г.Шишкин. — Тюмень, 2009. — С. 3—20.

³² Власть в Сибири... С. 13—15.

³³ Там же. — С. 343.

³⁴ Шишкин, И.Г. Отечественная историография... С. 487—513.

³⁵ Ермолаев, И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. ... С. 143.

³⁶ Глазьев, В.Н. Структура власти в городах-крепостях на «Поле» в конце XVI в. / В.Н.Глазьев // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып. 2, и др.

³⁷ Симачкова, Н.Н. Становление воеводской системы управления в Западной Сибири в конце XVI — начале XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук / Н.Н.Симачкова. — Нижневартовск, 2002.

Глава 3

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В 1917—1930-е гг. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

К настоящему времени создано обширное количество работ, посвященных взаимоотношениям Русской православной церкви (РПЦ) и Советского государства в целом¹. Особое внимание также стало уделяться исследованиям истории церкви, построенным на материалах различных епархий, губерний и частей России: Урала, Южного Зауралья, Юга России, Крыма, Тамбовской губернии и др.² Авторы анализируют политику государства по отношению к церкви с учетом местных особенностей, обусловленных характером предшествующего исторического развития тех или иных районов. Однако до сих пор нет обобщающей работы, посвященной Tobольской епархии. Интерес к данному региону обусловлен в первую очередь тем, что на его материалах можно проследить специфику государственно-церковных отношений в российской провинции, где события общероссийского масштаба, такие как антирелигиозные кампании Советского правительства, подчас имели неоднозначное и противоречивое проявление.

В первом десятилетии XX в. границы Tobольской епархии практически соответствовали границам губернии и включали в себя 9 уездов: Tobольский, Сургутский, Березовский, Туринский, Тюменский, Курганский, Ялуторовский, часть Ишимского и Тарского уездов³. По занимаемой территории (1 219 229 квадратных верст) Tobольская губерния в Российской империи стояла на третьем месте после Енисейской губернии и Якутской области. Численность населения православного исповедания к 1 января 1914 г. достигала 1 891 137 человек, что соответствовало 89,9% от общего количества жителей губернии⁴. Епархия состояла из 27 благочиний, 427 приходов. В ней насчитывалось 359 церквей, 6 монастырей, духовная семинария, два духовных и епархиальное

женское училища, 46 городских приходских училищ, практически при каждой церкви была организована школа и библиотека⁵. С целью «охранения и распространения православия среди населения епархии» действовало Тобольское церковное братство св. великомученика Димитрия Солунского. При братстве было учреждено церковное древлехранилище, способствующее «ознакомлению с замечательными памятниками церковной старины»⁶. Для проведения политики христианизации на северных окраинах Сибири функционировала Березовско-Обдорская противоязыческая духовная миссия. Миссионеры регулярно объезжали места пребывания кочевого и полукочевого населения тайги и тундры в целях приобщения инородцев к православию, создавали школы и религиозно-просветительские учреждения для русского и коренного населения⁷. Таким образом, к 1917 г. РПЦ в Тобольской епархии являлась достаточно мощной организацией.

Советская историческая наука крайне тенденциозно и предвзято характеризовала РПЦ и ее представителей. Узость источниковой базы, методологический монополизм и идеологическая заданность не позволяли объективно оценить роль церкви в исторических судьбах России, из-за чего сформулированные выводы были весьма голословны и не подтверждались аргументами и реальными фактами. Религиозные вопросы в региональных исторических исследованиях не являлись приоритетными. Писали в основном работы, основанные на общероссийском материале или рассматривали какой-либо обширный регион. К примеру, для таких авторов, как И.Д.Эйнгорн, К.П.Амбросенко и др., предметом изучения являлась территория Сибири, при этом региональные особенности ее отдельных частей не учитывались⁸. При формулировании выводов, характеризовавших всю Сибирь, использовались факты, имевшие место в отдельно взятом районе или населенном пункте. Такой подход весьма просто объяснить. Для подтверждения антинародной сущности церкви особенности изучаемой территории были не важны, так как контрреволюционный характер ее деятельности для исследователей того времени был очевиден. Поэтому Тобольская епархия как таковая не попадала в поле зрения советских авторов, процессы, протекающие на ее территории, никогда не становились объектом самостоятельного изучения, а приравнивались к общесибирским. Исключением

является сборник статей, составленный из очерков, опубликованных в газетах «Безбожник», «Уральский рабочий», «Советский Север» бывшим преподавателем Тобольской учительской семинарии А.Г.Эристовым⁹. Однако его нельзя охарактеризовать как научное исследование, скорее это пособие, необходимое атеиступрактику в его общественной «безбожной» работе. В итоге реальная история взаимоотношений РПЦ и Советского государства на территории Тобольской епархии не получила в данный период должного освещения.

Наступившие на рубеже 1980—90-х гг. общественно-политические изменения, открытие ранее недоступных источников положили начало качественно новому этапу в отечественной исторической науке. Исследователи получили возможность подвергнуть критическому осмыслению деятельность Советского государства. С представителей религиозных конфессий были сняты обвинения в пособничестве эксплуататорам, стремлении держать народ в отсталости и невежестве. Ранее фактически закрытая тема стала активно разрабатываться и изучаться. Возрос интерес к исследованию отдельных регионов. Так, творческий коллектив Лаборатории истории и культуры Сибири Тюменского государственного университета с начала 1990-х гг. начал выпуск в свет сборников научных статей и документальных материалов, посвященных религии и церкви в Сибири. Значительное внимание в них уделялось периоду становления и утверждения в регионе власти большевистского правительства. Сразу несколько исследователей обратились к теме существования РПЦ в безбожном государстве. Их внимание было обращено в первую очередь на проблемы антирелигиозной политики, форм и методов проведения атеистических кампаний.

Ведущее место в осмыслении положения РПЦ в исследуемый период принадлежит А.В.Чернышову. Под его руководством был собран и систематизирован колоссальный фактический материал, иллюстрирующий картину взаимоотношений государства и церкви в Тюменском крае¹⁰. Исследователь опубликовал неизвестные ранее широкому кругу читателей материалы ОГПУ-НКВД, содержание которых проливает свет на многие спорные вопросы, в том числе и на состояние общественного сознания. В своих научных публикациях автор рассматривает кампании по изъятию

церковных ценностей, вскрытию мошей православных святых, затрагивает проблемы и особенности атеистического воспитания, обстоятельства уничтожения Благовещенского собора в г.Тюмени и т.д.¹¹ Антицерковные выпады властей автор именуется не иначе как «кровавый спектакль большевиков». Он отмечает, что не только крестьянство, но и жители городов губернии были возмущены вандализмом властей, покусившихся на святые храмы. Насильственное изъятие ценностей и погромы церквей, вылившиеся в откровенный «грабеж России», вызвали народную волну сопротивления. Поднятые автором проблемы еще ждут своего исследователя. Сформированная А.В.Чернышовым источниковая база этому способствует.

А.А.Кононенко пытается выяснить роль органов ВЧК-ОГПУ в выстраивании отношений с церковью. Он считал, что это была «основная организация, занимавшаяся вплотную делами религии»¹². А.А.Кононенко утверждал, что в 1921 г. в регионе было беспощадно истреблено огромное число духовенства. Однако он не называет имен и не указывает числа погибших. После окончания Гражданской войны ключевой задачей органов государственной безопасности, по мнению автора, в Западной Сибири был сбор информации и контроль за деятельностью церкви. Такие мирные методы работы были «характерны для того времени», так как после подавления Западно-Сибирского крестьянского восстания запуганное население не имело возможности сопротивляться власти. Контроль осуществлялся при помощи особых отношений с «лояльными Советской власти структурами», т.е. обновленцами. Они имели больше прав и соответственно могли беспрепятственно осуществлять свою деятельность. Для подтверждения своих мыслей А.А.Кононенко приводит примеры, когда та или иная обновленческая группа г.Тобольска подавала ходатайство в губернский отдел управления для утверждения устава и в сравнительно короткие сроки получала положительный ответ. Обоснованным является вывод автора об отсутствии поддержки церковных реформаторов со стороны местного населения.

Некоторые исследователи не согласились с этим тезисом, а также с тем, что органы государственной безопасности играли особую роль в обновленческом движении. Так, Н.С.Половинкин заключал, что обновленческое движение было вызвано процессом

переосмысления положения церкви в социалистическом обществе. Причем значительная масса верующих Тюменской области поддержала ту часть духовенства, которая приняла революцию¹³.

В.Я.Темплинг, в целом соглашаясь с Н.С.Половинкиным, полагал, что у большевиков была определенная «идея фикс — расколоть, ограбить и уничтожить церковь»¹⁴. С этой целью они лояльно относились к обновленцам и всячески противодействовали «тихоновцам». Автор восстанавливает событийную историю организации обновленческой церкви на территории Тобольской епархии, формулирует причины данного события. Движение обновления, по его мнению, в первую очередь поддержала та часть духовенства и верующих, которая искренне стремилась приспособить церковь к изменившимся политическим условиям. Органы советской власти обеспечивали движению негласное содействие, т.к. раскол в церкви способствовал ее дальнейшему ослаблению и уничтожению. Но В.Я.Темплинг не склонен считать, что органы ОГПУ играли особую роль в его организации. Укрепить обновленчество в крае помогала и позиция епископа Иринарха (Синеоков-Андриевский) — человека, не склонного конфликтовать с гражданскими властями.

В статье В.Я.Темплинга имеются небольшие неточности. Так, автор пишет, что епископ Иринарх был арестован примерно 24—28 июля 1922 г. и обвинен в сокрытии ценностей Троицкого монастыря. Но мы знаем, что Иринарх арестовывался и был судим не один, а три раза. Первый раз он был задержан 3 мая 1922 г. и приговорен к заключению в рабдом на три года за дискредитацию советской власти и активное противодействие Декрету об изъятии церковных ценностей¹⁵. Второй раз его осудили в конце сентября этого же года на 7 лет именно за участие в сокрытии церковных ценностей¹⁶. Третий раз Иринарх был осужден уже в 1932 г. В.Я.Темплинг вслед за А.А.Кононенко предполагает, что архиепископ Николай (Покровский) был убит в то время, когда занимал кафедру Тобольской епархии. Однако этот факт не подтверждается документальными материалами. В действительности же в декабре 1922 г. архиепископ Николай принял предложение ВЦУ уйти на покой и уехал в Петроградскую губернию. Его место занял архиепископ Михаил (Николаев)¹⁷.

Проблеме раскола в РПЦ посвящена работа О.П.Цысь, в которой автор приходит к выводу, что к концу 1922 — началу 1923 гг. обновленцы распространили свое влияние практически на всю Тобольскую епархию. Причем формы их пастырского служения не отличались от деятельности «староцерковников». Странники «Живой церкви» не считали себя раскольниками, а лишь «пытались найти свое место в изменившейся системе социально-политических отношений»¹⁸ посредством открытого провозглашения курса на сотрудничество с советской властью. О.П.Цысь принадлежит также ряд работ, посвященных истории общественно-религиозных организаций в Тобольской епархии в период Гражданской войны¹⁹.

Таким образом, существование полярных точек зрения по вопросу о движении за обновление церкви в Тобольской епархии еще раз подтверждает необходимость более тщательного, детального анализа имеющихся фактов с учетом высказанных мнений.

Интерес представляет мнение Н.С.Половинкина о причинах напряженности в отношениях между государством и РПЦ. Он не склонен идеализировать роль последней в ее конфликте с Советами, отмечая, что церковь враждебно встретила социалистическую революцию и из политических, а не религиозных соображений охарактеризовала «Декрет об отделении церкви от государств и школы от церкви» как «акт гонения на религию и церковь»²⁰, несмотря на то, что сам декрет не содержал в себе ничего дискриминационного. В значительной степени взаимоотношения церковных организаций и советской власти зависели от точного выполнения официальной доктрины, конкретных действий сторон на местном уровне. В доказательство этого тезиса автор приводит материалы, которые свидетельствуют о том, что местные органы власти в Тюменской области и подчиненные им органы печати грубо нарушали законодательные и программные положения о религии, что и привело к конфликту между церковью и государством в данном регионе.

Весьма ценные выводы содержатся в работах В.В.Цыся. Особую роль в своей монографии он уделит положению РПЦ на севере Западной Сибири в годы Гражданской войны. Исследователь считает, что взаимоотношения новой власти и духовенства здесь «складывались сложно», т.к. духовенство в послереволюционный

период оказалось в непростом положении. Лишенное прежних привилегий, в том числе и финансирования, оно «попыталось опереться на ту часть общества, которая сохраняла верность традиционным православным ценностям»²¹. Это ставило духовенство в зависимое положение по отношению к прихожанам. Как считает автор, эти события, а также инициированный советской властью процесс реорганизации приходов, были задуманы с целью ослабить позиции РПЦ. В продолжение темы в одной из статей автор приходит к выводу, что церковь на севере Западной Сибири в годы нэпа сохранила прочные позиции. В работе приведены данные, согласно которым здесь продолжали действовать практически все приходы, существовавшие к 1917 г. Причину этого В.В.Цысь склонен видеть в том, что церковь не воспринималась жителями края как пережиток прошлого, орудие угнетения, закабаления, как описывала большевистская пропаганда. Верующие взяли на себя большую часть забот о материальном содержании клира и обустройстве храмового хозяйства. Исследователь сообщает о социальном и количественном составе религиозных общин, церковных советов, перечисляет имена священников, исполнявших свой пастырский долг в храмах севера Западной Сибири в годы нэпа²².

Тему антицерковных кампаний применительно к отдельным частям Тобольской епархии продолжили исследователи Я.Г.Солодкин²³, Н.В.Войнова²⁴ и Н.В.Крылова. Последняя, опираясь на архивные источники, попыталась воспроизвести механизм изъятия церковных ценностей в Курганском уезде, выявить цели представителей советской власти при проведении этой акции. Исследователь сообщает данные о начале и окончании работ комиссий по изъятию, полный список ее членов, количество реквизированного церковного имущества, упоминает некоторые факты, характеризующие отношение населения к происходящему. Заслуга Н.В.Крыловой состоит в том, что она смогла частично проследить судьбу изъятого. Ей было установлено, что ценности были отправлены в «Екатеринбургские золотоплавильные лаборатории, где в золотые слитки переплавлялись не только рядовые, не имеющие большое художественное значение предметы, но и произведения искусства, изготовленные в лучших российских ювелирных мастерских»²⁵. Автор считает, что именно кампания по изъятию

ценностей из православных храмов, проведенная весьма успешно в Курганском уезде, дала толчок активизации группы «Живая церковь». Власти, анализируя реакцию духовенства на конфискацию ценностей, смогли выявить не согласных с политикой советской власти и тех, кто не поддерживал патриарха Тихона. Последние «были временно оставлены в покое». К сожалению, в статье не приведены данные по количественному составу групп обновленцев и тихоновцев, что однако не снижает значимости и ценности собранного и проанализированного материала.

Из поля зрения исследователей выпадают явления, имеющие большое историческое значение, такие как отношение различных слоев населения (крестьяне, рабочие, духовенство, горожане, интеллигенция и служащие советских учреждений) к антицерковным кампаниям, причины довольно быстрой и успешной реквизиции в регионе, где РПЦ была мощной организацией. Можно ли говорить о нежелании православного населения встать на защиту обижаемой церкви либо это пример умело спланированной и правильно организованной политической акции, позволившей в кратчайшие сроки достичь поставленных целей? Ответ на указанные вопросы в научной литературе пока не дан.

Открытым остается также вопрос о причинах, формах, последствиях социально-психологических изменений в общественном сознании населения Тобольской епархии, связанных с ломкой мировоззрения, традиционно ориентированного в России на православный стереотип жизненного уклада.

Если в литературе проблема перевоспитания масс в русле формирования научно-материалистических взглядов получила некоторое отражение в работах, освещающих атеистическую деятельность государственных и партийных органов, то вопрос трансформации религиозного мировосприятия под напором атеистической пропаганды практически не затрагивался либо упоминался попутно, фрагментарно. Одному из аспектов указанной проблемы посвящена небольшая по объему статья И.С.Кузнецова. Он указывает на то, что изучение религиозного сознания населения требует особого внимания, т.к. отрицание привычных духовных ценностей в то время зачастую «представляло собой скорее политический, нежели собственно мировоззренческий выбор»²⁶. То есть в послереволюционные годы критике население подвергало не саму

религию как идеологию, а поведение и политическую позицию ее отдельных представителей. Автор подтверждает свою мысль примером распространения в народе «антиклерикальных и антипоповских» частушек, количество которых по сравнению с антирелигиозными было несравнимо выше.

М.М.Козлова, изучая процесс формирования коммунистического мировоззрения у учащейся молодежи Зауралья в конце 1920-х гг., обратила внимание на то, что несмотря на открытую антирелигиозную направленность государственной политики, количество верующих в течение 1920-х гг. увеличивалось. Она приводит данные, согласно которым в 1929 г. на территории Уральской области (в состав которой входила и Тобольская епархия) насчитывалось 2,7 тыс. религиозных общин, 3,2 тыс. молитвенных зданий и около 10 тыс. священнослужителей. Значительная часть населения области была верующей²⁷. Причины «живучести» религии она видит во влиянии семьи, учителей с дореволюционным педагогическим образованием, а также в слабой работе организаций СВБ. Лишь после активизации антирелигиозной пропаганды, связанной с необходимостью усиления социалистического строительства в конце 1920-х гг., когда началось планомерное, систематическое, организованное наступление на «кулака, нэпмана и попа», роль РПЦ в жизни населения региона стала резко падать. М.М.Козлова справедливо полагает, что это явилось следствием резкого всплеска работы безбожных организаций по всему атеистическому фронту. Но она также отмечает, что незнание населением христианского вероучения и, следовательно, невозможность убедительно и ясно опровергнуть тезисы воинствующих активистов, во многом повлияли на успех борьбы с религией и церковью.

Работы современных авторов раскрывают только некоторые аспекты положения РПЦ Тобольской епархии как общественного института, что невольно создает впечатление об отсутствии какой бы то ни было религиозной жизни в регионе. Поэтому необходимо обращение к теме трансформации быта, жизненного уклада верующих, организации управления приходом, поиска средств существования священнослужителями и т.д. Б.У.Серазетдинов и А.В.Мироненко, используя данные Сургутского городского архива, попытались воспроизвести картину повседневной жизни

служителей культа в 1920—30-е гг.²⁸ Их выводы неутешительны. Не только сама церковная организация не вписывалась в рамки Советского государства, но и ее представители оказались за бортом общественной жизни, лишённые средств к существованию, т.к. их труд считался бесполезным, а значит, не оплачивался. Наряду с процессами регистрации религиозных обществ, имевших место на севере епархии с 1920 г., и закрытием церквей в 1930-е гг. факты финансовой блокады приравниваются авторами к репрессиям. Единственным способом содержать семью стала подработка в совучреждениях, что, естественно, было несовместимо с церковной службой. К сожалению, авторы лишь вскользь приводят примеры участия мирян в организации и материальной поддержке приходов в Сургутском районе. В работе сделана попытка проследить судьбу одного из местных священников — Николая Кравченко.

Более подробное исследование приходской жизни в южной части епархии представлено в статье Л.Ю.Зайцевой. Она утверждает, что «революция не разрушила приходскую жизнь, но видоизменила ее»²⁹. Прихожане не отказались от церкви, но и не могли полноценно обеспечивать ее ввиду понижения собственного благосостояния. При этом потребность населения в священнослужении сохранялась. В первые годы существования советской власти продолжались осуществляться ежегодные крестные ходы, молебны и т.д. Количество прихожан с 1917 по 1920 гг. либо возросло, либо незначительно сократилось. Автор задается вопросом: почему после ликвидации самодержавия и «идеологической религиозной закрепощенности» не произошло массового оттока прихожан? По мнению Л.Ю.Зайцевой, «незащищенность человека в обществе усиливала потребность в покровительстве небес»³⁰. Такой ответ кажется нам весьма упрощенным. Отметим, что в первые послереволюционные годы шла Гражданская война, когда власть переходила от одной политической силы к другой. Представители «белого движения» покровительственно относились к РПЦ и поощряли проявление религиозности. К тому же сразу после революции политика советского правительства не была столь воинствующей и непримиримой по отношению к православным, как в конце 1920-х гг. Поэтому население имело возможность выражать склонность к тому или иному религиозному культу.

В основном исследователи заключают, что несмотря на все атаки атеистического правительства, религия оставалась мировоззрением многих и полностью изжить ее даже в молодежной среде не удалось. Какие же факторы сыграли решающую роль в деле борьбы с религией и церковью? Почему население не отстояло право на свободное проявление религиозного чувства? Почему позволяли закрывать и разрушать храмы, когда только по официальным данным в стране 56,7% населения считали себя верующими?³¹ Таким образом, не подвергается сомнению потребность более тщательного и подробного изучения положения религии в советском обществе в целом и в Тобольской епархии в частности.

Становится очевидной необходимость освещения роли личности в рамках рассматриваемой проблемы. В связи с реабилитацией оклеветанных и несправедливо обвиненных в советский период исторических деятелей стали выходить в свет работы, авторы которых опровергают сведения, порочащие тех или иных представителей духовенства. Так, советская историография называла епископа Тобольского и Сибирского Гермогена (Г.Е.Долганова) «интриган каких мало», обвиняла в монархической контрреволюции, в участии в поповско-кулацкой контрреволюционной повстанческой организации «Союз спасения России», ставившей целью освобождение Николая Романова³².

Современные авторы называют Гермогена одним из первых мучеников за веру в крае, признают его подвиг в борьбе за святую православную церковь против посягательств новой власти³³. А.А.Петрушин опубликовал материалы допросов епископа Иринарха (Синеокова-Андриевского), который возглавил епархию после гибели Гермогена. Обвиненный в руководстве упомянутым «Союзом спасения России» в 1932 г. он был судим и приговорен к заключению в лагере. Материалы дела не подтверждают справедливости обвинения. На допросах епископ Иринарх не только не признал себя виновным, но и заявил: «...я старался внедрить среди духовенства и мирских сознание необходимости идти рука об руку с гражданской властью и своими необдуманными поступками не давать власти даже малейшего повода заподозрить христиан в контрреволюционной деятельности»³⁴. Новые, неизвестные ранее документы, позволяют нам по-иному взглянуть на политическую ориентацию православного епископата и поставить

под сомнение тезис советской историографии об их контрреволюционности. Дальнейшее исследование жизненного пути епископа Иринарха поможет пролить свет на многие неизвестные страницы истории РПЦ Тобольской епархии, так как именно с его именем связано начало раскола среди православного духовенства и разделение епархии на Тобольскую, Тюменскую и Ишимскую.

Р.С.Гольдберг на основе архивных материалов Тюменского регионального управления Федеральной службы контрразведки попытался восстановить основные вехи жизни епископа Серафима Звездинского во время его пребывания в ссылке в г.Ишиме. При анализе документов автор столкнулся с особенностями ведения судебного следствия, присущими советской карательной системе. Несмотря на то, что показания епископа и обвиняемых вместе с ним 15 священнослужителей Ишима «...сотканы из огромного количества отрицаний: „Не был, не знаю, не состоял, не принадлежал, не встречался, виновным себя не признаю“...»³⁵, оперуполномоченный Ишимского РО НКВД Карелин все-таки нашел, что епископ Звездинский не только не отказался от своей контрреволюционной деятельности, а наоборот, вошел в контрреволюционную ишимскую группировку и активно проводил антисоветскую агитацию среди населения. Парадоксально, но епископ был даже не знаком с предполагаемыми членами группировки, т.к. «жил замкнуто, среди мыслей и книг» и ни с кем из представителей ишимского духовенства не общался. Для автора очевидно, что подобного рода дела — плод фантазии «извращенного мышления палачей», не имеющей никакого отношения к реальности. Однако это не спасло жизни обвиняемых, 12 из которых были приговорены к высшей мере наказания, остальные получили длительные сроки заключения. Вообще, в годы репрессий на территории Тюменской области только в 1930—38 гг. было расстреляно 234 человека, которые являлись церковно-священнослужителями либо их родственниками³⁶. Таким образом, немногочисленные робкие попытки восстановить историческую правду и снять ложные обвинения с ни в чем не повинных людей еще раз доказывают необходимость более тщательного, всестороннего, профессионального исследования в этой области. Во многом этому способствует более широкий доступ ученых к архивам Федеральной службы безопасности и более детальный анализ источников.

В свете вышесказанного отметим, что столь же поверхностно в литературе раскрыт вопрос и о судьбах такой категории населения, как «лишенцы». Г.Ш.Мавлютова считает, что лишение избирательных прав за связь с религиозным культом имело целью обеспечить социальное, экономическое, административное и психологическое давление на отдельные слои и группы населения, являлось одной из мер борьбы против религии и церкви³⁷. Помимо исключения из профсоюзов, кооперативов, невозможности получать продукты и товары в условиях карточной системы, увеличения налогового бремени лишенцы испытывали унижение человеческого достоинства. С.В.Багров отмечает, что в различного рода справках, документах в обязательном порядке присутствовала запись о лишении³⁸. Для восстановления избирательных прав было необходимо публично заявить о снятии сана, к примеру, опубликовать в местной периодической печати соответствующее объявление и иметь стаж зачастую никак и никем не оплачиваемых общественно-полезных работ не менее 5 лет. Подобного рода эксперименты властей над личностью приводили к семейным трагедиям, когда сын отрекался от отца и не поддерживал с ним никакой связи, т.к. лишения распространялись и на родственников священнослужителей. Можно ли осуждать тех, кто сбросил с себя сан в отказе от христианских ценностей? Вопрос останется открытым до тех пор, пока не будет проведен анализ всех обстоятельств и условий пребывания в состоянии лишения.

В.В.Дронова, касаясь вопроса церковных преобразований 1917—18 гг., отмечает, что в Тобольской епархии, так же как и по всей России, деятельность новых управленческих структур была незначительна, т.к. они были изначально созданы по формальному принципу³⁹. Также автору принадлежит работа, посвященная деятельности СВБ Тобольского округа с начала его основания в 1925 г. и до свертывания «безбожной» работы в послевоенное время, в которой приведены фамилии организаторов Союза, численные данные о составе за разные годы, основные формы деятельности, проанализированы причины спадов и подъемов в деле пропаганды атеизма, зависящие напрямую от установок центральных партийных органов⁴⁰.

Пожалуй, единственной работой монографического характера, посвященной проблеме взаимоотношения РПЦ и государства

на территории Западной Сибири является книга Т.Н.Коголь⁴¹. Источниковедческая база монографии опирается на широкий и разнообразный корпус источников. Т.Н.Коголь не ограничилась исследованием материалов исключительно государственного происхождения. Принципиальное значение для разработки темы имели документы церковного характера. Указанные источники, гармонично дополняя друг друга, позволили исследователю частично реконструировать картину взаимоотношений церкви и государства в регионе. Хотя работа написана на материалах Тобольской, Томской и Омской епархий, в основном автор говорит об общесибирской специфике, характеризуя всю Западную Сибирь в целом. Так, по мысли исследователя, после прихода к власти большевиков духовенство региона вступило с ними в открытую политическую борьбу. Агенты новой власти повели себя не менее решительно, что и привело к гибели епископа Тобольского и Сибирского Гермогена. В центральноевропейских епархиях иерархия наоборот «не принимая, в конечном счете, Советы, вырабатывала линию на сохранение целостности и независимости церковного организма через принцип аполитичности, невмешательства в разгоревшуюся партийно-политическую борьбу, тем самым пытаясь избежать прямого кровавого столкновения с новым политическим режимом»⁴². Весьма необдуманный характер действий сибирского духовенства автор объясняет его особым, наиболее уязвленным положением среди остальных сословий России. Привычка во всем полагаться на государство, действовать с его помощью и поддержкой привела «к смятению в условиях разлада старых устоев жизни». Особенности проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви были идентичны общероссийским. Т.Н.Коголь отмечает законодательно-правовую запущенность в работе центральных органов, отвечающих за религиозную политику. На местах это приводило к проявлению своеволия и волонтаризма. Отсутствие достаточного количества опытных работников усугубляло ситуацию. В результате некомпетентности и произвола властей осуществление декрета в регионе вылилось в повсеместное удаление из школ преподавателей-церковнослужителей, изъятие метрических книг, печатей, штемпелей, конфискацию денежных капиталов, земли, закрытие церквей и монастырей. Автор приводит сведения, согласно которым из Тобольской

духовной консистории и городских церквей было вывезено 2 660 метрических книг и изъято 106 215 рублей⁴³. Автор уделяет внимание организации православного прихода и жизнедеятельности священнослужителей и верующих. Так, рост религиозных настроений среди Сибирского крестьянства в течение 1920-х гг. она характеризует как «значительный». Наиболее тревожная обстановка в плане восстановления церковно-приходской жизни сложилась в начале 1920-х гг. в Тобольской епархии, т.к. именно туда мигрировала большая часть лиц духовного звания из центральных районов России, спасаясь от голода и разрухи. Особую роль начинает играть приход как единственный источник материально-го обеспечения церковного хозяйства, что приводило к активизации деятельности верующих.

Т.Н.Коголь выделяет два этапа, в рамках которых проходила кампания по изъятию церковных ценностей на территории Западной Сибири: первый, с весны до лета 1922 г., протекал достаточно спокойно; второй, с середины лета до конца года, отличался «произволом, откровенной грубостью, бестактностью, прямым насилием местных органов власти по отношению к духовенству и верующим»⁴⁴. Она объясняет такой резкий поворот в событиях требованием вышестоящих советских правительственных органов «твердой рукой» провести конфискацию всех церковных ценностей. Наиболее удачным «опытом» обновленческого движения в России автор называет Западную Сибирь. Однако она сомневается в достаточной искренности большинства новоявленных обновленцев следовать идеям реформирования церкви. Скорее всего, это был тактический маневр, который обеспечивал «большую стабильность епархиальной и приходской жизни»⁴⁵.

В итоге Т.Н.Коголь приходит к выводу, что духовенство Западной Сибири было интегрировано в структуру нового общественного организма и «разделило общую для всей РПЦ судьбу насильственного пленения тоталитарным государством»⁴⁶. Не умаляя заслуг автора в исследовании проблемы взаимоотношения церкви и государства в указанном регионе, отметим, что многие сюжеты, имевшие место на территории Тобольской епархии, не были отражены в ее работе. К примеру, указано, что «в течение лета — конца осени 1922 года в Томске, Иркутске и Омске состоялись судебные процессы» по обвинению лиц духовного

звания в сопротивлении изъятию церковных ценностей⁴⁷. Подобного рода процесс имел место и в Тюмени над епископом Иринархом, которого в течении 1922 г. судили дважды. Отмечая важность опыта существования в исследуемый период в Центральной России автокефальных епархий, автор ничего не говорит о Тобольской епархии, которая была провозглашена автокефальной осенью 1922 г. Отдельные аспекты проблемы освещены также в работах В.В.Борисовой⁴⁸.

Подводя итог анализу работ, посвященных проблеме взаимоотношения РПЦ и государства на территории Тобольской епархии в 1917—1930-х гг., отметим, что историография указанной проблематики пока еще формируется. Имеющиеся исследования немногочисленны, посвящены отдельным районам епархии. Выводы авторов порой кардинальным образом разнятся. В основном рассматриваются процессы, связанные с политикой советской власти в отношении РПЦ: изъятие церковных ценностей; роль ОГПУ в организации обновленческого движения и т.д. Многие вопросы еще не изучены: о деятельности представителей РПЦ, об адаптации верующих в новых социально-политических условиях. Однако заслуга исследователей, работающих в этой области, очевидна. Им удалось выявить и сформулировать спорные вопросы в постановке темы, конкретизировать ее отдельные аспекты, существенно пополнить корпус источников.

В то же время остается множество нерешенных проблем, связанных с анализом и осмыслением культурно-антропологического аспекта развития советского общества, что предполагает исследование глубинных фактов, определявших линию поведения таких категорий населения, как верующие, лица духовного звания, атеисты. В современной научной литературе практически не нашли отражения такие темы, как антисоветская деятельность РПЦ Тобольской епархии на стороне белой армии; роль церкви и верующих в общественной, политической, культурной жизни епархии; проявление кризиса национального самосознания и религиозной веры как его составной части; кампания по вскрытию мощей православных святых; состояние религиозности населения; сопротивление верующих «безбожной» политике; закрытие и ликвидация православных храмов и роль в этих событиях населения региона и т.д.

Примечания

¹ См., напр.: Кашеваров, А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 / А.Н.Кашеваров. — СПб., 1995; Крапивин, М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917—1941) / М.Ю.Кашеваров. — Волгоград, 1993; Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А.Алексеев. — М., 1991; Он же. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В.А.Алексеев. — М., 1992; Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 годах / О.Ю.Васильева // Вопросы истории. — 1993. — № 8; Она же. Русская православная церковь в 1927—1943 годах / О.Ю.Васильева // Вопросы истории. — 1994. — № 4; Одинцов, М.И. Государство и церковь (история взаимоотношений. 1917—1938 гг.) / М.И.Одинцов. — М., 1991; Он же. Хожде-ние по мукам / М.И.Одинцов // Наука и религия. — 1990. — № 5—7; Поспеловский, Д. Подвиг веры в атеистическом государстве / Д.Поспеловский // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. — М., 1991; Он же. Русская православная церковь в XX веке / Д.Поспеловский. — М., 1995; Он же. Православная церковь в истории Руси, России и СССР / Д.Поспеловский. — М., 1996; Николин, А. Церковь и государство (история правовых отношений) / А.Николин. — М., 1997; Алов, Н.А., Владимиров, Н.Г. Православие в России / Н.А.Алов, Н.Г.Владимиров. — М., 1995; Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Материалы по истории церкви. — М., 1995. Кн. 5; Носов, Н. Обновленчество 20-х и 90-х годов: неразрывная преемственность / Н.Носов // Современное обновленчество-протестантизм «восточного обряда». — М., 1997; Рогозянский, А. Страсти по мощам. Из истории гонений на останки святых в советское время / А.Рогозянский. — СПб., 1998; Тюрина, Л.А. Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917—2000: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.А.Тюрина. — Курск, 2000; Булавин, М.В. Взаимоотношения государственной власти и церкви в России в 1917—1927 годах / М.В.Булавин. — Екатеринбург, 2000; Астафьева, Э.А. Советское законодательство об изъятии церковно-монастырской собственности (1917—1918 гг.) / Э.А.Астафьева // Отечественная история XIX—XX вв.: историография, новые источники: Мат-лы региональной межвуз. науч.-практ. конф. — Н.Новгород, 2003; Лебина, Н.Б. Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба / Н.Б.Лебина // Вопросы истории. — 1996. — № 5—6; Слезин, А.А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов / А.А.Слезин // Вопросы истории. — 2005. — № 9; Лавров, В.М., Лобанов, В.В., Лобанова, И.В., Мазырин, А.В. Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху / В.М.Лавров, В.М.Лобанов, В.В.Лобанова, И.В.Мазырин. — М., 2008.

² Петюкова, О.Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е гг.: По материалам губерний Центральной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Н.Петюкова. — М., 1997; Козлова, М.М. Учащаяся молодежь и религия в конце 20-х гг. в Зауралье / М.М.Козлова // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития: Мат-лы II областной науч.-практ. конф. — Курган, 1997; Нечаев, М.Г. Красный террор и церковь на Урале / М.Г.Нечаев. —

Пермь, 1999; Скипина, И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историография проблемы / И.В.Скипина. — Тюмень, 2003; Катунин, Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917—1939 гг. (На материалах Крыма): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.А.Катунин. — Симферополь, 2003; Мезенцев, Р.В. Православная церковь на Алтае в 1917—1940 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р.В.Мезенцев. — Горно-Алтайск, 2003; Хрусталева, М.Ю. Русская православная церковь в центре и на периферии в 1918—1930 гг. (На материалах Новгородской епархии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.Ю.Хрусталева. — Архангельск, 2004; Беликова, Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России: (конец XIX — первая треть XX вв.) / Н.Ю.Беликова. — Краснодар, 2004; Алленов, А.Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917—1927 гг. (На материалах Тамбовской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Н.Алленов. — Тамбов, 2004; Поляков, А.Г. Церковно-государственные отношения в 1917 — середине 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Г.Поляков. — Сыктывкар, 2007.

³ Памятная книжка Тобольской губернии. 1915 год. — Тобольск, 1915. — С. 82.

⁴ Обзор Тобольской губернии за 1913 год. — Тобольск, 1915. — С. 1.

⁵ Тобольский епархиальный адрес-календарь. — Тобольск, 1908.

⁶ Там же. — С. 72.

⁷ Еремеева, О. Христианство. XIX—XX века / О.Еремеева // Югра. — 2003. — № 2. — С. 43.

⁸ См., напр.: Амбросенко, К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири / К.П.Амбросенко. — Иркутск, 1938; Эйнгорн, И.Д. Религия, Церковь и классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917—1937) / И.Д.Эйнгорн. — Томск, 1985.

⁹ Эрстов, А.Г. Уральский Север: антирелигиозные очерки Тобольского края / А.Г.Эрстов. — Свердловск; М., 1933.

¹⁰ Чернышов, А.В. Религия и церковь в Тюменском крае: опыт библиографии: В 3 ч. / А.В.Чернышов. — Тюмень, 2004; Он же. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению Русской православной церкви в Тюменском крае (1921—1945 гг.) / А.В.Чернышов. — Тюмень, 2002; Черные дни русского православия (документы и материалы о притеснении служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917—1965 гг.). — Тюмень, 1992.

¹¹ Чернышов, А.В. Агония духовной слепоты («Демонический поход» большевиков против православной церкви в Тюменском крае. 1921—1923 гг.) / А.В.Чернышов // Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и док. мат-лов. — Тюмень, 1994. — Вып. 7. — С. 67; Он же. Судьба патриарха белокаменного зодчества Тюмени — Благовещенского Собора (1933 г.) / А.В.Чернышов // Там же. Тюмень, 1992. — Вып. 4; Он же. Из прошлого советского атеистического тоталитаризма в области образования в Тюменском регионе (1918—1988 гг.) / А.В.Чернышов // Там же. Тюмень, 2001. — Вып. 14; Половинкин, Н.С., Чернышов, А.В. Тобольск православный и антихристов: год 1922-й / Н.С.Половинкин, А.В.Чернышов // Там же. Тюмень, 1999. — Вып. 12; Чернышов, А.В. Сводки ОГПУ-НКВД как источник по изучению истории Русской православной церкви

(1922—1937 гг.) / А.В.Чернышов // Архивы на рубеже веков: их роль в исторической науке, практике управления обществом. — Тюмень, 1999.

¹² Кононенко, А.А. Церковь Тобольской (Тюменской) губернии в первые годы советской власти: некоторые аспекты истории (1921—1923 гг.) / А.А.Кононенко // Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и док. мат-лов. — Тюмень, 1992. — Вып. 4. — С. 27.

¹³ Половинкин, Н.С. Западно-Сибирский регион в религиозном отношении и церковные преобразования в XVI—XX вв. / Н.С.Половинкин // Там же. — Тюмень, 1993. — Вып. 5. — С. 30.

¹⁴ Темплинг, В.Я. Православная церковь в Тюменской губернии в первые годы строительства советской власти (1921—1923) / В.Я.Темплинг // Там же. — Тюмень, 1994. — Вып. 7. — С. 43—55.

¹⁵ Еженедельная сводка Тюменского ГО ГПУ об отношении населения губернии к изъятию церковных ценностей за период с 21 апреля по 5 мая 1922 г. // Чернышов А.В. Материал ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению Русской православной церкви в Тюменском крае (1921—1945 гг.) / А.В.Чернышов. — Тюмень, 2002. — С. 41.

¹⁶ Там же. — С. 74.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цысь, О.П. К истории обновленческого движения в Тюменской губернии в 1922—1923 гг. / О.П.Цысь // Проблемы истории и культуры: Сб. науч. тр. — Нижневартовск, 2005. — Вып. 2. — С. 110.

¹⁹ Цысь, О.П. Общественно-религиозные организации Тобольска в 1917—1918 гг. / О.П.Цысь // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. — Тобольск, 1997. — С. 114—115; Она же. Тобольский законоучительный союз в 1918—1919 гг. / О.П.Цысь // Мира не узнаешь, не зная края своего. — Нижневартовск, 1999. — С. 21—24.

²⁰ Половинкин, Н.С. Западно-Сибирский регион в религиозном отношении и церковные преобразования в XVI—XX вв. / Н.С. Половинкин // Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и док. мат-лов. — Тюмень, 1993. — Вып. 5. С. 29.

²¹ Цысь, В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917—1921) / В.В.Цысь. — Нижневартовск, 2005. — С. 134.

²² Цысь, В.В. Русская православная церковь на Севере Западной Сибири в годы нэпа / В.В.Цысь // Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие зап. — Тюмень, 2006. — Вып. 8.

²³ Солодкин, Я.Г. К истории изъятия церковных ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х гг. / Я.Г.Солодкин // Там же. Вып. 1.

²⁴ Войнова, Н.В. Изъятие церковных ценностей в Тюменском уезде в 1922 г. / Н.В.Войнова // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — Новосибирск, 1993.

²⁵ Крылова, Н.В. Изъятие церковных ценностей в Курганском уезде в 1922 году / Н.В.Крылова // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сб. — Курган, 1994. — С. 136.

²⁶ Кузнецов, И.С. Религия и массовая психология в 1920-е гг. (По материалам Сибирской деревни) / И.С.Кузнецов // Религия и церковь в Сибири: Тез. и мат-лы науч. конф. — Тюмень, 1990. — С. 74.

²⁷ Козлова, М.М. Учащаяся молодежь и религия в конце 20-х гг. в Зауралье / М.М.Козлова // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития: Мат-лы науч.-практ. конф. — Курган, 1997. — С. 143.

²⁸ Серазетдинов, Б.У., Мироненко, А.В. Православные общины Сургутского района в 20—30-е гг. XX века (по материалам Сургутского городского и ведомственного архива) / Б.У.Серазетдинов, А.В.Мироненко // Северный регион: наука, образование, культура. — 2001. — № 1 (3). — С. 228—231.

²⁹ Зайцева, Л.Ю. Приходская жизнь в Южном Зауралье в первые годы советской власти / Л.Ю.Зайцева // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. — Курган, 1998. — С. 126.

³⁰ Там же. — С. 127.

³¹ Жиромская, В.Б. Религиозность народа в 1937 г. (По материалам Всесоюзной переписи населения) / В.Б.Жиромская // Исторический вестник. — 2000. — № 1 (5). — С. 108.

³² См., напр.: Касвинов, М.К. Двадцать три ступени вниз / М.К.Касвинов. — М., 1987. — С. 327; Юрасова, М.К. На берегах Иртыша / М.К.Юрасова. — М., 1959. — С. 92.

³³ См., напр.: Диакон Евгений Шестаков. Епископ Тобольский и Сибирский Гермоген / Диакон Евгений Шестаков // Сибирская православная газета. — 1998. — № 5; Игумен Дамаскин. Житие священномученика Гермогена, Епископа Тобольского и Сибирского, и иже с ним пострадавших / Игумен Дамаскин // Москва. — 2001. — № 6.

³⁴ Петрушин, А.А. Епископ Иринарх Синеоков-Андриевский: Я терпимо относился ко всякой гражданской власти, в том числе и к советской / А.А.Петрушин // Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и док. мат-лов. — Тюмень. — 1992. — Вып. 4. — С. 38.

³⁵ Гольдберг, Р.С. Жизнь и смерть Серафима Звездинского, епископа (Исследование журналиста) / Р.С.Гольдберг // Там же. — Тюмень, 1996. Вып. 9. — С. 91.

³⁶ Документальные материалы // Там же. — Тюмень, 2003. Вып. 17. — С. 131—164.

³⁷ Мавлютова, З.Ш. Лишение избирательных прав за связь с религиозным культом (На материалах Тюменского округа. 1924—1929 гг.) / З.Ш.Мавлютова // Словцовские чтения. — Тюмень, 2007.

³⁸ Багров, С.В. Социально-политическое положение граждан, лишенных избирательных прав (на материалах Зауралья. 1924—1936 гг.) / С.В.Багров // Там же. 2003. — С. 74—76.

³⁹ Дронова, В.В. К вопросу о церковных преобразованиях Тобольской епархии в 1917—1918 гг. / В.В.Дронова // Тобольск научный: 2009: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. — Тобольск, 2009.

⁴⁰ Дронова, В.В. Тобольский союз воинствующих безбожников в 1925—1941 гг. / В.В.Дронова // Диалог культур и цивилизаций: Мат-лы IX Всерос. науч. конф. молодых историков. — Тобольск, 2008. Ч. 2.

⁴¹ Коголь, Т.Н. Взаимоотношения Русской православной церкви и государства в первое десятилетие советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). — Томск, 2005.

⁴² Там же. — С. 57.

⁴³ Там же. — С. 71.

⁴⁴ Там же. — С. 94.

⁴⁵ Там же. — С. 110.

⁴⁶ Там же. — С. 140.

⁴⁷ Там же. — С. 96.

⁴⁸ Борисова, В.В. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии / В.В.Борисова // Вест. Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2009. История. — Вып. 34; Она же. Формы и методы антирелигиозной работы в школах Тобольского округа Уральской области в конце 1920-х гг. / В.В.Борисова // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия гуманитарные науки. — Тамбов, 2009. Вып. 3 (71); Она же. Деятельность Союза воинствующих безбожников в Тобольском округе Уральской области во второй половине 1920-х гг. / В.В.Борисова // «Традиционные общества: неизвестное прошлое»: Мат-лы Урало-Поволжской исторической конф. молодых исследователей. — Челябинск, 2007; Борисова, В.В., Цысь, В.В. Кампания по закрытию церквей и мечетей в Тобольском округе в 1929—1930-е гг. / В.В.Борисова, В.В.Цысь // В.И.Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: Мат-лы науч.-практ. конференции. — Сургут, 2007.

Глава 4

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОЙ СФЕРЫ ЮГРЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В результате модернизации 1930-х гг. СССР совершил мощный экономический рывок, который, по утверждению Г.Е.Корнилова, вывел страну в разряд ведущих мировых держав, что абсолютно справедливо¹. Одновременно с индустриализацией проходила модернизация аграрной сферы, завершившаяся формированием новых отношений, в которой сельскому хозяйству отводилась роль сырьевого придатка, источника пополнения различных видов ресурсов. Ханты-Мансийский (Остяко-Вогульский) национальный округ не стал исключением, однако здесь имелась своя специфика, выражавшаяся в том, что сельскохозяйственное производство в довоенный период было создано исключительно трудом ссыльных крестьян.

С начала Великой Отечественной войны милитаризация экономики явилась одной из важнейших составных частей общей программы по превращению страны в единый боевой лагерь под девизом: «Все для фронта, все для победы!»²

Важнейшим направлением перестройки экономики стали мобилизация и перераспределение производственных ресурсов для нужд фронта. Это были решающие условия перевода экономики на военное положение, они сразу же охватили всю промышленность, сельское хозяйство, транспорт, финансы, трудовые ресурсы и проводились вместе с развертыванием Вооруженных сил. На это был прежде всего направлен указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня «О военном положении». Перевод всего народного хозяйства СССР на военный лад практически начался с пересмотра и осуществления экономических и заблаговременно подготовленных мобилизационных планов центрального и местного масштабов в соответствии с реальной обстановкой начавшейся войны.

23 июня 1941 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР срочно ввели в действие принятый 6 июня мобилизационный план

по производству боеприпасов и организовали работу Госплана СССР (председатель — Н.А.Вознесенский) по подготовке общего «Мобилизационного народнохозяйственного плана на IV квартал 1941 года». 30 июня этот план был утвержден. Выполнение его осложнялось и корректировалось неблагоприятными событиями на фронте, но этот основной план обеспечивал ориентиры и координацию действий всех организаций сверху донизу, определял направления перестройки народного хозяйства. Он позволил начать перераспределение всех сил и средств страны в интересах военного производства. Резко, на 10 и более процентов, увеличился выпуск военной продукции, было организовано изготовление военной продукции всеми предприятиями тяжелой, легкой, пищевой и местной промышленности. Для нужд войны началось строительство новых предприятий, шахт, электростанций, железнодорожных линий. Было сокращено производство гражданской продукции и розничного товарооборота.

Однако намеченные меры не могли обеспечить все возрастающие, новые потребности войны, и 16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) ввели в действие разработанный с участием больших коллективов специалистов конструктивный народнохозяйственный план на 4 квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Это была обширная и долговременная программа (с последующими коррективами в ходе войны). Она определила деятельность народа по развитию всех отраслей экономики, новую систему ее финансирования, подготовку и переподготовку почти 80% рабочих промышленности, дальнейшие решения об установлении трудового режима военного времени, массовом привлечении к труду подростков, пенсионеров, женщин, о введении карточной продовольственной системы, подсобных личных хозяйств, увеличении посевов в восточных районах до 62 706 тыс. га, переводе железных дорог на военный график и порядке эвакуации из прифронтовых районов³.

В первые месяцы войны сельскому хозяйству страны был нанесен огромный материальный ущерб. Страна лишилась около половины своих посевных площадей и половины поголовья скота. К концу 1941 г. число колхозов в стране сократилось более чем на 30%, совхозов — на 35%, МТС — на 31%. Число трудоспособных

в колхозах сократилось на 44%⁴. В тех условиях необходимо было мобилизовать имеющиеся сельскохозяйственные ресурсы в восточных районах страны, в том числе в Сибири и на ее Крайнем Севере для снабжения армии и населения.

К зиме 1941 г. сельское хозяйство Сибири испытывало огромные трудности. Развитие сельскохозяйственного производства в районах, малопригодных, а подчас и вовсе непригодных с природно-климатической точки зрения для аграрного сектора, является феноменальным явлением в истории мировой сельскохозяйственной практики и нуждается в изучении и осмыслении.

Долгое время вопросам сельскохозяйственного производства севера Западной Сибири в отечественной историографии не уделялось должного внимания. История аграрного освоения Югры также не являлась предметом специальных исследований в течение весьма длительного времени⁵. В советский период историографии некоторые сюжеты аграрной истории военной поры нашли частичное отражение в комплексных работах, посвященных Северу СССР, но в целом они представлены весьма разрозненно и поверхностно.

Лучше в отечественной историографии представлен период 1930-х гг. Обращение историков к периоду 1930-х гг. объяснялось прежде всего общей тенденцией активизации исследований эпохи, когда происходило формирование общественного аграрного производства⁶.

Постсоветский период историографии характеризуется также незначительным объемом работ, посвященных истории сельского хозяйства ХМАО⁷. Вопросам коллективизации на севере Западной Сибири посвящено несколько работ, в которых авторы пытаются пересмотреть ее ход, итоги, последствия⁸. Проблемы землеустройства и землепользования в регионе также затрагивались некоторыми авторами⁹. А.С.Иваненко и В.Е.Иваненко в одной из работ¹⁰ представили обзор сельскохозяйственного развития Остяко-Вогульского округа в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны. Авторы сосредоточили свое внимание преимущественно на характеристике колхозного производства. В целом они позитивно оценили аграрное развитие региона в указанные годы. К сожалению, авторы «продублировали» уже описанные в отечественной историографии сюжеты, поскольку не учли научные данные, ранее полученные другими исследователями¹¹.

В меньшей степени исследователи затронули историю округа периода Великой Отечественной войны. Изучение истории региона в годы Великой Отечественной войны в основном связано с именем историка из Тобольска — Ю.П.Прибыльского, отметившего положительную динамику в развитии хозяйства округа к концу войны. Однако о сельскохозяйственном развитии округа автором лишь упоминается¹². По его сведениям, в округе было мобилизовано на фронт 17 890 человек, из которых 8 479 не вернулись. По мнению Ю.П.Прибыльского, роль округа в обеспечении военного производства и населения стратегическим сырьем, материалами и продовольствием, значительна. Он сделал вывод, что ценные и доступные топливно-энергетические, минерально-сырьевые и биологические ресурсы региона использовались максимально. В короткие сроки были решены сложные организационные, производственно-технические и кадровые проблемы: эвакуация промышленных предприятий и их размещение на территории округа, перевод предприятий химической, судостроительной, деревообрабатывающей, легкой, местной и кооперативной промышленности на выпуск оборонной продукции; реконструкция и расширение производственных мощностей по добыче и заготовке деловой древесины; развитие рыбного хозяйства в бассейне Иртыша и Оби; увеличение поставок промысловой и сельскохозяйственной продукции; обеспечение предприятий необходимой рабочей силой. Ю.П.Прибыльский обратил внимание на дальнейшую специализацию местного и пришлого населения. Коренные жители продолжали развивать традиционные отрасли хозяйства: оленеводство, пушной промысел, заготовку дикоросов. Труд заключенных и спецпереселенцев эксплуатировался крупнейшим в регионе производственно-техническим объединением — Ханты-Мансийским рыбопромышленным трестом.

Крупной работой, посвященной аграрной истории региона, является книга В.Г.Балина «Земельные отношения на Обском Севере», в которой освещены различные аспекты землеустройства на Югорской земле, в научный оборот введен оригинальный материал землеустроительных полевых исследований¹³. Автором затронуты вопросы советского и колхозного строительства на Обском Севере, охарактеризованы процессы земельно-водного устройства территории накануне и в годы Великой Отечественной войны¹⁴.

В.Г.Балин сообщает о некоторых организационных изменениях в сельском хозяйстве военного времени, в частности, о переводе 50% всех сельскохозяйственных артелей округа на устав рыболовецкой артели, однако не объясняет, почему это предпринималось. Полагаем, что поскольку рыбная отрасль занимала ведущее место в экономике региона, а сельскому хозяйству отводилась хотя и важная, но вспомогательная роль, постольку перевод на рыболовецкую артель давал некоторые преимущества, прежде всего экономического плана, колхозникам.

Советская историография сельскохозяйственного развития региона представлена весьма скромно и работы, в которых имеются аграрные сюжеты, не раскрывают в комплексе всех проблем развития сельского хозяйства. Общим для работ является позитивный вывод о приросте посевных площадей, ударном труде, помощи колхозников фронту.

Современная историография аграрной истории периода Великой Отечественной войны весьма скудна и представлена, в частности, несколькими статьями в энциклопедии «Югория»¹⁵, где сообщаются лишь самые общие сведения. К специальным работам по теме можно отнести публикацию Л.В.Набоковой¹⁶. На основе документов ГАХМАО она представила основные факты развития сельского хозяйства в районах округа в условиях Великой Отечественной войны, отметив, что это превратилось в задачу военно-хозяйственной важности. Ею извлечены документы, касающиеся деятельности опытных учреждений, в частности, Ханты-Мансийского опорного пункта. Л.В.Набокова пришла к выводу, что в трудный период военного времени в суровых климатических условиях коллектив Ханты-Мансийского опорного пункта продолжил исследования по сельскохозяйственному освоению северного края, выделил скороспелые и урожайные сорта сельскохозяйственных культур, приступил к более сложным методам селекции культур, разработал агротехнические мероприятия по освоению новых земель, созданию собственной семеноводческой базы¹⁷.

Проблемы развития сельского хозяйства ХМАО в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) нашло некоторое отражение в трудах Б.У.Серазетдинова. Б.У.Серазетдинов отправной точкой форсированного развития сельского хозяйства считает решение второго пленума Ханты-Мансийского окружного комитета

партии, поставившего задачу: «Превратить округ из потребляющего в производящий все сельскохозяйственные продукты»¹⁸. Автор обращает внимание на то, что для выполнения поставленной плenumом задачи началось увеличение посевных площадей, колхозы округа стремились обеспечить себя семенами для посева. Б.У.Серазетдинов констатирует, что эта задача с успехом была выполнена в 1943 г., когда большинство сельскохозяйственных артелей были сняты с государственного снабжения хлебом.

В числе передовых районов развития сельского хозяйства округа исследователь называет Самаровский, Микояновский и Сургутский. Б.У.Серазетдинов указывает на развитие в колхозах животноводства, в том числе и племенного, увеличение количества товарных ферм, рост поголовья оленей. Увеличение поголовья скота привело к повышению показателей надоя молока и, соответственно, повышению производства масла. Приводимые Б.У.Серазетдиновым материалы в основном характеризуют перевыполнение планов, повышение показателей в тех или иных отраслях сельского хозяйства, наряду с этим исследователь указывает и на недостатки, а также применяемые меры по их устранению. Так, одним из факторов, влиявших на урожайность и заготовку кормов для скота, историк называет весенне-летние паводки, которые, с одной стороны, снижали производительность, а с другой — способствовали поиску путей решения проблемы и, как следствие, — перевыполнению планов. Примером служит 1941 г., когда от весенне-летнего паводка особенно пострадали Самаровский и Микояновский районы. Партийные комитеты ХМАО поставили задачу и мобилизовали колхозников на расширение посевных площадей под озимые хлеба. Осенью 1941 г. посевные площади под озимую рожь увеличились в 1,5 раза.

По мнению Б.У.Серазетдинова, превышению планов способствовало и умелое руководство партийных организаций. В 1944 г. Ханты-Мансийский окружком партии наметил меры повышения урожайности путем строгого соблюдения правил агротехники, введения правильных севооборотов, приемов высококачественной обработки почвы, подъема паров, расширения посевных площадей за счет освоения новых земель. Одним из новшеств было создание в большинстве колхозов постоянных полеводческих бригад и звеньев. Исследователь отмечает, что сельское хозяйство ХМАО постоянно нуждалось в рабочей силе.

В поле зрения автора оказался сравнительный анализ потребности и наличия рабочей силы в округе за 1942—1944 гг., позволивший ему выявить, что в 1942 г. потребность в рабочей силе была удовлетворена на 78,4%, а в 1944 г. — на 62,3%. Исследователь полагает, что действительные размеры нехватки рабочей силы значительно выше приведенных цифр, так как постоянной рабочей силы в сельском хозяйстве округа было не более 2,5—3 тысяч человек. Остальная рабочая сила состояла из мобилизованного на сельскохозяйственные работы населения.

Б.У.Серазетдинов изучил, как проводились в округе опытные работы по акклиматизации наиболее перспективных в условиях Севера семян пшеницы и других зерновых культур. Было организовано обучение населения сельскохозяйственным работам. Широкое развитие получило коллективное и индивидуальное огородничество. Статья Б.У.Серазетдинова является едва ли не первой специальной работой, посвященная теме, содержит интересный фактический материал, однако страдает неполнотой выводов и обобщений¹⁹.

В ряде других своих публикаций Б.У.Серазетдинов затрагивал тему аграрной сферы вскользь в русле более широких тем, исследуя положение округа, в частности Сургутского района, в годы Великой Отечественной войны. Например, Б.У.Серазетдинов в работе «Сургут в годы Великой Отечественной войны»²⁰ ограничился лишь замечаниями самого общего характера о развитии сельского хозяйства. Он указывал, что «каждый военный год на полях района выращивали хороший урожай зерновых, картофеля и овощей. Государству продано 4 тыс. ц хлеба. Колхозы в порядке закупа сдали 13 400 ц молока»²¹. В другой работе «Принудительная миграция народов в годы Великой Отечественной войны в Ханты-Мансийском округе» Б.У.Серазетдинов приводит сведения об увеличении посевных площадей в 1943 г. по сравнению с 1942 г. Было 16 967 га, стало почти на 700 га больше²². Однако автор не объясняет причину роста, хотя вывод напрашивается уже исходя из темы его статьи. Увеличение посевных площадей в 1943 г. было связано с использованием труда выселенных в округ представителей различных народов (этническая ссылка). В результате привлечения их к поднятию новых земель посевные площади в 1943 г. увеличились по районам: Сургутскому —

на 424 га, Микояновскому — на 121 га, Самаровскому — на 112 га²³. Таким образом, в работах Б.У.Серазетдинова приводится интересный фактический материал, однако он представлен разрозненно, порой хаотично, без какой-либо претензии на выводы и методологию.

Итак, несмотря на имеющуюся литературу об экономическом развитии севера Западной Сибири в целом, трудов, посвященных аграрной истории Ханты-Мансийского округа периода Великой Отечественной войны, почти нет, что ставит проблему изучения сельскохозяйственного производства региона как одну из приоритетных на ближайшие годы.

В изучении аграрной истории региона периода военного времени целесообразно выделить, на наш взгляд, следующие направления:

— сельскохозяйственное производство накануне Великой Отечественной войны;

— развитие земледелия и деятельность сельскохозяйственных научных учреждений;

— развитие животноводства и ветеринарное обслуживание поголовья;

— организация и мотивация труда в сельском хозяйстве.

Последовательное изучение предложенных направлений позволит создать образ прошлого в аграрном развитии края не только по отраслевому принципу, но и с точки зрения мотивации труда, его условий и результатов, что, вероятно, будет способствовать пониманию вопроса о цене Победы, которая измеряется не только военными подвигами в районах боевых действий.

Примечания

¹ Корнилов, Г.Е. Аграрная сфера Урала в годы Великой Отечественной войны / Г.Е.Корнилов // Урал в военной истории России: традиции и современность: Третьи уральские военно-исторические чтения, посвящ. 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса: Мат-лы междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003. — С. 63.

² Главными документами партии и правительства, в которых содержалась программа борьбы советского народа, явились Заявление советского правительства (22 июня), Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» (22 июня), Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей «29 июня» и изложение этой развернутой программы в радиовыступлении перед народом главы Советского правительства И.Сталина (3 июля).

³ См.: Совершенно секретно! Только для командования! — М., 1967. — С. 220, 365; Мерцалов, А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ / А.Н.Мерцалов. — М., 1989. — С. 117; Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны / Г.С.Кравченко. — М., 1970. — С. 121.

⁴ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. М.М.Козлов. — М., 1985. — С. 645.

⁵ Полагаем, что в советском опыте аграрного освоения территории можно выделить три этапа: 1. Крестьянская ссылка и создание основ сельскохозяйственной отрасли, особенно земледелия в регионе (1930—1945 гг.); 2. Послевоенный этап, охватывавший 1945—1969 гг., характеризовавшийся хозяйственным укреплением колхозов и совхозов (до интенсивного нефтяного освоения); 3. 1970—1980-е гг. — сельскохозяйственное производство в эпоху развития нефтегазового комплекса.

⁶ Зибарев, В.А. Большая судьба малых народов / В.А.Зибарев. — Новосибирск, 1972. — С. 80; Киселев, Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. — Тюмень, 1980. — С. 336—337.

⁷ См.: Головнев, А.В., Прибыльский, Ю.П. и др. История Ямала / А.В.Головнев, Ю.П.Прибыльский. — Тобольск; Яр-Сале, 1994. — С. 43.

⁸ Алексеева, Л.В. Коллективизация ненцев Ямала и ее итоги (1930—1941 гг.) / Л.В.Алексеева // Западная Сибирь: история и современность. — Тюмень, 2007. — Вып. 9. — С. 92—101; Прибыльский, Ю.П. Спецпереселенцы / Ю.П.Прибыльский // Тюменская правда. 1988. 14 декабря; Мошкин, В.В. О численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе (по материалам ГАОПОТО) / В.В.Мошкин // Западная Сибирь: история и современность. — Тюмень, 2006. — Вып. 8. — С. 164.

⁹ Алексеева, Л.В. Землепользование и землеустройство на Обь-Иртышском Севере с середины 1920-х — 1930-е гг. / Л.В.Алексеева // Западная Сибирь: история и современность. — Тюмень, 2005. — Вып. 7. — С. 144—157; Коньшева, И.И. К вопросу о землеустройстве и землепользовании на Урале и Северном Зауралье (1917—1930-е гг.) / И.И.Коньшева // Там же. — С. 130—143, и др.

¹⁰ Иваненко, А.С., Иваненко, В.Е. Сельское хозяйство Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) национального округа в 1930-е гг. / А.С.Иваненко, В.Е.Иваненко // Северо-Западная Сибирь в прошлом и настоящем. — Нижневартовск, 2007. — С. 16—19.

¹¹ См.: Алексеева, Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера... С. 191—197, 204—239.

¹² См.: Прибыльский, Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Ю.П.Прибыльский. — Томск, 1986; Он же. Социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Ю.П.Прибыльский // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. — Тюмень, 1997. — С. 28—29.

¹³ См.: Балин, В.Г. Земельные отношения на Обском Севере / В.Г.Балин. — Новосибирск, 2000. — Ч. 1. — С. 5.

¹⁴ Там же. — С. 34.

¹⁵ Прибыльский, Ю.П. Великая Отечественная война / Ю.П.Прибыльский // Югория. Энциклопедия ХМАО. — Ханты-Мансийск, 2000. — Т. 1. — С. 149; Иваненко, В.Е. Коневодство / В.Е.Иваненко // Там же. — Т. 2. — С. 64; Иваненко, А.С. Кормопроизводство / А.С.Иваненко // Там же. — С. 69, и др.

¹⁶ Набокова, Л.В. Ханты-Мансийская сельскохозяйственная опытная станция / Л.В.Набокова [URL]: www.admhmao.ru/committe/upr_arh/dok_mes/predpriyat.htm

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. — С. 72.

¹⁹ Серазетдинов, Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Б.У.Серазетдинов // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1 (3).

²⁰ Серазетдинов, Б.У. Сургут в годы Великой Отечественной войны / Б.У.Серазетдинов // Сургут в Отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. — Сургут, 2001. — С. 88—92.

²¹ Там же. — С. 89

²² Серазетдинов, Б.У. Спецпереселенцы в годы Великой Отечественной войны в ХМАО / Б.У.Серазетдинов // Северный регион: наука и социокультурная динамика: Сб. тез. Всерос. науч. конф. — Сургут, 2002. — С. 66 (подсчитано нами)

²³ Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Борисова В.В. — соискатель кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Еланцева О.П. — кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета.

Маслюженко Д.Н. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой культурологии Курганского государственного университета.

Митрофанов В.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественных дисциплин Южно-Уральского государственного университета (филиал в г.Нижневартговске).

Мошкин В.В. — кандидат исторических наук, учитель Зайцевореченской средней школы.

Решетникова С.Н. — соискатель кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Силаева И.А. — соискатель кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Симачкова Н.Н. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартговского филиала Тюменского государственного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Фарносова В.В. — заведующая отделом охраны памятников истории и культуры Комитета по культуре и кино администрации Березовского района.

Храмцов А.Б. — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.

Глава 1

Возможности использования Сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов..... 5

Глава 2

Из истории сибирского летописания конца XVII века 34

Глава 3

Вторичные редакции Есиповской летописи..... 66

Глава 4

Книжная культура Сибири конца XVI — XVII вв.: основные разновидности источников 84

Глава 5

О малоизвестных источниках по истории становления образования в Западной Сибири в первой половине XIX в. 92

Глава 6

Письменные источники по истории образовательных и просветительских учреждений Севера Западной Сибири XIX — начала XX вв..... 108

Глава 7

Проблемы источниковедческого и историографического изучения влияния института власти на развитие торгового предпринимательства в Западной Сибири пореформенного периода 133

Глава 8

Информационные возможности документов архивного фонда Тюменского отделения Тобольского губернского жандармского управления..... 154

Глава 9

Отражение крестьянской ссылки на Север Западной Сибири в опубликованных документах и архивных источниках..... 172

Глава 10

Периодическая печать о коми Северного Зауралья в XX в. 192

Раздел II
ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ

Глава 1

Агиографические источники
по истории Сибири XVII века в оценке С.В.Бахрушина 205

Глава 2

Отечественная историография становления
воеводской системы управления в Сибири 215

Глава 3

Проблема взаимоотношений
Русской православной церкви и государства
в 1917—1930-е гг. в современной отечественной
историографии (на материалах Тобольской епархии) 224

Глава 4

Отечественная историография аграрной сферы Югры
периода Великой Отечественной войны 245

Сведения об авторах 255

Научное издание

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 5

Редактор *Н.В.Титова*
Художник обложки *Л.П.Павлова*
Технический редактор *Е.С.Борзов*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 26.11.2010
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 16,25
Тираж 500 экз. Заказ 1117

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

